

ИНСТИТУТ
К.МАРКСА и Ф.ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА
МАТЕРИАЛИЗМА

ДЖОН ТОЛАНД

ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1927

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА.
БИБЛИОТЕКА МАТЕРИАЛИЗМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. ДЕБОРИНА и Д. РЯЗАНОВА.

Томас Гоббс. Избранные сочинения. Перевод А. Гутермана. С предисловием А. Деборина. С портретом Гоббса на отд. листе. М.—Л. 1926. Стр. XXVIII + 276. Ц. 3 р.

Содержание: Предисловие редактора. I. Основы философии. Часть первая. Учение о теле. К читателю. I. Логика. II. Основы (первая философия). III. О законах движений и величин. IV. Физика, или о явлениях природы. Приложение I. Мое мнение о свободе и необходимости. Приложение II. Возражения на размышления Декарта и ответы последнего. Часть вторая. Учение о человеке. II. Человеческая природа.

Поль Гольбах. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного. Перевод П. Юшкевича. Со вступительной статьей А. Деборина. М. 1926. Стр. XXXV + 578. Ц. 4 р., в папке 4 р. 40 к.

Содержание: Предисловие редактора. Предисловие автора. Часть первая. О природе и ее законах. О человеке. О душе и ее способностях. О догмате бессмертия. О счастье. Часть вторая. О боже-стве, о доказательствах его существования. О его атрибутах. О способе, каким божество влияет на счастье людей.

Дени Дидро. Избранные сочинения. Под редакцией и с предисловием А. Деборина. С 2 портретами на отдельных листах. М.—Л. 1926.

ТОМ I. Стр. LVI + 359. Ц. 3 р. 50 к.

Содержание: Предисловие редактора. Письмо о слепых в назидание зрячим. Прибавление к письму о слепых. Письмо Вольтеру. Мысли об объяснении природы. Философские принципы материи и движения. Разговор Даламбера с Дидро. Сон Даламбера. Продолжение разговора. Добавление к „Путешествию Бугенвилля“. Речь философа, обращенная к королю. Разговор философа с женой маршала де ***. Племянник Рамо.

ТОМ II. Стр. 342. Ц. 3 р.

Содержание: Размышления по поводу книги Гельвеция „Об уме“. Систематическое опровержение произведения Гельвеция „Человек“. Элементы физиологии. Библиография. Указатель имен.

Ламеттри. Избранные сочинения. Перевод с франц. С предисловием А. Деборина. С портретом Ламеттри на отд. листе. М.—Л. 1925. Стр. 1 + 372. Ц. 4 р.

Содержание: Вступительная статья А. Деборина. Предварительное рассуждение. Трактат о душе. Краткое изложение философских систем. Человек-машина. Человек-растение. Система Эпикура. Рассуждение о счастье, или против Сенеки. Примечания, библиография и указатель имен.

Johann Toland
Hibernus

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕКА МАТЕРИАЛИЗМА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ А. ДЕБОРИНА и Д. РЯЗАНОВА

ДЖОН ТОЛАНД

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО и ЛАТИНСКОГО
с ПРЕДИСЛОВИЕМ А. ДЕБОРИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва ★ 1927 ★ Ленинград

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Одним из крупнейших представителей английского материализма конца XVII и первой четверти XVIII века является Джон Толанд. Он принадлежал к плееде так называемых вольнодумцев (free-thinkers), которые сыграли значительную роль в деле критики положительной религии и, в частности, христианства. Но в отличие от других свободомыслящих, как Антон Коллинс, Тиндаль, Морган и др., Толанд не удовлетворился, однако, деизмом—этой религией буржуазии—и пошел дальше в направлении к материализму. По своему материалистическому мировоззрению он примыкает непосредственно к Спинозизму, с одной стороны, и к материалистам эпохи Великой английской революции (как и к локковской теории познания)—с другой стороны.

К сожалению, история материализма эпохи английской революции очень мало разработана. История сохранила нам только произведения великого материалиста Гоббса; что же касается других материалистов, которые ему, быть может, уступали по силе мысли, но которые играли видную роль в ту эпоху, то они ныне совершенно забыты. Достаточно назвать Ричарда Овертона, сподвижника Лильбурна.

Взгляды Ричарда Овертона отличались как политическим и социальным радикализмом, так и определенно материалистическим характером в смысле общего мировоззрения. В противоположность Гоббсу, Овертон был сознательным представителем и защитником интересов низших классов и считался «главным представителем ужасного материалистического учения, отрицающего бессмертие души», как говорится в одном манифесте пресвитерианского конклава по поводу неверия того времени¹⁾. Последователи Р. Овертона

---

¹⁾ См. *К. Каутский*, Из истории общественных течений, 1907 г., т. II, стр. 166.

называли себя «спящими душами» (soul-sleepers), желая этим подчеркнуть, что со смертью человека умирает и его душа ¹⁾.

Овертон своими взглядами на смертность человека оказал влияние на Мильтона. Надо полагать, что и Гаррингтон в своих общефилософских взглядах также испытал на себе влияние Овертона. Во всяком случае Гаррингтон в общем и целом, как это подчеркивает и Каутский, стоял в своей «Океании» (вышедшей в 1656 г.) на материалистической точке зрения. Если оставить в стороне выражение «дух»,—говорит правильно Каутский,—то мы должны будем признать за Гаррингтоном материалистический образ мыслей, поскольку это вообще в то время было возможно. И даже самое мистическое и фантастическое положение трактата Гаррингтона имеет безусловно материалистическое основание, и Гаррингтон в своем введении определенно говорит, что, оставив все книги и теории, он хочет изобразить природу в том виде, как она «воспринималась впервые моими чувствами и через их посредство моим умом» ²⁾.

Впоследствии Толанд, как мы это увидим ниже, с любовью возвращается к деятелям эпохи революции, а именно к Мильтону и Гаррингтону. Но и по своим чисто философским взглядам он скорее примыкает к материалистическим воззрениям Овертона и Гоббса, чем к половинчатому учению Локка.

I

Джон Толанд родился 30 ноября 1670 г. в Ирландии близ Лондондерри. Толанд воспитывался в католической семье; есть даже основание думать, что он был сыном католического священника. Враги нашего философа часто пользовались этим обстоятельством в своих нападках на него, желая подчеркнуть его «внебрачное» происхождение. Его родственники во всяком случае были папистами. Уже в молодости, как рассказывает сам Толанд, он проникся ненавистью к папистам, ко всяким суевериям и идолопоклонству и поставил целью своей жизни ко всему подходить критически. Он

1) Там же, стр. 231; ср. также *Masson, Life of Milton*, vol. V, p. 120.

2) *К. Каутский*. Там же, стр. 252.

выделялся в школе своими выдающимися способностями и необычайным прилежанием. Четырнадцать лет от роду он был уже хорошо знаком с древними классиками. Любимым писателем его был Тит Ливий. Уже в юношеском возрасте Толанд обратил особое внимание на те места у Ливия, где рассказывается, что *религия* была введена Нумой в *политических целях*. Эти места он выучил наизусть и впоследствии часто на них ссылался в своих произведениях. Помимо латинского, греческого и древнееврейского, он изучал и новые языки, из которых владел французским, итальянским и, повидимому, также немецким и голландским.

В 1687 г. он поступил в Глазговский университет, где изучал преимущественно теологию. Пробыв в Глазго три года, он затем переехал в Эдинбург, где ему было предоставлено звание магистра свободных искусств. Из Эдинбурга он переселился в Лондон. В 1691 г. он издал первое сочинение в стихотворной форме под названием «Tribe of Levi» Эта работа нашего философа начинается с заявления, что из всех язв, разъедающих человечество, самой страшной, вредной и опасной является духовенство.

Толанду было всего только четырнадцать лет, когда он уже принял участие в политической жизни своей страны. Он участвовал в восстании против короля Якова II и был взят в плен королевскими войсками после того, как восстание было подавлено. Военным судом он был осужден; по приговору суда он ежегодно должен был подвергаться публичному телесному наказанию в одном из городов Англии. Толанд не мог примириться с таким унижительным для его достоинства наказанием, и молодой революционер подал ходатайство о «помиловании», прося подвергнуть его *смертной казни через повешение*. Такое смелое выступление юноши произвело впечатление даже на его судей, и он был освобожден от всякого наказания.

Его враги ставили ему в вину те его поступки и даже мечты, которые характеризуют Толанда-ребенка как выдающуюся личность. Великие идеи бродили в детской голове нашего философа. Он сам рассказывает в своих произведениях, что, будучи ребенком, он мечтал о том, чтобы в тридцать лет стать главой новой «секты», а в сорок—произве-

сти такой же государственный переворот, какой был совершен Кромвелем 1).

Для характеристики Толанда, с одной стороны, и его врагов среди попов—с другой, небезынтересно привести здесь суждение о нем священника Торшмида. «Толанд,—говорит этот автор,—часто находился в таком бедственном положении, что вынужден был сам заниматься продажей своих книг». «Свободомыслие,—продолжает он,—не сделало еще ни одного писателя богатым... Если бы Толанд употребил свой разум и способности, дарованные ему творцом, более приличным способом, то он достиг бы более основательной славы, большего спокойствия, а миру мог бы оказать более полезные услуги» 2).

Эта тирада представителя духовенства чрезвычайно любопытна. Торшмид злорадствует по поводу бедности Толанда. Вольнодумство—дело невыгодное, оно никого еще не сделало богатым. Не занимайся Толанд критикой христианства, он был бы в почете и, наверное, мог бы, при своих выдающихся способностях, добиться и богатства. Но Толанд, в отличие от Торшмида, не думал о наживе. Он с малых лет поставил себе другую задачу: борьбу с духовенством, с религиозными предрассудками и проч., не обращая внимания на преследования со стороны тех, кто видел, повидимому, весь смысл человеческого существования в богатстве и спокойствии...

Опубликование первого произведения вызвало в Англии много шума, особенно среди духовенства. Толанд вслед за этим переехал в Голландию. Здесь он пробыл два года, после чего снова вернулся в Лондон, где издал в 1696 г. новую работу, которая вызвала еще больше шума, чем первая, и сразу сделала его знаменитым. Речь идет об его книге «Христианство без тайн» 3). Первое издание ее вышло

1) «...Tis said in short, that about the fourteenth Year of his Age he gravely declared, he would be the Head of a sect ere he was thirty; and before he was forty he should make as great a stir in the Commonwealth, as Cromwell ever did». («Apology for Mr. Toland», p. 10.)

2) *Thorschmid*, Vollständige englische Freidenker - Bibliothek, 1766 Teil III, p. 5.

3) «Christianity not Mysterious: or a Treatise, shewing that there is nothing in the Gospel contrary to Reason, nor above it and that no christian doctrine can be properly call'd a Mystery». By *John Toland*, 1696.

анонимно; второе—с полным именем автора—вышло в том же 1696 г., третье—в 1702 г.

По первоначальному плану работа эта должна была состоять из трех частей, но автор не довел своей работы до конца. Толанд в сущности стоит в этом произведении еще на христианской точке зрения; впрочем, возможно, что это только видимая форма, под которой он хотел скрыть свою критику. Единственное, к чему он стремился, сводится к внесению в толкование священного писания рационалистического элемента. Он пытается доказать, что в учении Евангелия нет ничего противоразумного или сверхразумного. Иначе говоря, Толанд ставит себе задачей истолковать содержание Евангелия с точки зрения здравого смысла, или показать, что оно совместимо с разумом. Само собою разумеется, что с нашей современной точки зрения даже почти непонятно, как такая книга могла вообще быть причислена к еретическим или даже атеистическим произведениям. Но к каждому явлению следует подходить исторически. Если мы вспомним, что от выводов Толанда всячески открепивался Локк, что Лейбниц защищал догматы религии против нашего философа, доказывая их сверхразумность, то мы поймем все значение выступления Толанда.

В самом деле, Толанд считал необходимым выдвинуть в качестве критерия, масштаба, для суждения о содержании Евангелия *разум* на место слепой *веры*. Хотя автор как будто защищает все содержание Евангелия вплоть до чудес, тем не менее очевидно для всякого, что скрытый смысл его рассуждений состоит в том, чтобы *противопоставить* вере *разумное познание*. Но одного этого уже было достаточно, чтобы все попы и солидаризировавшиеся с ними «ученые» мужи того времени выступили единым фронтом против Толанда.

Не будучи в состоянии бороться с «еретиком» равным оружием, враги его занялись распространением всяких небылиц об авторе ужасной книги, натравливанием фанатической и невежественной толпы против опасного врага церкви и его единомышленников, так называемых толандистов. Не довольствуясь этим, власти перенесли дело в ирландский парламент, который должен был стать на защиту церкви и религии. 28 августа 1697 г. парламент занялся рассмотрением дела Толанда. Несмотря на то, что среди депутатов

парламента были отдельные представители, не разделявшие мнения большинства, книга Толанда была присуждена к публичному сожжению рукою палача, что и было исполнено 11 сентября того же года; сам же Толанд должен был быть заключен в тюрьму и привлечен еще к личной ответственности. Некоторые депутаты требовали для Толанда даже смертной казни. Однако арестовать «еретика» не удалось, так как, предупрежденный заблаговременно друзьями об ожидавшей его участи, он успел бежать из Ирландии в Англию.

II

«Христианство без тайн» Толанда положило начало так называемому английскому деизму. Уже в 1697 г. известный математик Мольнеух в своем письме к Локку называет Толанда свободомыслящим (*free-thinker*), а сам Толанд в 1711 г. говорит о себе и своих единомышленниках как о свободомыслящих, между тем как обычно в истории деизма обозначение «свободомыслящий» связывают с именем Антона Коллинза, издавшего свою книгу под названием «*A discourse of free-thinking, occasioned by the rise and growth of a sect call'd free-thinkers*» только в 1713 г. Коллинз является последователем и продолжателем Толанда. Кличку «свободомыслящих» они присвоили себе потому, что основой всех их стремлений была борьба за право разума, за право свободного научного исследования как в области знания вообще, так и в области религиозных вопросов. Конечно, все эти деисты далеко не были радикалами. Мало того, они стояли в сущности сами на почве религии, ибо до атеизма они не доходили. Они требовали *разумной веры*. Но логика вещей такова, что разум в применении к религии означал объективно отрицание религии во имя разума. Если деисты сами этих выводов не делали, то их продолжатели, в особенности на французской почве, приходят уже к открытому атеизму.

В области теоретико-познавательной Толанд и Коллинз, как и другие их единомышленники, исходили из принципов Локка. Даже Коллинз склонялся к отрицанию бессмертия души и утверждал, что невозможно доказать, будто материи не может быть присуще качество мышления. На той же точке зрения стоял и Толанд. Недаром Торшмид с ужасом со-

общает, что Толанд отрицал бессмертие души и считал этот догмат чисто языческим положением, а священников—простыми обманщиками, что христианскую религию он объявил суеверием и т. п. Несмотря на то, что свободомыслящие в своих суждениях нередко доходили до довольно радикальных, иногда даже материалистических положений, они все же оставались, как было уже сказано, на почве традиционных, религиозных убеждений, когда, например, обосновывали требование свободного исследования теми или иными текстами св. писания. С другой стороны, свободомыслящие сознательно часто обращали свои взоры назад, к эпохе великой революции, когда, казалось, торжествовали права «разума» и «свободы» во всех областях мысли и деятельности.

Какой бы жалкой ни казалась с нашей современной точки зрения критика богословия деистами, выступление их на историческую арену принесло обильные плоды, в особенности когда движение перебросилось на французскую почву. Разумеется, английский деизм непосредственно примыкает к великому просветителю XVII века—к Б. Спинозе, у которого все последующие мыслители черпали аргументы в пользу «разума» и просвещения против слепой веры и рабского суеверия. Тем не менее, заслуга Толанда состоит в том, что он в Англии положил начало движению свободомыслящих. Но в то время, как его единомышленники так и остались в плену у плоского деизма, наш мыслитель продолжал развиваться, выработав себе материалистическое мировоззрение.

III

Поселившись в Лондоне, Толанд решил на первых порах забросить свои философские и богословские занятия и обратиться к политике. В 1699 г. он издал сочинения Джона Мильтона в трех томах, снабдив их написанной им биографией поэта. Это было довольно рискованное предприятие. Ко всему, что так или иначе было связано с революцией и ее деятелями, реакционная партия относилась с величайшей ненавистью. Толанд не скрывал своих симпатий к революционерам, он открыто становился на сторону республиканцев, превозносил Мильтона как великого борца за свободу народа,

обнаружив вместе с тем свое отрицательное отношение к казненному королю Карлу I.

Само собою разумеется, что тенденция автора в его «Жизни Дж. Мильтона» не могла понравиться реакционно настроенным кругам английского общества. Но Толанд, стремясь развенчать Карла I, совершил еще одно «преступление»: он доказал, на основании новых, неопубликованных документов, что известная книга под названием «*Εἰκὼν βασιλική*» (Образ короля) не написана королем в тюрьме, как это утверждали. Авторство короля оспаривалось еще Мильтоном. Но реакционные круги в политических целях настаивали на авторстве Карла. Толанд вконец разрушил эту легенду, что и должны были признать многие из его врагов. Но это обстоятельство не могло предохранить его от новых инсинуаций и преследований. Его противники уцепились за одно место в его книге, где Толанд подчеркивает, что если такие легенды творятся, так сказать, на наших глазах, то легко понять, как возможно было превратить Христа и апостолов в авторов священных книг. Смысл этого сопоставления сводится к тому, что св. книги не могут претендовать на подлинность; они являются продуктом творчества позднейшего времени.

Вокруг этой книги Толанда опять возгорелась страстная полемика. Против философа выступали представители духовенства, партия роялистов и опять-таки ряд «ученых», считавших своим долгом взять под защиту «мученика»-короля и священные книги. Работа Толанда о Мильтоне признана была авторитетными людьми, вроде Бэйля и др., прекрасным во всех отношениях сочинением. Но это обстоятельство не могло спасти автора от преследований. Появилось множество отвратительных памфлетов, в которых Толанд подвергался всевозможным оскорблениям. Наш философ считал ниже своего достоинства вступать с этими господами в полемику. В то время как его книга написана на основании подлинных документов, их выступления носили характер грубой брани, и «опровержения» мнений Толанда хотя бы по вопросу о подлинности книги «Образ короля» доказательствами не подкреплялись. И сколько ни бесновались его противники, после неопровержимых доказательств Толанда стало уже невозможным говорить о Карле, как об авторе «Образа короля». Им

было твердо установлено, что настоящим автором этой книги являлся епископ Гауденс. Таким образом, Толанду удалось выбить из рук реакционеров оружие, которым они долго пользовались в борьбе с революцией и даже либеральной партией.

Итак, Толанд, как сказано, не реагировал на многочисленные памфлеты, которые были написаны его врагами против его новой книги, не желая вступать в спор «с наемными писаками», как он сам пишет, ибо для этого ему необходимо было бы прежде всего «научиться их диалекту». Но среди этих противников было двое, выступление которых Толанд не считал возможным оставить без ответа. Это был, во-первых, «знаменитый» в то время ученый Уэгстаф (Wagstaff), выпустивший в свет брошюру под названием «Защита короля Карла-мученика»¹⁾; во-вторых, — королевский капеллан Блэктол (Blackhall). Этот последний «в день поста по случаю омерзительного убийства короля Карла-мученика», 30 января 1699 г., держал речь перед палатой общин. Значительная часть речи была посвящена Толанду, которому инкриминировалось два преступления: осквернение памяти короля-мученика отрицанием подлинности «Образа короля» и высказанное в связи с этим Толандом сомнение в подлинности св. писания. Толанд считал теперь необходимым выступить с «самозащитой»²⁾ перед «народными представителями Англии».

Надо сказать, что Толанд часто прибегал к «самооправданиям», в которых автор, вынужденный, разумеется, обстоятельствами, смягчал, ограничивал и истолковывал свои первоначально более радикальные формулировки в духе умеренности и аккуратности. Так это случилось и теперь. Однако это не помешало Толанду в своем ответе вдоволь поиздеваться над своими двумя учеными противниками, убедительно доказав, что они даже в области своей специальности — богословия — невежественны.

В начале 1700 г. Нижней палатой была назначена специальная комиссия на предмет «испытания» ряда книг, со-

1) *Wagstaff, Vindication of King Charles the Martyr, London 1699.*

2) Эта работа носит название: «*Amyntor: or a Defence of Milton's Life etc.*», London 1699.

державших в себе нападки на христианскую религию. Само собою разумеется, что в этот список попали и книги Толанда. Нижняя палата в своем докладе Верхней палате называет «Христианство без тайн» отвратительной и ужасной книгой, а Толанда—атеистом. Но ввиду существовавших в это время политических трений между обеими палатами или, вернее, между высшим духовенством и низшим, дело Толанда после довольно долгих препирательств между палатами было ликвидировано и на сей раз окончилось ничем.

В 1700 г. Толанд издал по рукописям сочинения Гаррингтона (в том числе и знаменитую «Океанию») с его биографией.

В 1701 г. Толанд посетил Берлин, куда он был приглашен королевой Софией-Шарлоттой, женой Фридриха I. Она интересовалась философскими вопросами, проводила время в беседах с Лейбницем и состояла в переписке со многими выдающимися людьми того времени. Она много слышала о Толанде и хотела лично с ним познакомиться, в надежде, что он разрешит ряд ее философских сомнений. Результатом этих бесед явилось самое важное и глубокое сочинение Толанда, обеспечившее ему почетное место в истории философии. Речь идет о «Письмах к Серене». Подробно об этих письмах мы поговорим ниже. В этой связи мы считаем необходимым только остановиться на том впечатлении, которое произвели «Письма» на современников. Это новое сочинение Толанда отличается от предыдущих своим определенно-материалистическим характером. Вполне естественно, что «Письма к Серене» должны были вызвать еще больший взрыв негодования со стороны всех «благомыслящих» людей, чем все другие произведения нашего мыслителя.

Так как «Письма» были напечатаны при жизни Софии-Шарлотты, то Толанд не считал возможным назвать ее прямо и поэтому заменил ее настоящее имя именем Серены¹⁾. Враги Толанда пытались подвергнуть сомнению самый факт переписки между Софией-Шарлоттой и мыслителем. Хотя ценность «Писем» несколько, разумеется, не была бы меньше, если бы их адресатом не была прусская королева, но факт этот имеет значение постольку, поскольку противники

---

¹⁾ Псевдоним Серены был раскрыт самим Толандом уже после смерти королевы в его сочинении «Adeisidaemon».

Толанда хотели отрицать факт переписки, уличив Толанда во лжи. Однако нет решительно никаких оснований сомневаться в правдивости Толанда, тем более, что приводимые его противниками «доказательства» основываются на том, что среди писем Софии-Шарлотты писем Толанда не оказалось. Но еще Лейбниц выражал сожаление по поводу того, что большинство писем к королеве было сожжено немедленно после его смерти ¹⁾. Толанд утверждает, что он писал Софии-Шарлотте и другие, более интересные письма, чем предлагаемые им читателю, но копий этих писем у него не сохранилось, о чем приходится пожалеть и нам.

Из пяти писем, изданных под общим названием «Письма к Серене», только первые три адресованы Софии-Шарлотте. Последние два письма являются результатом переписки с одним голландским Спинозистом.

«Письма к Серене», как уже было сказано, вызвали множество нападок со стороны противников Толанда. В том же 1704 г. появилось анонимное сочинение под названием «A Letter to Eusebia, occasioned by M-r Tolands Letter to Serena». Автор этого «труда» не может простить Толанду его отрицание ада, крещения, бессмертия души и необходимости первого двигателя, ибо Толанд, как известно, выдвинул в четвертом письме чрезвычайно важное и плодотворное положение о том, что движение является неотделимым свойством материи.

Из других работ, направленных против Толанда, следует отметить брошюры Гурдона ²⁾ и Мюллера ³⁾. Оба автора пытаются опровергнуть, главным образом, четвертое и пятое письмо, в которых они правильно усмотрели обоснование материализма. Они борются против центральной идеи Толанда, согласно которой материя не является косным веществом, получающим движение извне, а активной, деятельной сущ-

---

¹⁾ Ср. *G. Berthold*, *John Toland und der Monismus der Gegenwart*, 1876. Торшмид указывает на то, что в 6-м томе «Bibliothèque Germanique» Ланфан (Lenfant) рассказывает, что он присутствовал при зачитывании Толандом первого письма перед Софией-Шарлоттой (*Torschmid*, *Ibid.*, pp. 480—481).

²⁾ «The pretended Difficulties in natural or revealed Religion no excuse for Infidelity». London 1723.

³⁾ «De facultate cogitandi corporibus deneganda, Dissertatio philosophica, Materialistis opposita», Iena, 1742.

ностью. Если материи присуще движение, как неотделимое ее свойство, если движение рассматривать как *атрибут материи*, то отпадает гипотеза первого двигателя, т.-е. не остается места для бога и имматериальной души—двигателя тела. Это понимают, повидимому, оба автора. Поэтому их старания сводятся к доказательству того положения, что материя сама по себе косна, инертна и не активна.

Мюллер видит в Гоббсе вождя английских материалистов. К последним он причисляет также и Толанда, поскольку тот является «последователем Спинозы». Толанда и Спинозу (как и Гоббса) автор относит к «грубым материалистам», ибо все они стоят на той точке зрения, что *материя обладает способностью мыслить*.

Но чтобы материя могла обладать этой способностью, она должна быть активна, а не инертна. Любопытно, что Гурдон видит в *бесконечности* и *активности* материи самые прочные основы *неверия*, которые должны быть вырваны с корнем.

В 1708 г. Толанд совершил новую поездку на континент. Он посетил Берлин, Прагу, Ганновер и Гаагу. Здесь он издал упомянутое уже произведение «*Adeisidaemon*»¹⁾. В этой работе автор доказывает, примыкая к Бэйлю, что атеизм *следует предпочитать суеверию*. Ссылаясь на Тита Ливия, Толанд проводит мысль, что страх перед богами привили народу, чтобы держать его в узде; что церковные обряды и чудеса измышлены попами с той же целью; что бедствия народа и множество общественных зол и неурядиц объясняются религиозными предрассудками.

Трудно себе представить, какую бурю негодования вызвали эти рассуждения Толанда. В качестве критиков и «опровергателей» выступили Гюэ (под псевдонимом *Morinus*), Яков Фай (*Fay*), Буддеус и др.

Лейбниц, по обыкновению своему, написал Толанду двусмысленное письмо, в котором он, с одной стороны, хвалит мыслителя за основательность, соглашается, что необходимо бороться с предрассудками, но одновременно берет под защиту Гюэ и высказывается против взглядов Толанда. «Необходимо строго отличать предрассудки от истинной религии,— пишет он.—Вы часто приводите мнение тех, кто думает, что

¹⁾ «*Adeisidaemon, sive Titus Livius a superstitione vindicatus etc.*», 1709.

нет другого бога, помимо мира, т.-е. материи... По нашему же мнению и согласно истине бог возвышается над телесным миром, являясь его виноюником и господином. Нет ничего, что не имело бы своего основания. Это положение принуждает нас подняться над всем материальным, так как мы в последнем не можем признать основания всего существующего».

Отсюда мы видим, что между Лейбницем и Толандом существует полное расхождение во взглядах: Толанд рассуждает как материалист, — Лейбниц же сам стоит на почве традиционных предрассудков богословия, от которых он освободиться не может. Поэтому оба мыслителя говорят в сущности на разных языках.

Толанд оказал огромное влияние на все европейское просвещение, главным образом, через посредство французского деизма и материализма. Сам Толанд в своем развитии подвигался все дальше влево, начав с теологического рационализма и дойдя до материализма. Если мы в его сочинениях наталкиваемся часто на компромиссное и умеренное истолкование выдвинутых им ранее положений, то эти частичные «отступления» после наступления объясняются теми крайне тяжелыми условиями, в которых ему приходилось жить и действовать. Толанд в течение всей своей жизни подвергался гонениям и непрерывной травле со стороны не только богословов, но и философов и ученых. От него открепивались за его радикализм люди, к которым он ближе всего стоял по своим общефилософским или гносеологическим взглядам. Достаточно назвать хотя бы Локка, гродолжателем которого себя считал Толанд. Но Локк твердо верил в воскресение мертвых и считал Евангелие источником недоступных познанию при помощи разума истин, составляющих предмет веры. Толанд же в этих вопросах радикально разошелся с Локком. Правда, и Толанд долгое время не освобождался окончательно от религиозных или деистических элементов. Впрочем, нам трудно судить о настоящих взглядах Толанда даже и в этот период, так как ему несомненно приходилось приспособляться к господствующим предрассудкам, делая им во избежание преследований видимые уступки, которые находились в противоречии с его общим мировоззрением. С другой стороны, надо иметь в виду

и то обстоятельство, что Толанд, подобно многим писателям того времени, был проникнут недоверием к «толпе», которую он не считал подготовленной для восприятия нового учения. Отсюда необходимость экзотерической и эзотерической философии, о чем Толанд говорит неоднократно в своих произведениях. Впрочем, к этому вопросу мы вернемся еще ниже.

Во всяком случае во второй период своей литературной деятельности Толанд освободился от супранатуралистических элементов, и его мировоззрение приняло более определенный материалистический характер. Это признает и историк деизма Лехлер, когда он пишет: «В общем мы должны заметить, что он (Толанд.—*А. Д.*) отклонился от здравого и трезвого вначале направления, потеряв в конце—в особенности в своем «Пантеистиконе»—всякую разумную меру... 1).

Из других работ Толанда заслуживает упоминания «Reasons for naturalising of the Jews» от 1715 г., «Nazarenus», 1718 г., и «Tetradymus», изданный в 1720 г., т.-е. почти одновременно с «Пантеистиконом». В первой из названных здесь работ Толанд выступает в качестве горячего поборника равноправия евреев. В «Nazarenus» Толанд выдвигает против духовенства обвинение в том, что оно сознательно держит народ в духовном рабстве, поддерживая и культивируя всяческое суеверие и невежество. Духовенство заботится только о себе. Оно богатеет, завоевало себе в обществе власть и почет за счет темноты и нищеты народа. Что касается богословских вопросов, разбираемых Толандом в этой книге, то они для нас интереса не представляют.

«Tetradymus» состоит из нескольких небольших статей. В первой Толанд пытается объяснить чисто естественным путем библейские «чудеса». Во второй статье Толанд останавливается, между прочим, на различии между эзотерическим и экзотерическим учением в древности и на необходимости этого различия в наше время вследствие господствующей фанатической нетерпимости к передовым мнениям, расходящимся с верованиями толпы. Толанд стоит здесь, разумеется, на ложном пути, ибо виновником фанатической нетерпимости является прежде всего не толпа, а руководители «толпы», т.-е. вожди и идеологи определенных классов

1) *G. Lechler*, Geschichte des englischen Deismus, 1841, p. 209.

и социальных групп. Эти идеологи пользуются темнотой и невежеством толпы, опираясь на нее в своей борьбе с идеями более передовых классов. Но как бы ни была наивна и совершенно не обоснована идея об экзотерическом и эзотерическом учении, она может быть объяснена тяжелыми условиями, в которых приходилось Толанду вести борьбу за свои убеждения.

В «Пантеистиконе» обычно видят эзотерическое учение Толанда и попытку основания нового философско-религиозного культа. В литературе было поэтому высказано мнение, что это сочинение Толанда не следует брать всерьез, так как оно в сущности противоречит его материалистическому мировоззрению. Но из песни слова не выкинешь. «Пантеистикон» принадлежит, бесспорно, перу Толанда, и нам кажется также мало вероятным, чтобы это произведение было написано им «шутки ради». Но, с другой стороны, нет никакого сомнения в том, что в «Пантеистиконе» Толанд превращает свой натуралистически-материалистический монизм в особый род религиозного исповедания. Поэтому «Пантеистикон» нами рассматривается лишь как известный *исторический документ*, характеризующий определенный этап в развитии материалистической и философской мысли, но отнюдь не в качестве произведения чисто материалистического направления, ибо материалистические элементы в нем облечены в совершенно неприемлемую для нас религиозно-мистическую форму.

«Пантеистикон» является последним произведением Толанда. В последние годы своей жизни он жил в большой нужде в доме сельского плотника в Путнее. Он написал всего около пятидесяти сочинений. Ни нужда, ни преследования не сломали его непокорного духа. Он умер от болезни почек 11 марта 1722 г., завещав начертать на своей гробнице следующую им самим сочиненную эпитафию:

Здесь похоронен

ДЖОН ТОЛАНД,

Который, родившись в Ирландии близ Лондондерри,

Учился в Шотландии и Ирландии,

А в юности также в Оксфорде,

И не раз ездил в Германию,

Зрелый же возраст провел близ Лондона.

Поклонник всех наук,

Со знанием больше десяти языков,
Борец за истину,
Защитник свободы,
Но ничей ни последователь, ни приверженец,
Которого ни угрозы, ни бедствия не заставили
Запятнать данную ему жизнь
Предпочтением выгодного честному.
Дух его соединяется с отцом-эффиром,
От которого некогда произошел,
А тело, повинувась природе,
Спускается в материнское лоно,
Сам же он будет вечно воскресать,
Никогда, однако, не становясь тем самым Толандом,
Который родился 30 ноября.
Остальное ищи в сочинениях.

IV

«Пантеистикон» ставит себе целью дать описание союза философов, стремящегося к истине, свободному исповеданию пантеистического мировоззрения на благо человеческого рода. Этот новый философский союз отвергает всякую веру в авторитеты, все существующие религии и даже законы. Основная цель союза, или содружества, состоит в том, чтобы члены его стали мудрее и лучше и чувствовали всегда радость и довольство. В «Пантеистиконе» излагается новое натуралистически-материалистическое учение; но оно окутано дымкой мистицизма благодаря стремлению автора установить нечто вроде религиозного культа.

Слово «пантеизм», «пантеист» ведет свое происхождение от Толанда, что не мешает тому, что пантеизм, как учение, существовало задолго до Толанда. Достаточно назвать Джордано Бруно, который, кстати, оказал огромное влияние на нашего философа. Толанд термин «пантеист» употреблял еще до напечатания им «Пантеистикона». Впервые это слово встречается в заглавии изданной им в 1705 г. работы, в которой прославлялись заслуги социнианцев в деле освобождения человечества от религиозного гнета. Маутнер не без основания подчеркивает мысль, что не следует связывать с пантеизмом Толанда того представления о пантеизме, которое

сложилось гораздо позже. По его мнению, Толанд под пантеизмом понимал учение, *отвергающее бога* ¹⁾.

«Пантеистикон» вышел в свет как анонимное произведение; по этому случаю было много споров по вопросу о том, кто является настоящим его автором. Но ныне считается бесспорным, что оно принадлежит перу Толанда. За это особенно говорят первые строки «Пантеистикона», которые гласят так: «Читателя, друга муз и истины, приветствует Ян Юний Эоганезий». Толанд родился на ирландском полуострове Unis-Eogan и поэтому называет себя Эоганезий. Имя Джон заменено здесь именем Ян (Janus). Что касается второго имени Юния, то по этому поводу существует предположение, что Толанд хотел этим подчеркнуть свою идейную солидарность с Юнием Брутом в вопросе об отношении к тиранам ²⁾.

В своем «Привете» читателю Толанд подчеркивает снова мысль о необходимости для философа отмежеваться от толпы, которая «враждебна науке и преследует тех, кто предан ей». Опираясь на Сенеку, Толанд высказывает взгляд, что обычно люди предпочитают *верить*, а не *рассуждать*; вера же влечет за собою гибель, ибо она есть не что иное, как заблуждение. Единственный выход для философа, это—отделиться от толпы и следовать во всем только указаниям разума.

Человек, взяв себе в руководители разум вместо веры, не будет ничего страшиться и ничему удивляться, будет вести спокойную и приятную жизнь, так как он постигнет причины явлений, освободится от страха смерти и покорится неизбежному. В этих строках Толанд, как мы видим, очень близко подходит к Спинозе. Он считает нужным обратить внимание читателя на то, что в своем описании целей и задач нового содружества он дает философское учение, стремящееся к объяснению на основе этого учения нового образа жизни. Не вдаваясь в критику развитых в «Привете» взглядов автора, необходимо, однако, подчеркнуть, что отмежевание от толпы и бесстрастное отношение к человеческим делам, которого Толанд, кстати, в жизни никогда не придерживался, вызваны были чисто историческими условиями, в которых приходилось жить нашему мыслителю.

¹⁾ F. Mauthner, Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande, B. II, p. 439.

²⁾ См. L. Fensch, Das Pantheistikon des John Toland, p. 58, 1897.

Обращение к читателю заканчивается словами: «в 1720 год *общепринятой* эры». Толанд сознательно избегает здесь указания на *христианскую* эру, стремясь отмежеваться от христианства и подчеркнуть свое враждебное к нему отношение.

Большой интерес представляет «рассуждение о древних и новых содружествах, а также о бесконечной и вечной вселенной». В этом «рассуждении» Толанд прежде всего объясняет мотивы, которые принуждают философов образовывать специальные содружества с общими трапезами и беседами на философские темы. В этих сократических содружествах философы и те, кто примыкает к ним—люди, не признающие никаких авторитетов и по своим воззрениям *не связанные* религией, отечеством или законами—имеют возможность свободно рассуждать обо всех предметах. «Их обычно называют *пантеистами*,—говорит он,—вследствие свойственного им воззрения на *бога и вселенную*,—воззрения, диаметрально противоположного миросозерцанию эпикурейцев, верящих в хаос и *сны*. Ибо пантеисты не признают никакого первобытного хаоса, никакого рока, или случая, в качестве творца мира, но вместе с Лином, древнейшим и славнейшим жрецом тайной науки, говорят о причине и происхождении вещей: «Все возникло из целого, и целое из всего».

В дальнейшем автором излагается мировоззрение «пантеистов» в подробностях. Но прежде чем вернуться к этому учению, необходимо здесь же сказать несколько слов по поводу приведенной общей характеристики пантеистов. Обращает на себя внимание противопоставление «пантеизма» учению эпикурейцев, согласно которому мир возник из хаоса, или случая: пантеисты не верят в судьбу и не признают, что существует какой-либо творец мира. То обстоятельство, что Толанд не рассматривает мир как возникший *случайно*, дает повод некоторым писателям отрицать материалистический характер философских воззрений нашего философа. Нам представляется такое понимание материализма совершенно неправильным. Отвергая случайность возникновения мира, отвергая, далее, творца мира, Толанд утверждает вместе с тем несотворенность мира, его вечность и бесконечность, что и выражает формулой: все возникло из целого, и целое из всего. Материализм вовсе не стоит обязательно на точке зрения случайности возникновения мира. Эта концепция была присуща

некоторым древним материалистам, но не присуща материализму как таковому.

С точки зрения Толанда, «вселенная (ничтожную часть которой представляет видимый нами мир) бесконечна как по протяжению, так и по силе; едина непрерывностью целого и смежностью частей; неподвижна в целом, ибо вне ее нет ни места, ни пространства, но подвижна в частях или в бесчисленных промежутках; одновременно неразрушима и необходима, и притом в обоих смыслах—в смысле вечного существования в прошлом и вечного пребывания в будущем; разумна в некоем высшем смысле, так что может быть названа таковой лишь в силу слабой аналогии с нашей способностью разумения; наконец, ее составные части всегда одни и те же, а обрабатывающие части находятся всегда в движении» ¹⁾.

Из движения возникает все бесчисленное количество вещей, каждая из которых является одновременно материей и формой, при чем форма есть не что иное, как расположение частей в каком-либо теле. Вселенная, обнимающая бесчисленные миры, управляется поэтому определенными законами и обнаруживает совершенный порядок. Части вселенной, т.-е. отдельные миры, отличаются своими свойствами, хотя в отношении целого части не могут мыслиться как нечто совсем отдельное и не связанное с целым. «Совершенство вселенной отнюдь не умаляется тем, что вещи движутся по частям, так как отсюда непрерывной чередой возникают новые совершенства. Совершенство вселенной нисколько не умаляется и тем, что многое, образовавшись из этих частей, ежедневно разрушается, ибо на этом разрушении лежит печать совершенства: ничто не погибает целиком, но гибель чего-нибудь одного есть рождение чего-нибудь другого, и наоборот; и все, путем постоянной смены форм, прекраснейшего разнообразия и превращения вещей, работает на укрепление и сохранение целого и как бы вечно вращается во вселенной» ²⁾.

Хотя Толанд стоит здесь на точке зрения вечного круговорота, тем не менее в его взглядах явно проскальзывает диалектическая струя, которая еще резче будет подчеркнута

---

1) См. стр. 141 настоящего издания.

2) Там же, стр. 142.

нами ниже. Основное положение, которое автор выдвигает в приведенной цитате, сводится к тому, что разрушение и гибель одного есть рождение и возникновение другого, что в мире происходит вечная смена форм при сохранении количества материи и движения в целом. Если Толанду чужда *идея развития*, то он очень хорошо понимает значение и всеобщность закона смены форм и сохранения вещества и силы. Более того, Толанду хорошо знакомо *учение о совпадении крайностей или противоположностей*. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что наш философ воспитывался отчасти на сочинениях Джордано Бруно, которого переводил на английский язык. Конечно, фактическое содержание учения Толанда, поскольку оно относится к естествознанию, ныне в значительной степени устарело, но общие положения, развиваемые философом, в целом несколько не устарели, хотя, разумеется, с нашей современной точки зрения недостаточны.

Так, ссылаясь на Гераклита, что «в одну и ту же реку мы входим и не входим», Толанд развивает взгляд, по которому «вся земля была покрыта водою и не была покрыта, что вся вода будет побеждена огнем и не будет побеждена». «Нет такого участка суши, который не был бы когда-нибудь покрыт морем; нет такой части моря, которая не будет современным занята сушей». В мире господствует постоянное и непрерывное взаимодействие всех вещей. Ничто не возникает из ничего, однако все может быть названо сотворенным, если вспомнить, что ни одна вещь не вечна и что все возникает, «что хотя ряд движений, ряд каких-либо вещей вечен, ни одно движение, ни одна вещь не вечна; все возникает вновь и вновь, все поистине творится».

Для Толанда существует объективно только материя или вещество, наполняющее все пространство. Вещество состоит из простых, неделимых и бесконечных по виду и числу элементов, или атомов. Движение присуще атомам, или элементам, как нечто существенное и неотделимое от них, являясь их силой или действием. Благодаря движению происходит сложение и разъединение простых элементов. «Тут действует взаимное механическое согласие и разногласие подвижных по своей природе частей и взаимодействие встречающихся друг с другом и сталкивающихся тел, деление которых на свои

элементы не оставляет пустоты». Толанд стоит на той точке зрения, что «в мире не возникает ничего нового, кроме лишь перемены места, из которой истекает появление и исчезновение всех вещей, путем зарождения, роста, превращения и тому подобных движений, так как в природе нет ни одной точки, которая бы находилась в абсолютном покое. Принимая все это в соображение, мы даже самый покой должны рассматривать как движение сопротивления».

Мысль Толанда, что покой есть особая форма движения, заслуживает особого внимания. Ниже мы увидим, что толандовское понимание движения в сущности противоречит односторонне механическим воззрениям, изложенным автором. Толанд, будучи последователен, придерживается здесь того взгляда, что в природе вообще нет места ничему новому. Но механическая точка зрения, видящая во всем лишь перемену места и чисто количественный рост, логически и не может признать ни *возникновения чего-либо качественно нового*, ни вообще какого-либо *развития* в природе. Разумеется, о возникновении чего-либо абсолютно нового не может быть речи. Количество материи и движения остается в природе неизменным; в этом смысле не возникает никогда ничего нового, ни одного атома новой материи. Но новые *формы* материи, новые *качественные* образования возникают вновь и вновь. В «Письмах к Серене», как увидим ниже, Толанд развивает более полно свой взгляд на движение, который дает ему возможность преодолеть чисто механическое представление о мире. Но Толанд странным образом не воспользовался в «Пантеистиконе» весьма плодотворным учением своим о движении, развитым им в «Письмах».

Из простейших элементов, или начал, возникли, по учению Толанда, сложные семена всех вещей, зачатые в вечности. «Ибо в бесконечности все бесконечно, даже вечно, так как из ничего ничто не может произойти; не могло также органическое строение семян образоваться путем скопления телец или благодаря какому-нибудь виду движения. Поэтому—чтобы пояснить это учение каким-нибудь примером—семя дерева не есть дерево только в потенции, как думал Аристотель; нет, оно настоящее дерево, в котором находятся все части дерева, хотя и столь малые, что могут быть воспри-

няты чувствами лишь при помощи микроскопа, и то только в общих чертах».

Изложенные Толандом в приведенной цитате взгляды не выдерживают ни малейшей критики и должны быть признаны от начала до конца ложными. Но вместе с тем мы считаем необходимым подчеркнуть, что эти ложные взгляды логически вытекают опять-таки из механического мировоззрения. В самом деле, если в природе никогда не возникает ничего нового, то необходимо признать невозможность образования *органического* строения «семян» ни путем скопления телец, ни благодаря особому виду движения. Иначе говоря, такое понимание природы ведет неизбежно к признанию *неизменности* и *вечности* жизни, или органического строения тел. Отсюда и учение о *преформизме*, которого придерживается Толанд. Семя есть якобы настоящее дерево, только малых размеров. И весь процесс «развития» семени в дерево сводится только к росту частей, т.-е. исключительно к *количественным* изменениям семени, являющегося маленьким, микроскопическим деревом. «Семена», таким образом, вечны и неизменны, и это относится ко всем формам растительного и животного царства.

Надо ли доказывать ныне, что эти взгляды ошибочны и наукой давно опровергнуты. Толанд в своих натурфилософских взглядах находится почти всецело в зависимости от устарелых представлений древних писателей и философов. У них он заимствовал понятия «сухого» и «влажного», жаркого и холодного, учение о «семенах» (гомеомериях), об эфирном огне, пробегающем по натянутым струнам нервов и управляющем вообще всем.

Что касается *мышления*, то Толанд считает его частью мозга. «Мышление есть особенное движение мозга, специального органа этой способности; вернее сказать, оно—некая часть мозга, переходящая в спинной мозг и нервы с их разветвлениями». Толанд и в этом вопросе стоит всецело на почве механического материализма, считая представления и мысли *телесными, физическими частями мозга*, так как мозг, будучи органом телесным, может производить только телесное, говорит Толанд.

Наконец, мы должны затронуть здесь еще один вопрос, который мы до сих пор обходили,—вопрос о *боге*, или *мировой*

душе, или разуме, о чем Толанд неоднократно говорит в «Пантеистиконе».

Так, в одном месте о боге сказано следующее: «И вот сила и энергия целого, все создавшая и уравнивавшая и постоянно устремленная к наилучшей цели, есть *бог*, которого можно назвать, если угодно, *разумом и духом вселенной*. Поэтому-то сократические товарищи, как я уже сказал, называются *пантеистами*, ибо, по их мнению, силу эту можно отделить от *вселенной* разве только с помощью разума». Далее, Толанд приводит мнение Оккама и Фомы Аквинского, которые учили, что «*бог есть вечная причина вечного мира, и все извечно произошло непосредственно от бога*». И, наконец, Толанд соглашается также с мыслью Иеронима, что «*бог разлит внутри мира и объемлет его извне*».

Формально Толанд как будто солидаризируется в определении бога даже с Фомой Аквинским и Иеронимом. Приведенные места обнаруживают чисто богословский характер рассуждений нашего философа. И все же взгляды Толанды ни в малейшей степени по содержанию своему не могут быть отождествлены с взглядами Фомы Аквинского и Иеронима, ибо содержание, вкладываемое в понятие бога Толандом, с одной стороны, и Фомой Аквинским и Иеронимом—с другой, совершенно различно. Толанд пользуется общепринятой терминологией, желая, быть может, сделать свои воззрения более приемлемыми для современников, более доступными их пониманию. Это обычный прием новаторов. В самом деле, прежде всего Толанд не признает духовной субстанции. Даже в «Пантеистиконе», где богословская словесность играет значительную роль, Толанд стоит в действительности на точке зрения единства силы и материи, помимо которых ничего другого не существует. Ланге, по нашему мнению, правильно характеризует содержание «Пантеистикона», говоря, что Толанд в нем совершенно устраняет откровение и народную веру, ища новой *религии*, которая была бы согласна с *философией*. «Его бог,—продолжает Ланге,—есть то всеединое целое, из чего все рождается и к чему все возвращается. Его культ посвящен *истине, свободе и здоровью*—этим трем высшим благам мудреца. Его святые и отцы церкви суть возвышенные умы и превосходнейшие писатели всех времен и в особенности классической древности; но и эти не оста-

влияют никакого авторитета, который должен был бы связать свободный дух людей. В сократовской литургии настоятель взывает: «Не клянитесь словами ни одного из учителей!» А в ответ ему община восклицает: «Ни даже словами самого Сократа» ¹⁾.

Ланге также прав и далее в своем указании на то, что в «Пантеистиконе» Толанд выразил свои воззрения в столь общей форме, что «материализм не выступает с достаточной определенностью», как это мы видим в «Письмах к Серене».

Несмотря, однако, на богословскую форму, в которую Толанд облек свои материалистические воззрения в «Пантеистиконе», несмотря на стремление основать *религиозный культ* на материалистическом или натуралистическом учении, внутреннее содержание этого учения достаточно ясно и определено. Толанд отвергает всякую духовную субстанцию. Сила и энергия целого, которую «можно назвать, если угодно, разумом и духом вселенной» и которая есть бог, неотделима от самой вселенной. Сила неотделима от вещества и составляет с ним единое целое. Все мировое пространство наполнено, согласно Толанду, тончайшей материей, или эфиром, в котором осуществляется всеобщая закономерность природы. Каждая вещь действует по необходимости своей природы, составляя часть целого. «Пантеизм» Толанда носит чисто материалистический характер, поскольку мыслителем не оставляется никакого места для чего-то духовного самого по себе, ибо все есть материя, вещество, находящееся в состоянии вечного движения. Поэтому не следует доверяться богословской фразеологии Толанда, а необходимо вникнуть в *содержание* развиваемых им идей. Отбросив богословскую фразеологию и религиозный культ, который Толанд хотел основать на базисе своего философского учения, мы получаем в общем и целом чисто материалистическую концепцию.

Материалистическое мировоззрение и составляет сущность той эзотерической философии, которую Толанд проповедует посвященным в философские тайны, противопоставляя ее эзотерическому учению. «Пантеистикон» заканчивается рассуждением «О необходимости двойственной философии». Не-

¹⁾ Ф. А. Ланге, История материализма, пер. Соловьева, т. I, стр. 168.

обходимость двойкой философии Толанд объясняет следующим образом:

«Но, быть может, пантеистам поставят в вину, что у них двойственное учение, т.-е. внешнее (экзотерическое), или народное, как бы приспособленное к предрассудкам толпы или к догматам, публично признанным за истину, и внутреннее (эзотерическое), или философское, вполне согласное с природой вещей и самой истиной; и что эту тайную философию, всю целиком и без всякой личины и двусмысленности, они сообщают (при закрытых дверях) только друзьям, честность и благоразумие которых испытаны. Но кто, кроме тех, кто не сведущ в человеческой природе и истории, усомнится, что, поступая так, они поступают мудро? Основание для этого ясно. Ни одна религия, ни одна секта не допускает, чтобы ей противоречили, считали ее догматы заблуждениями, ее обряды—нелепостями. Все это получили прямо с небес, хотя им отлично известны земные порядки. Все это—божественного происхождения (если вам угодно верить) и крайне необходимо для руководства жизни. Между тем совершенно ясно, что все это вымыслы людей, бессмысленные, а нередко отвратительные, обычно вредные для общественного блага и правопорядка, как показывает ежедневный опыт. Среди этой массы несогласных друг с другом мнений не может быть истинным более одного, если только не все они ложны, что остроумно заметил Туллий, рассуждая о природе богов»¹⁾.

Стало быть, «пантеисты», не будучи в силах вырвать с корнем религиозное суеверие и опасаясь преследований со стороны мракобесов и суеверной толпы, вынуждены, как выражается Толанд, «говорить с толпой, а мыслить с философами». Таким образом, лицемерие возводится, так сказать, в принцип. Но это странное и совершенно недопустимое учение о двойственной истине объясняется общественными условиями, которые делали невозможным открытое исповедание, а тем более публичную проповедь атеистических и материалистических взглядов.

Толанд подчеркивает, что «пантеисты» до тех пор не будут вполне откровенны, пока им самим не будет разрешено мыс-

¹⁾ См. стр. 179—180 настоящего издания.

лить так, как они хотят, и высказывать то, что они мыслят». Можно сколько угодно не соглашаться с таким компромиссным отношением к вопросу; однако *моральное* негодование особенно со стороны гонителей и палачей свободной научной мысли во сто крат отвратительнее, чем осторожность и вынужденное лицемерие «пантеистов». Пантеисты при современных условиях вынуждены, по мнению Толанда, образовать нечто вроде *нелегальных братств*, содружеств, организаций, где они имели бы возможность обмениваться мнениями и высказывать свободно свои настоящие взгляды. Если мы вспомним, что ханжество и сила традиции в Англии особенно прочно укоренились, в высших и средних слоях общества, то станет понятным, насколько там трудна была всегда систематическая борьба против косной среды с господствующими в ней предрассудками. Во времена Толанда, несмотря, а, вернее, даже благодаря проделанной Англией буржуазной революции, отмеченные характерные особенности были особенно сильны. Это была своеобразная эпоха реставрации, когда все, что напоминало только о революционных временах, вызывало возмущение и негодование со стороны мещанства.

Религиозная нетерпимость и гонение на свободную научную мысль при всем расцвете науки имели прочные корни в косности *общественных* кругов. Дейстическое движение и являлось протестом против всех этих общественных условий, которыми, в свою очередь, в значительной степени объясняется половинчатость и компромиссный характер этого движения. Толанд является самым крайним представителем этого течения, ибо он лично был несомненно атеистом и последовательным материалистом, несмотря на то, что пытался создать нечто вроде *религии материализма* или *религии природы*. Это противоречие между *содержанием* учения и *формой*, в которую Толанд считал нужным облечь свое мировоззрение, является продуктом чисто *исторических условий*.

При всех недостатках учения нашего мыслителя, при всей «соглашательской» тактике в отстаивании своих взглядов, Толанд, по справедливому замечанию Маутнера, был «цельным мужем», далеко опередившим самых передовых деятелей своей эпохи, а в истории борьбы за освобождение человечества от ига церкви и религии он был *героem*.

И в самом деле, Толанд в течение всей своей жизни вел борьбу как за свободу мышления и совести, так и за свободу действия. Пантеисты, говорит он, «охраняют не только свободу мышления, но и свободу действия, питая ненависть ко всякому произволу, ко всем тиранам». Они не считают возможным преследовать, наказывать или позорить людей за суждения, речи или дела, никому не приносящие вреда. Пантеисты суть служители и пророки природы, как выражается сам Толанд. И их религия, как уже сказано нами, является религией природы. Они не признают никакого творца мира, никакой особой духовной силы или субстанции. Природа управляется вечными и необходимыми законами, которые и составляют, так сказать, «разум» ее. Пантеисты выше всего ставят общественное благо; они скромны, воздержны, справедливы, добродетельны. Им чужды честолюбие, корысть, суеверие и пустая обрядность. Таким образом, Толандом изображается идеал совершенного пантеиста-мудреца, идеал человека, у которого мировоззрение и образ жизни находятся во внутренней гармонии.

Толанд, как и большинство просветителей XVII и XVIII веков, относится с большим недоверием к «толпе», к народным массам, будучи уверен, что суеверие неискоренимо. В этом заключалась и ошибка Толанда, и его трагедия. Так, он пишет: «...Так как *суеверие* всегда остается в той же силе, выступая то с большей, то с меньшей нетерпимостью, и никто, обладающий разумом, не пытался вырвать его с корнем из умов,—что совершенно неосуществимо,—то пусть каждый в меру своих сил делает то, что только и остается делать: пусть вышибает зубы и обрезает когти этому злейшему и самому отвратительному из чудовищ, чтобы оно не кидалось на всех и на вся».

Толанд не понимал, что «суеверие» и религиозные предрассудки вообще срослись с определенным социальным укладом, «функцией» которого они являются. Они взаимно друг друга поддерживают и обуславливают. Рабство социальное и рабство духовное—родные братья. Поэтому и самая борьба с суеверием и предрассудками не может носить отвлеченного характера. «Просветительство» имеет в этом смысле свои пределы. История последующих столетий показала, что «толпа» при известных условиях легко может освободиться от суеты

верий и что суеверие может быть вырвано с корнем окончательно только в социалистическом и коммунистическом обществе, где освобождение от экономического рабства неизбежно повлечет за собою и освобождение от рабства небесного, от власти богов.

«Пантеистикон» распадается на три части. В первой содержатся обычаи и правила содружества. Что представляет собою вообще это содружество? Весьма возможно, что высказанное в литературе предположение, что подражание церковному ритуалу в содружестве следует истолковать как сатиру, вполне справедливо. Но это нисколько не решает вопроса о содружестве как таковом. Неправильным представляется нам также и мнение, которое идет из масонских кругов, будто сократическое содружество является по своей организации подражанием масонским ложам и будто Толанд находился в каких-то интимных отношениях с масонами. Сама по себе идея об организации *союза пантеистов* до такой степени проста, что не нуждается в каком-либо особом обосновании и оправдании. Если уж говорить о «подражании», то *сократическое содружество* есть воспроизведение платоновского «Пира». Оно потому и называется «сократическое содружество». Любители философии—учителя и ученики—устраивают совместные трапезы, за которыми ведутся беседы на философские темы. Это нечто вроде философского клуба. Есть все основания думать, что в действительности не существовало таких пантеистических союзов и что Толанд своим «Пантеистиконом» хотел лишь побудить своих единомышленников, которых кстати по всем видимостям было очень мало, организовать в соответствующий союз.

Что особенно надо подчеркнуть, это—внешнее сходство «обрядов», принятых в союзе пантеистов, с церковными обрядами. Мы бы не решились категорически высказаться в том смысле, что Толанд этим имел в виду поиздеваться над церковным культом. Это не вяжется со всем содержанием «Пантеистикона». Можно допустить, как мы это и сделали, что Толанд серьезно хотел обставить свою «религию» природы известными внешними формами.

Философское содержание трех основных частей «Пантеистикона» нами достаточно полно уже выяснено, и поэтому возвращаться к ним нет больше надобности.

V.

В своей «Истории английской литературы» Геттнер еще 70 лет тому назад выразил удивление по поводу того, что «Письма к Серене» остались вне поля зрения историков философии. С тех пор дело изменилось несколько к лучшему. Ланге в своей «Истории материализма» уделил Толанду несколько страниц, а через несколько лет появилась немецкая книжка Бертольда под названием «Джон Толанд и современный монизм». Что же касается историков философии, то они в общем продолжают игнорировать Толанда на том простом основании, что он был материалистом. А между тем «Письма к Серене»—в особенности четвертое и пятое письма—являются в высшей степени замечательным, даже гениальным произведением. Наше внимание поэтому будет уделено преимущественно этим двум последним письмам.

«Письма к Серене» открываются предисловием к адресату, проживающему в Лондоне. В этом предисловии автор рассказывает об обстоятельствах, побудивших его написать эти письма. Первое письмо посвящено вопросу о происхождении и силе предрассудков. Толанд излагает здесь прежде всего ненормальные условия жизни и воспитания, которые направлены к тому, чтобы внедрить в нас эти предрассудки. Не успевает человек появиться на свет, как великий обман обольщает его со всех сторон. Повивальная бабка уже «вводит нас в мир с суеверными церемониями». Все, начиная от родителей и кончая наставниками, только и делают, что внедряют в нас свои собственные заблуждения и употребляют все свои силы и способности, чтобы извратить наш разум так, что с течением времени мы все эти заблуждения, приобретенные нами благодаря воспитанию, рассматриваем как истекающие из самой природы вещей. Не только *семья*, но и современная *школа* построена таким образом, что она отравляет нас суевериями, всевозможными сказками о демонах, пророчествах, чудесах и проч. В школе закладывается фундамент для нашего будущего легковерия. Самый обильный рассадник предрассудков—это наши *университеты*, где «профессора обязаны во что бы то ни стало подгонять все к законам и религии своей страны». Общество же в целом представляет собою отвратительный очаг заразы, где люди зара-

жены всевозможными заблуждениями и предрассудками; оно все построено на обмане и лжи, и отдельному человеку чрезвычайно трудно завоевать себе свободу и независимость от окружающей нас среды.

Во втором письме Толанд подвергает критике идею бессмертия души. Прежде всего он доказывает, что эта идея имеет своим источником не бога, а людей. Идея бессмертия души возникла при определенных *исторических условиях*. Толанд обращает внимание на то, что древнейшие греческие философы были материалистами, объяснявшими все явления природы при помощи материи и ее движения. Этим философам была чужда идея о каком-либо духовном начале. Последующие греческие мыслители, как Ферекид, Пифагор и Платон, стали учить бессмертию души, заимствовав эту идею у египетских жрецов и персидских магов. Далее, Толанд вскрывает *психологические* мотивы, приведшие египтян,—ибо они, по его мнению, были первыми, кто стали исповедывать эту идею,—к вере в бессмертие души. В нашу задачу не входит критика исторической и психологической теории возникновения бессмертия души. Мы должны признать теорию Толанда огромным шагом вперед, независимо оттого, является ли она научно обоснованной, или нет. С точки зрения современных взглядов его теория, разумеется, устарела, но это не мешало ей сыграть огромную прогрессивную роль в деле просвещения масс. Общефилософская же критика идеи бессмертия души, поскольку она вытекает из материалистических взглядов Толанда, сохраняет все свое значение и для нашего времени. «Конечно, простой народ, не привыкший к размышлению,—говорит Толанд,—навсегда оставался (как остается и до сих пор) при слепой вере или послушании авторитету; но иное дело философы, которые выставляли разные вероятные доводы в пользу самостоятельного существования и вечного сохранения души. Они полагали, что их мысли, или идеи, нематериальны и не имеют ничего общего с протяженностью; они открыли свободную волю в своей душе и самопроизвольное движение в своем теле; они наблюдали в себе непрестанную борьбу между влечением и разумом; они придавали большой вес своим сновидениям и думали, что и наяву им случается иногда получать предвещения относительно будущих опасностей; они видели, что люди охва-

чены неутолимой жаждой знать будущее и настойчиво желают наслаждаться бесконечным счастьем,—и они пришли к заключению, что все это должно иметь своим источником некое существо, отличное от тела, существо самодвижущееся и, следовательно, бессмертное; ибо всякая частица материи приводится в движение внешней причиной, а то, что имеет движение в самом себе, никогда не может утратить его. Вера в бессмертие души всячески поддерживалась среди язычников также их законодателями, из которых некоторые сами не верили в него, но, видя, что лишь немногие добродетельны от природы, остальных же делают таковыми надежда на награду или страх перед карой, они приняли эту веру ввиду ее практической пользы, поскольку она внушает людям мысль, что злые, избежавшие кары законов, наверное будут наказаны за свои преступления в загробном мире, равно как и добрые найдут там свою награду, которой они могли быть несправедливо лишены в этой жизни»¹).

В этом замечательном отрывке дана в сжатой форме блестящая критика веры в бессмертие души, поскольку это можно было сделать в начале XVIII века. Толанд доказывает, что вера в бессмертие является не продуктом откровения, а вымыслом человека. Человек создает веру в бессмертие души, как он создает своих богов, из определенных «душевных» потребностей. Идея бессмертия души опирается на идею духовной, нематериальной субстанции и на определенные *практические* мотивы, которые закрепляются общественными условиями.

В третьем письме к Серене Толанд излагает историю происхождения идолопоклонства. Он выдвигает мысль, что все суеверия вначале были связаны с культом покойников и что представления язычников о загробной жизни были основным источником идолопоклонства. Для нас не имеет значения вопрос о том, насколько это объяснение Толанда удовлетворительно. Важно только то обстоятельство, что Толанд один из первых пытается объяснить происхождение идолопоклонства и, значит, религии вообще из земных условий, что он в своей теории происхождения богов в известном смысле предвосхищает Фейербаха указанием, что не бог со-

---

¹) См. стр. 46—47 настоящего издания.

здал человека, а человек создал богов, наделив их человеческой сущностью. Эта теория Толанда приводит его дальше к плодотворной критике божественного достоинства королей, земных владык. Римские императоры были возведены в достоинство богов. «В этом отношении,—замечает Толанд,—они подражали обычаям варварских царей, которые подобными средствами держали в вечном рабстве своих подданных, не смевших восставать против богов или тех, кому было суждено стать таковыми». Таким образом, Толанд хорошо понимает уже *политическую* роль религии. Это имеет тем большее значение, что идеи Толанда приобрели актуальный политический характер у французов XVIII века. Эти идеи дали в условиях социально-политической жизни Франции вполне реальные плоды.

Толанд не останавливается на римских императорах, он острее своей критики направляет и против христианских королей. «Божественные права, на которые притязают с недавнего времени иные христианские короли, и безусловное, пассивное повиновение, которого требует для них подобострастное духовенство, являются не лучшим средством для сохранения тирании, чем бывшие средства язычников, но цель тут и там, конечно, одна и та же. Однако чем умнее становились люди, тем меньше веры придавали они подобным вещам, и чем ближе они присматривались к своим государям, тем ревнивей начинали охранять свою свободу и свои права».

В этих строках слышится определенный призыв к борьбе с тиранией, с «божественным правом» королей во имя свободы и права народов. Толанд разоблачает политическую роль духовенства и религии, вскрывает их внутреннюю связь, не будучи, однако, в состоянии добраться до последних корней как «политики», так и религии.

Мы остановились вкратце на содержании первых трех писем, обращенных к Серене. Теперь нам остается обратиться к содержанию последних двух писем, адресованных одному голландскому Спинозисту. В первом из этих двух последних писем Толанд подвергает критике систему Спинозы, доказывая невозможность объяснения движения и многообразия явлений мира из принципов Спинозизма. Второе письмо посвящено проблеме движения, которое Толандом рассматривается как существенное свойство материи, как ее атрибут.

Представление о материи как о неподвижной, мертвой, пассивной субстанции теснейшим образом связано с механическим и метафизическим пониманием процессов природы. Начиная с Декарта, естественники и философы привыкли видеть сущность материи в протяжении. Но если сущность материи исчерпывается протяжением, то движение может быть заимствовано материей только *извне*. Поэтому Декарт вполне последовательно считал общей причиной движения *бога*. На этом же основании и Ньютон вынужден был прибегнуть к помощи бога для объяснения «первоначального толчка» и периодического его вмешательства в ход природы, чтобы заставить действовать *пассивную* материю. Таким образом, в системах Декарта и Ньютона мы видим остатки теологии, неразрывно связанные с представлением о *пассивности материи*. Для объяснения *активности* материи приходится этим мыслителям постулировать новую субстанцию в виде духа или бога, которые воздействуют на мертвую, неподвижную материю. Отсюда *дуализм* в их мировоззрении. Для преодоления дуализма требуется иное понимание материи и движения. Стало быть, движение является центральной проблемой материалистического мировоззрения.

Спиноза поставил себе задачей преодолеть декартовский дуализм. Его не удовлетворяло декартовское определение материи как только протяженной сущности. Но и сам Спиноза не дал удовлетворительного определения движения. Из протяжения самого по себе нельзя вывести движения,—это понимал и Спиноза, но он не сделал дальнейшего шага в этом направлении. Отличие Спинозы от Декарта состоит в том, что он стоял на почве *единства субстанции* и не признавал *первого двигателя*. Но Спиноза должен был бы показать, каким образом «разнообразие отдельных тел возможно примирить с единством субстанции, т.е. с тождеством материи во всей вселенной» или, иначе говоря, он должен был бы показать, каким образом материя приводится в движение *без помощи* первого двигателя, бога, которого он не признавал.

Справедливость требует признать, что по существу Толанд в своей критике спинозизма прав и что он сам значительно подвинул вперед материалистическое мировоззрение разрешением проблемы движения.

Нисколько не отрицая правильности критики Спинозизма Толандом, надо все же сказать, что Спиноза делает попытку преодоления Декарта и в вопросе движения, рассматриваемого им как *бесконечный модус*, что субстанция отличается *вечной активностью* по своей сущности, так что движение, понимаемое как бесконечный модус, как *пространственное перемещение*, может быть рассматриваемо как производное от *общей активности субстанции*. Но такое понимание Спинозы, разумеется, является результатом нашего толкования, и правильность его может быть подвергнута сомнению. Поэтому не будем здесь настаивать на нашем толковании и перейдем к соображениям Толанда, которые во всяком случае по своей ясности и глубине превосходят рассуждения Спинозы.

«Спиноза,—говорит он,—не признает существа, отдельного или отличного от субстанции вселенной, такого существа, которое сообщило бы ей движение, если она от себя не обладает им, и непрерывно сохраняло бы его. Он исходит из общепринятых понятий о пространственном движении и не приводит в объяснение его ни одной причины, не желая допустить наличия толчка со стороны всемогущего божества и не умея подыскать иное—лучшее или хотя бы столь же удовлетворительное—объяснение». Толанд за это осуждает Спинозу, считая, что всякий, кто принимается объяснять мир из первых причин, природу его механизма и состояние материи, должен начать с первых причин движения, ибо «в голлом понятии протяжения,—как выражается Толанд,—не заключается никаких признаков разнообразия и никаких причин изменяемости». «И раз очевидно,—продолжает он,—что только активность способна производить изменения в протяжении, эта активность, или начало движения, должна быть хорошо выяснена и установлена, иначе вся система вскоре окажется несостоятельной. Если рассматривать активность как нечто данное, система будет только гипотезой; если ее доказать и разъяснить, тогда можно надеяться достигнуть большей достоверности, чем имелось до сих пор в естественной философии. Таким образом, недостаточно исходить в своих построениях из понятия пространственного движения, которое, как мы сказали выше, есть только следствие активности, как и прочие явления природы,—например, покой,

ныне всеми признаваемый не за нечто отрицательное, не за состояние абсолютного бездействия, так как для удержания тел в состоянии покоя требуется столько же силы, сколько и для приведения их в движение. Пространственное движение и покой, суть, следовательно, только относительные термины, переходящие модусы, а не положительные реальности»¹⁾.

Толанд различает *активность*, или изменение вообще, и *движение*, как перемену места. Активность, это—движение целого, атрибут материи; пространственное же движение является модусом активности, некоторым изменчивым состоянием активности. Поэтому естественно, что Толанд не признает абсолютного покоя в природе и приходит к диалектическому понятию *относительности покоя*.

Протяжение само по себе не определяет и не выражает сущности материи, являясь лишь отвлеченным понятием. В понятие материи необходимо входит движение, понимаемое как изменение вообще, как активность, деятельность; пространственное же движение, т.-е. перемена места, является производным, вторичным явлением.

«Итак, я утверждаю,—пишет Толанд,—что *движение есть существенное свойство материи*, иначе говоря, столь же неотделимое от ее природы, сколь неотделимы от нее непроницаемость и протяжение, и что оно должно входить составною частью в ее определение. Но подобно тому, как мы различаем в материи *количество* отдельных тел и *протяжение* целого, при чем эти количества суть лишь некоторые состояния, или модусы, протяжения, существующие и исчезающие по своим особым причинам,—таким же образом, чтобы быть лучше понятым, я хотел бы движение целого называть *активностью*, а пространственное движение, будь оно прямое или круговое, быстрое или медленное, простое или сложное, попрежнему называть *движением*, являющимся лишь некоторым изменчивым состоянием активности, которая всегда в целом и в каждой части одна и та же и без которой движение не может принимать никаких модификаций»¹⁾.

Толанд, далее, отрицает, что материя когда бы то ни было

1) См. стр. 84 настоящего издания.

2) Там же, стр. 92.

была мертвой, косной и неподвижной глыбой, находящейся в состоянии абсолютного покоя. Напротив того, материя всегда находится в состоянии движения, изменения. И только теория, признающая движение атрибутом материи, способна объяснить закон сохранения количества движения в природе, говорит Толанд.

Материя столь же не мыслима без движения, сколь и без протяжения. Из одного протяжения нельзя вывести движения, — стало быть, и разнообразия вещей. Движение выражает сущность материи наряду с протяжением; оно не отделимо от материи, составляя необходимую форму ее существования. Материя без движения, это — «ничто, лишенное всякого образа и цвета, не тяжелое, не шероховатое и не гладкое, не сладкое и не кислое, не горячее и не холодное — словом, лишенное всяких чувственных качеств, лишенное частей, соразмерности и каких бы то ни было отношений». Все это зависит только от движения; формы тел, возникновение, развитие и уничтожение вещей являются следствиями движения или, точнее, самим движением. Материя без движения есть совершенное *ничто*; такое понимание материи приводит к представлению тех, для которых «первичная материя была чем-то, что не есть ни сущность, ни качество, ни количество и вообще ни одно из наименований сущего».

Движение есть *существенное* свойство материи, а так как в определение вещи должна входить сущность ее, то очевидно, что только то определение материи будет научно правильным и точным, которое включает в себя существенные свойства ее. Материя во всех своих частях и частицах находится всегда в движении, в состоянии неопределенной деятельности, *хотя они и действуют не по одинаковым законам* и не в одинаковой степени, как выражается Толанд. Активность одинаково *внутренне* присуща всем формам материи, но *специфические* движения разнообразны, что происходит вследствие *различных способов взаимодействия* материальных частиц.

Толанд во всех своих рассуждениях стоит в сущности на точке зрения Спинозы, которого он углубляет и дальше развивает в материалистическом направлении, несмотря на то, что он полемизирует со Спинозой и «опровергает» его не-

правильные или, вернее, недостаточно полно им развитые положения.

Для Толанда, между прочим, до такой степени ясно, что под спинозовской *субстанцией* следует понимать *материю*, что он на выяснении этого вопроса не считает даже нужным останавливаться. Это для него само собою разумеется, и из такого понимания спинозовской субстанции он исходит.

Спиноза наделил свою субстанцию-материю двумя атрибутами: протяжением и мышлением. Толанд не согласен признать мышление вечным атрибутом материи. Вместе с Спинозой он считает, что *материя едина*, что она не может иметь абсолютных частей, независимых друг от друга, что все части материи *связаны* друг с другом. Часть есть лишь *часть целого*, и в этом смысле каждая часть является не чем-либо *абсолютным*, существующим само по себе, а лишь *относительным* термином или модусом. Тело таким образом, составляет *модус* единой материи, особую модификацию общей протяженности материи. «Под телами,—говорит Толанд вполне в духе Спинозы,—я разумею известные модификации материи, постигаемые умом как ограниченные системы, или особые количества, умственно отвлекаемые, но реально неотделимые от протяженности вселенной. Мы говорим поэтому, что одно *тело* больше или меньше другого, что оно раздроблено или разложено, ибо модификации многообразно изменяются; но нельзя, собственно, сказать, что одна *материя* больше другой, потому что во вселенной существует только *одна материя*. (Курсив мой.—А. Д.) В качестве иллюстрации своей мысли Толанд приводит тот самый пример с водой, какой приводится Спинозой в подтверждение той же мысли. «Вода, как таковая, может быть произведена, разделена и уничтожена; ее количество может быть увеличено или уменьшено; но все это невозможно, поскольку вода рассматривается как материя».

Все, что сказано относительно протяженности, относится также и к активности. Подобно протяженности активность есть общий атрибут материи, форма ее существования, как выражается Энгельс. «Все же местные движения материи суть лишь различные формы ее общей активности, напра-

вляемой по тому или другому пути, теми или другими причинами, тем или другим способом, при чем общее ее количество не увеличивается и не уменьшается».

Понятие *активности*, как общего атрибута материи, сводится к понятию *самодвижения*, которое впервые вводится Толандом в философию с такой необычайной ясностью и настойчивостью. «Дело в том,—говорит Толанд,—что необходимо проводить различие между *внутренней энергией, самодвижением или существенной активностью всякой материи*, без которой она не могла бы подвергаться никаким отдельным изменениям и разделением, и теми *пространственными движениями или перемещениями*, которые представляют собою лишь различные модификации существенной активности»¹⁾. (Курсив мой.—А. Д.)

Местные, или пространственные, движения суть лишь различные модификации активности, т.-е. изменения вообще. Каждая частица материи обладает собственной внутренней энергией, что не исключает того, что эта частица материи определяется к действию соседними частицами, а эти последние, в свою очередь, модифицируются другими и т. д. «И таким образом всякая вещь претерпевает бесконечные изменения, т.-е. находится, как я утверждаю, в непрестанном движении»,—говорит Толанд. Это новое понимание движения до такой степени плодотворно, что оно ведет к разрушению метафизического образа мышления и подводит Толанда вплотную к диалектике. Благодаря всеобщему движению и единству материи все вещи в природе являются звеньями одной общей цепи, где различные формы материи переходят друг в друга, где каждое существо, выражаясь словами Толанда, живет разрушением другого и где все части вселенной находятся в процессе непрестанного созидания и разрушения. «Весь облик земли ежеминутно являет нашим глазам эти изменения, ибо ничто не остается численно тождественным хотя бы в течение часа. И эти изменения, будучи лишь различными видами движения, являются тем самым неоспоримым свидетельством в пользу некоей универсальной активности. Но изменения в частях не влекут за собою никакого изменения вселенной, ибо ясно, что постоян-

¹⁾ См. стр. 110 настоящего издания.

ные перемены, переходы и превращения материи не могут вызвать ни увеличения, ни уменьшения ее общего количества, как ни одна буква не прибавляется к алфавиту и не убавляется от него из-за бесчисленных сочетаний и перестановок букв в великом множестве слов и языков. В самом деле, потеряв одну какую-нибудь форму, вещь тотчас же облекается в другую; она как бы исчезает со сцены в одном костюме с тем, чтобы тотчас же появиться на ней в другом, — и это обуславливает вечную юность и силу мира, который не знает дряхлости и упадка, как то безрассудно воображали некоторые вопреки не только разуму, но и опыту: ведь мир во всех своих частях и видах пребывает во все времена в одном и том же состоянии».

Неправильно было бы думать, что Толанду присуща *идея развития* в современном ее понимании. Идея прогрессивного развития была ему совершенно чужда. И за это осуждать Толанда было бы нелепо. Единственное, что мы утверждаем, это то, что наш мыслитель прекрасно сформулировал *идею всеобщего изменения* в природе, *идею самодвижения материи* и перехода одних форм в другие.

Взгляды Толанда на движение чрезвычайно близки и родственны взглядам Энгельса на этот предмет. Кто следил последние годы за полемикой между механистами и диалектиками, знает, что и по вопросу о движении между спорящими сторонами обнаружались существенные разногласия. Толанд, как видит читатель, еще 223 года тому назад разрешил проблему движения в духе Энгельса, подняв этим материализм на новую, более высокую ступень. К сожалению, его идеи остались почти совершенно в тени и вплоть до Энгельса никем дальше не разрабатывались.

В «Диалектике природы» Энгельс посвящает проблеме движения специальную главу под названием «Основные формы движения». Определение движения, данное Энгельсом, совпадает почти дословно с определением Толанда: «Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т.-е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением»¹⁾. В другом месте Эн-

¹⁾ Энгельс, Диалектика природы, стр. 231.

гельс, в противовес механическому движению, т.-е. чистому перемещению, определяет движение как изменение вообще. При этом Энгельс подчеркивает, что всякое изменение связано с механическим движением, но отнюдь не исчерпывается им, что движение есть также и изменение качества и т. д. Мотивы, приведшие обоих мыслителей к пересмотру традиционных представлений о движении, почти одинаковы: это — необходимость преодоления пассивности материи, ибо пассивность материи предполагает наличие какого-то иного, внешнего, *активного* начала. Всякая частица материи находится по мнению Толанда и Энгельса, в абсолютном движении; абсолютное движение исключает абсолютный покой, на каком-то понятии и зиждется представление о бездеятельности, пассивности материи. Покой не есть *отрицание* движения, но есть *противоположность* движения в абсолютном смысле. Толанд стремится сочетать относительные движения с движением абсолютным: «Я умышленно ничего не говорил об относительных движениях тел, которые считаются покоящимися,—пишет Толанд,—и теперь я только намекну о них, чтобы показать вам, что движения эти не перестают в то же время быть абсолютными. Все, что находится на нашей земле (и это относится также ко всем остальным планетам), участвует в ее постоянном движении, ибо движение целого есть лишь совокупность движений частей. Это ясно не только из рассмотрения самого предмета, но также и из того, что нужна одинаковая сила как для сообщения нового состояния любому телу, так и для прекращения состояния, уже приобретенного им, ибо одна из них не может быть меньше другой. Хотя все части движущегося шара находятся в покое относительно друг друга и относительно своих мест в шаре, однако никто не скажет, что все они, как части шара, не находятся в движении по отношению к посторонним вещам. Так, пассажир участвует в движении плывущего корабля, не говоря уже о движениях внутри его собственного организма, хотя он и представляется покоящимся относительно того места, на котором он сидит, и остальных частей корабля, которые, невзирая на движение целого, сохраняют по отношению к нему одни и те же расстояния и положения»¹⁾. Здесь как бы сама собой напрашивается параллель

1) См. стр. 116 настоящего издания.

с теорией относительности Эйнштейна, но это завело бы нас слишком далеко. Во всяком случае, читатель видит, что Толанд разрешает вопрос об *относительности* движения в смысле материалистическом, рассматривая это относительное движение как модификацию абсолютного движения.

В этой связи необходимо обратить еще особое внимание на проблему *конкретного определения или понятия* в противоположность отвлеченным определениям, с которыми Толанд ведет постоянную борьбу, примыкая в этом отношении к Спинозе. Все атрибуты материи составляют *единство, конкретное целое*. Каждый же атрибут представляет собою одну из форм существования единой материи; это особый способ рассмотрения единой материи с какой-либо специфической точки зрения. Однако обычно берут одно какое-либо свойство материи, отвлекают его от целого и превращают в самостоятельный абсолют, в реальную сущность, имеющую якобы реальное существование. Это формальный, или абстрактный, подход к явлениям. В особенности в этом повинны математики. Таким образом, например, математическим линиям, поверхностям и точкам было приписано реальное существование. То же самое относится и к пространству, которое математически мыслят без материи. «Они вообразили себе реальное пространство, отличное от материи, и объявили его протяженным, бестелесным, неподвижным, однородным, неделимым и бесконечным». «Что до меня—говорит Толанд,—то я не могу поверить в абсолютное пространство, отличное от материи и вмещающее ее в себе, как не могу поверить и тому, что есть абсолютное время, отличное от вещей, о деятельности которых идет речь». Здесь Толанд выступает против взглядов величайшего авторитета своего времени—Ньютона, хотя он и не может «поверить» тому, чтобы такой гениальный ум придерживался таких ошибочных взглядов.

Извращенные, ошибочные понятия о «бестелесном пространстве», бездейственной, конечной, делимой материи порождены тем, что отрывают, отвлекают отдельные свойства от единой материи и превращают их в реальные сущности. Все эти свойства составляют *абсолютную связь в одном и том же субъекте*. «Конечно, каждое из этих свойств,—говорит Толанд,—может быть мысленно отвлекаемо от остальных, и математики пользуются этим приемом весьма плодотворно;

но нельзя принимать эти абстракции за реальности и приписывать им существование вне тех субъектов, от которых они отвлечены, или относить их к какому-нибудь другому, недостоверному и неведомому субъекту. Мы часто отвлекаем материю от движения и движение от материи и поступаем так же с плотностью и материей, с движением и протяжением, с протяжением и плотностью, с плотностью и движением. Каждое из этих свойств может братья и беретя само по себе, без всякого отношения к остальным, тогда как в действительности движение материи зависит от ее плотности и протяжения, и точно так же все остальные ее свойства неотделимы друг от друга»¹⁾).

Существует только одна *бесконечная материя*, которая и есть реальное пространство и вместилище, а также реальный субъект всех своих частей и модификаций.

Развитые Толандом в разбираемом сочинении идеи представляли в сравнении с ньютоновскими огромный шаг вперед. Они отличаются такой свежестью и глубиной, что могут служить оружием в борьбе с целым рядом *современных* идеалистических направлений как в философии, так и в естествознании. В разрешении основных вопросов философии естествознания он очень близко подходит к диалектическому материализму. И если мы в конце пятого письма неожиданно наталкиваемся на идею «верховного ума», то это до такой степени не вяжется со всей концепцией Толанда, что этот чужеродный элемент надо признать простым богословским привеском для отвода глаз ревнивых охранителей «священных» устоев.

Вкладываемое Толандом в уста своего корреспондента выражение, сводящееся к тому, что раз допущена активность материи, исчезает необходимость в верховном уме, весьма существенно и бьет прямо в цель. Мнимое опровержение Толандом возражения корреспондента крайне неубедительно. Во всяком случае активность материи, как это великолепно сознавал Толанд, несовместима с идеей бога, мировой души и жизненной силы. Толанд вполне правильно считал, что *пассивность материи ведет к необходимости признания какого-то независимого от материи активного принципа* -

¹⁾ См. стр. 123 настоящего издания.

бога, духа, мировой души. Толанд не без основания видит источник гилозоизма, спинозовской идеи всеобщей одушевленности материи, в допущении пассивности материи. Из этой же пассивности материи вытекает и идея души, как независимой от тела силы. Идея активности материи, т.-е. единства материи и движения, является исходным началом для объяснения жизни и мышления.

Все основные идеи Толанда вошли составной частью в мировоззрение французских материалистов XVIII столетия. Гольбах, Ламеттри и Дидро рассматривали движение как существенный атрибут материи, как *«способ существования, вытекающий необходимым образом из сущности материи»*; «материя движется благодаря собственной своей энергии», говорит Гольбах; ее движение происходит от присущих ей сил. Французский мыслитель критикует естествоиспытателей за то, что они считают материю инертной по своей природе. «Если под природой мы станем понимать груду мертвых, лишенных всяких свойств и чисто пассивных веществ, то, разумеется, мы должны будем искать вне этой природы принцип ее движений» ¹⁾, т.-е. мы должны будем прибегать для объяснения природы к богу.

Подобные же идеи развивает и Дидро. *«Тело, по мнению некоторых философов, не одарено само по себе ни действием, ни силой. Это—ужасное заблуждение, —говорит Дидро,—стоящее в прямом противоречии со всякой физикой, со всякой химией. Само по себе, по природе присущих ему свойств, тело полно действия и силы, будете ли вы рассматривать ее в молекулах или в массе»* ²⁾. Молекула, одаренная присущими ей свойствами, сама по себе есть сила активная». Дидро различает *внешнюю силу* и *силу внутреннюю*. Сила внешняя иссякает, это—сила, которая переносится, так сказать, с одного тела на другое. Сила внутренняя не иссякает,—она всегда присуща телу.

Эти основные идеи касательно движения впервые были развиты Толандом, а затем восприняты французскими мыслителями, построившими на них свое материалистическое мировоззрение. В сравнении с господствовавшими в тогдашнем

1) Гольбах, Система природы, стр. 25.

2) Дидро, Избранные сочинения, т. I, стр. 130.

естествознании взглядами на движение наши философы-материалисты сделали огромный шаг вперед, что ясно сознавалось ими, когда они критиковали «физиков» своего времени. Но *всех* выводов из нового понятия о движении не сделали и материалисты XVIII века. Эту задачу выполнил только *диалектический* материализм, сумевший преодолеть *механическое миропонимание*. Взгляды французских материалистов страдали внутренним противоречием: с одной стороны, они считали движение формой существования материи, вечным ее атрибутом, внутренним ее свойством, а с другой стороны— они движение понимали только как перемену места, как пространственное перемещение. Только диалектический материализм в лице Энгельса внес в эту проблему полную ясность. И только современное естествознание вплотную подошло к разрешению этой проблемы в духе диалектического материализма.

Но величайшая заслуга Толанда в том, что он в новое время первый поставил проблему движения во всей ее глубине. Этот научный подвиг обеспечивает ему почетное место в истории философской и научной мысли.

Перевод «Писем к Серене» принадлежит И. Б. Румеру, перевод «Пантеистикона»—Г. С. Тьянскому. В редактировании настоящего издания принимали участие И. К. Луппол и О. Б. Румер. Библиографию и указатель имен составила В. А. Попова-Сурьянинова.

А. Деборин.

I. ПИСЬМА К СЕРЕНЕ

II. ПАНТЕИСТИКОН

ПИСЬМА К СЕРЕНЕ,

А И М Е Н Н О:

- I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СИЛА ПРЕДРАССУДКОВ;
- II. ИСТОРИЯ МНЕНИЙ О БЕССМЕРТИИ ДУШИ;
- III. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИДОЛОПОКЛОНСТВА И ОСНОВАНИЯ ЯЗЫЧЕСТВА;

А Т А К Ж Е

- IV. ПИСЬМО, АДРЕСОВАННОЕ НЕКОЕМУ ГОСПОДИНУ В ГОЛЛАНДИИ И ПОКАЗЫВАЮЩЕЕ, ЧТО ФИЛОСОФСКАЯ СИСТЕМА СПИНОЗЫ ЛИШЕНА КАКОГО БЫ ТО НИ БЫЛО ОСНОВАНИЯ;
- V. ДВИЖЕНИЕ—СУЩЕСТВЕННОЕ СВОЙСТВО МАТЕРИИ.
ОТВЕТ НА НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ОПРОВЕРЖЕНИЯ СПИНОЗЫ.

ПИСЬМАМ ЭТИМ ПРЕДПОСЛАНО

- VI. ПРЕДИСЛОВИЕ, В ФОРМЕ ПИСЬМА И НЕКОЕМУ ГОСПОДИНУ В ЛОНДОНЕ, ПРЕПРОВОЖДЕННОГО ВМЕСТЕ С ВЫШЕУПОМЯНУТЫМИ РАССУЖДЕНИЯМИ И ОБЪЯСНЯЮЩЕГО НЕКОТОРЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОСЛУЖИВШИЕ ПОВОДОМ К ИХ НАПИСАНИЮ.

---

*Время ложные мнения уничтожает,
а суждения природы подтверждает.*

ЦИЦЕРОН (о природе богов кн. 2).

ПРЕДИСЛОВИЕ

в форме письма к некоему господину в Лондоне, препровожденного вместе с нижеследующими рассуждениями и объясняющего некоторые обстоятельства, послужившие поводом к их написанию

1. Во всех ваших письмах, сударь, вы даете понять, что, по вашему мнению, приняв во внимание место, где я нахажусь, и общество, в котором врацдаюсь, я бы должен был позабыть о моих книгах, а равно и о моих знакомых. При этом вы столь любезны, что стараетесь если и не вполне одобрить, то во всяком случае извинить это. Я полагаю, что, получив мое последнее письмо, вы уяснили себе, почему я не поддерживаю с вами регулярной переписки, и думаю, что ничего больше на эту тему вы от меня не ждете. Поэтому-то я, вместо того, чтобы писать о политических новостях или местных интригах, попытаюсь представить вам отчет о теперешних моих занятиях. Я охотно признаю, что это одна из бесплоднейших и наименее занимательных тем, какую я мог выбрать; но тут вы уже должны пенять на самого себя, и я надеюсь, что не заслужу упрека за свой выбор. Раньше всего я должен откровенно высказать вам, что, по-моему, вы весьма несправедливы к здешней стране и что все ваши сопоставления ненастной погоды с туманностью понятий, медлительности движений с тяжеловесностью мысли, необозримых пустырей и болот со смутными представлениями и непроверенными общими местами—все целиком не обоснованы. И нет лучшего способа обнаружить ваше пристрастие, как напомнить вам о тех великих именах в делах войны и мира, в искусстве и в словесности, коими во все времена славилась эта страна, о тех людях, которые в настоящее время являются ее украшением и со многими из

которых вы сами с приятностью могли бы беседовать в Лондоне, будь вы менее увлечены своими соотечественниками и имей вы большее уважение к чужестранцам. Ведь в самом деле, и так уже слишком достаточно оснований для жалоб многих иностранцев на холодность и пренебрежение, с которыми они обычно встречаются в Англии, и весьма часто со стороны именно тех, к кому они у себя на родине относились с наибольшим расположением и предупредительностью.

2. Город, в котором я ныне живу, смело можно назвать столицей учтивости и изящества. Он является местопребыванием правительства, а потому весьма понятно, что в нем можно встретить самые утонченные умы, самую яркую красоту и самые блистательные наряды; сюда, кроме того, постоянно стекаются иноземцы, наиболее выдающиеся люди разных стран, достаточно богатые, чтобы иметь возможность удовлетворять свою любознательность путем ознакомления с чужими людьми и обычаями. Хотя между ними и много людей, обладающих подлинными и полезными знаниями, все же я должен вам признаться, что мало у них того, что невежественный люд столь охотно величает ученостью; и хотя у них множество превосходнейших и разнообразнейших книг, все же буквоеды, из книг черпающие свою мудрость, считаются у них самыми презренными существами. Если судить о здешней жизни по внешнему впечатлению, может показаться, что вся она—один сплошной праздник любви и радости, в котором, наряду с молодежью, участвуют даже государственные и деловые люди. Поспешный путешественник или же тот, у кого нет возможности проникнуть во все слои общества, много не видит и, зная меньше, чем знал у себя на родине, превратно осведомляет своих друзей. Но поверьте мне, сударь, я нигде не встречал более тщательно подобранных и более многочисленных собраний книг в частных библиотеках, более свободных исследователей исторических древностей и тайн природы,—короче говоря, нигде не встречал людей более искусных в умении знанием помогать беседе, разумно использовать свою начитанность для надобностей общежития, отличать педантство от учености и церемонность от образованности.

3. Вы отлично понимаете, что я бы сам был виноват, если бы в том месте, где ныне нахожусь, стал пренебрегать

моими обычными занятиями, к которым—как вы знаете—я столь привержен и которые, при всем разнообразии моих развлечений, я не только не забрасываю, а скорее углубляю. Уверяю вас, что пока я пользуюсь добрым здоровьем и свободой, ничто не сможет отвратить меня от изучения хороших книг, в чем единственно, по-моему убеждению, заключается совершенное наслаждение. Хотя я люблю и многие другие наслаждения, доступные человеку, и хотя я умеренно предаюсь всем тем из них, которые считаю дозволенными, все же я не могу не признать верности того наблюдения, что к каждому из них подмешана доза горя, которое мы испытываем либо в ожидании этих наслаждений, либо во время их, либо переживая их последствия. Наоборот, читая занимательную книгу, мы вкушаем полное удовлетворение без всякой неприятной примеси, забывая о прошлом, не тревожась о будущем,—вполне во власти переживаемого блаженства. Вот поэтому я и могу, и хочу продолжать мои прежние занятия и использовать каждый случай для обогащения моих знаний, являющихся украшением и совершенствованием нашей природы. И если при столь благоприятных условиях я все-таки достигаю лишь незначительных успехов, то приписывать вы это должны не недостатку склонности с моей стороны, а несовершенству моих способностей.

4. Хотя у меня и меньше дела, чем кое-кто думает или, во всяком случае, утверждает, все же по прибытии сюда я сперва решил ограничиться чтением и беседами, не поддаваясь даже соблазну писать хотя бы дружеские письма. Но скоро мне пришлось пересмотреть это свое решение, уступая повторным настояниям некоего лица, которое пожелало вступить в переписку со мною и которому я ни в чем отказать не могу. Лицо это проживает по сю сторону моря, но не в этом городе; и, что еще больше должно возмутить вас, лицо это—красивая дама, которой угодно было запросить мое мнение по вопросам, являющимся предметом трех первых рассуждений, мною при сем прилагаемых и препровождаемых вам с целью убедить вас, что я не вполне, как полагаете вы, пребывал в праздности. Она—супруга человека, занимающего весьма высокое общественное положение, и этих сведений о ней в настоящее время совершенно для вас достаточно.

5. Я вижу теперь сокровенные помыслы вашей души, как если бы я управлял всеми ее гириями и пружинами или руководил работой вашего мозга. Вы можете припомнить, сколь часто я заступался за слабый пол, ополчаясь на ваши скорее предрассудки, чем суждения. И хотя я вполне признавал правоту моей точки зрения, но я мог бы—скажу без самохвальства—защищать и нечто более сомнительное против выдвигаемых вами доводов, которые основывались только на болтовне ваших приятелей, на обычном дурном воспитании женщин и, в частности тех из них, с которыми вы сталкивались во дни вашей ранней юности и которых поэтому лучше узнали, нежели женщин более высокого уровня, встречавшихся вам с тех или до тех пор. Сколь часто принужден я был описывать вам чудовищную грубость, невоспитанность, невежество и неотесанность, обычно свойственные тем представителям нашего пола, которые не испытали облагораживающего воздействия светского общения и словесности, и указывать вам, что жены и дочери этих мужиков, по сравнению с ними, блистают своим умом и способностями, своим воспитанием и сообразительностью. Я не задаюсь целью выяснять, является ли устранение женщин от образования следствием закоренелых обычаев или же преднамеренно вызвано мужчинами, но всякий раз как женщина погружается в изучение книг и в результате этого становится скучной, напыщенной или смешной (хотя это бывает лишь один раз из тысячи), сколь много мы шумим по этому поводу, сколь охотно мы ссылаемся на это в осуждение природных способностей женского ума и сколь торжествуем мы, превознося превосходство нашего, мужского мышления. А между тем, кто знает,—быть может, это ничего не доказывает, во всяком случае не больше, чем наглость, высокомерие и педантство тех мужчин, которые нахватались верхушек знания, поверхностно читали кое-какие книжки и являются только присяжными глашатаями авторов и изданий, собирателями диких или трескучих слов и нелепых изречений, ревностными охотниками за правилами и этимологиями, или просто схоластиками, т.-е. просто-напросто ослами. Я не стану повторять то, что уже доказывал вам (ибо считал, что это стоит доказывать) об одинаковости мыслительных органов у обоих полов, вследствие чего оба пола равно приспособле-

ны к обсуждению житейских дел (этого никто опровергнуть не может) и в равной мере способны совершенствоваться во всем, при условии, что им предоставлены одинаковые возможности в отношении воспитания, передвижения, общения с людьми и деятельности.

6. Я считаю себя свободным от необходимости приводить доказательства в защиту моего мнения, которое прочно опирается на данные опыта, и полагаю, что вы едва ли забыли содержание тех сочинений, которые я рекомендовал вам для вашей библиотеки, а именно жизнеописаний некоторых женщин, как в древности, так и в новое время достигших славы при жизни и удостоившихся памяти потомства за свои изумительные сочинения по философии, богословию, этике и истории как в стихах, так и в прозе, а равно за свои общепризнанные достижения в живописи, в музыке и в прочих искусствах и науках, за умение вести великие войны и управлять государственными делами, не говоря уже о ведении частно-хозяйственных дел. Диоген Лаэртций посвятил женщине свою «Историю мнений», а также свои жизнеописания древних философов, из чего мы должны заключить, что женщина эта разбиралась в различных философских системах, из которых многие чрезвычайно запутанны и неудобопонятны, и особенно как раз те, которым она отдавала предпочтение, т.-е. системы Платона и Эпикура. Господин Менаж написал целую книгу о женщинах-философах и посвятил ее женщине, ныне здравствующей, знаменитой госпоже Дасье, дочери великого филолога Танакиля Фабера. Весь ученый мир отдает должное ее превосходным работам, и никто не отрицает, что в наше время она является одним из лучших критиков греческих и латинских авторов, чему может служить подтверждением крупная пенсия, выплачиваемая ей французским королем,—подтверждением, правда, наиболее сомнительным, если вспомнить иных лиц, состоящих у него на иждивении. Я сам мог бы написать вам целый том о подобных женщинах, рассеянных, как мне известно, по всей Европе, не прибегая к воскрешению из мертвых пифагорейских женщин древней Италии. И даже в Англии (где, впрочем, такие женщины редкость) вы можете найти даму, лично мне не знакомую, которая вполне свободно разбирается в самых отвлеченных метафизических умозрениях и которая

выступила на защиту «Опыта о человеческом разуме» г. Локка против писаний одного выдающегося богослова. Ее книга, написанная прекрасным слогом и весьма основательная, озаглавлена: «Защита сочинения г. Локка: «Опыт о человеческом разуме». В ответ на замечания одного критика».

7. Что касается женщин, мудро управлявших государствами и отличавшихся в войнах, мне нет надобности погружаться в глубь веков и напоминать о вавилонской Семирамиде, о скифской Томирисе, о британской Боадикее и о пальмирской Зенобии. А что думаете вы о Маргарите, знаменитой правительнице Испанских Нидерландов? И сколь часто, как это мне известно, вы восторгались чтением славных деяний нашей отечественной высокообразованной лингвистки королевы Елизаветы, умевшей выбирать себе отличных советников и руководить ими, в начале своего царствования мудро обнадеживавшей своим благоволением палистов для того только, чтобы впоследствии иметь возможность (чего она и достигла) крепче утвердить на незыблемом основании протестантскую религию. Благодаря этому она в короткий промежуток времени стала грозной для своих врагов, любезной для своих подданных, поддержкой для своих союзников и всю Европу повергла в зависть и восхищение, а затем и остальной мир наполнила славой своего имени. И в наши дни королева Анна, украшающая тот же трон и взявшая себе за образец Елизавету, обнаруживает с избытком, на что способна женщина. Ибо, с одной стороны, она ни одному государю не уступает в умении осуществлять правосудие в своих владениях, содержит, кроме того, самый могущественный флот на морях и многочисленные сухопутные армии, стоит во главе великого союза, направленного против тирании Франции и объединяющего столько различных народов и вероисповеданий, и находит средства для ведения войн в Германии, Фландрии, Испании и Индии; с другой же стороны, она выполняет еще более трудное дело, сохраняя в своей стране равновесие между различными соперничающими партиями и не допуская их до открытого столкновения и взаимного истребления, к чему они выказывают естественную склонность; и даже те, которые отрицают ее законные права на престол и защищают притязания ее брата, признают как ее милосердие в отношении

их самих, так и ее благоразумие при пресечении их зло-
вредных планов. Она дала достаточно доказательств тому,
что останется равнодушной к выкрикам ханжей, какого бы
они ни были толка, так как знает, что они лишь смутьяны
и нарушители общественного спокойствия, хотя и выставляют
себя более ревностными, чем другие, поборниками религии,
тогда как на самом деле, под флагом служения божьему
делу и церкви, они заняты только своими интересами и
преследуют свои цели. Тем не менее она великодушно ста-
рается успокоить и удовлетворить умы людей всяких на-
правлений, не пренебрегая и самыми безрассудными из них.
Эта ее чрезвычайная доброта (на первых порах должным
образом не оцененная) побудила враждебную партию слиш-
ком поспешно обнаружить свой мстительный и своевольный
нрав и вместе с тем вызвала некоторые робкие нарекания со
стороны друзей свободы, встревожившихся о безопасности
ее величества и о спокойствии государства. Но ее враги
горестно разочаровались, а ее верноподданные во-время
ободрились, когда всему миру (а нам здесь в особенности)
из ее речи при открытии сессии парламента стало ясно,
что она не только будет управлять церковью и государством
соответственно действующим в Англии законам, но также
надежно обеспечит наследование королевского престола за
протестантской линией и будет оказывать полную и нелице-
приятную терпимость всем протестантским вероучениям.
Вот вам явное доказательство того, чего своим дарованием
может достигнуть женщина, даже если сравнивать ее с ее
великим предшественником королем Вильгельмом. Если же,
сударь, этих доказательств вам мало, чтобы признать за
женщинами наличие умственных способностей, то в виде
примера укажу еще на нашу престолонаследницу, ее кур-
фюршеское высочество принцессу Софию, которую за ее
отличное знакомство со многими языками, за ее обширные
познания в истории, за ее глубокое проникновение в госу-
дарственные дела и тонкое понимание главнейших религиоз-
ных и философских вопросов высоко ценит большинство
образованных людей Европы. Теперь, если после всех этих
доказательств и примеров вы все-таки со всею искренностью
не совершите своего обращения, вы не только должны быть
объявлены упорным еретиком, но и подвергнуты со стороны

дам опале, что явится справедливой карой за ваше преступление.

8. Но как бы вы ни относились к этому вопросу, величина и количество препровождаемых мною при сем статей являются достаточным ответом на то, что вы писали мне относительно моих обычных занятий в этом городе. Дама, по просьбе которой я написал большинство из них, выказала столь же полное понимание их содержания, сколь обнаружила любознательность, когда ставила мне эти вопросы. Она не знает ни одного из древних языков, но отлично понимает необходимость ссылок на авторов и без них не поверит излагаемым фактам. Но ради вас, а равно во избежание недоразумений со стороны тех, кому вы можете показать эти письма (вы вольны показывать их кому и сколько вам угодно), я выписал на полях все подлинные слова цитат, хотя, обращаясь к моей даме, я включал их в переводе в основной текст моих рассуждений ¹⁾. Таково было похвальное обыкновение древних, тогда как новейшие писатели лишь сбивают с толку своих читателей дикой манерой не приводить цитат. Никто не станет утверждать, будто образованная римская дама не в состоянии была читать Цицероново «Об обязанностях человека» или его диалог «О гадании» только потому, что он столь искусно вплел в свой текст так много мест из греческих писателей; но ни одна женщина в мире (да и большинство мужчин) ничего не вынесет из чтения Сельдена или Сальмазия, кроме усталости и отвращения, что произошло бы даже и в том случае, если бы они писали на современных языках. Говорить, что не следует в рассуждениях утомлять дам цитатами, значит не только признавать их неразумными созданиями, но утверждать также, что в религиозных вопросах нельзя им цитировать священного писания, ибо мужчины никогда не допустят их к изучению еврейского языка, да и они сами едва ли согласятся портить нежность своего выговора звуками столь грубого наречия.

9. Вы должны твердо усвоить себе, сударь, что моя корреспондентка—одна из самых интересных личностей, какие

---

¹⁾ Латинские и греческие цитаты нами в примечаниях опускаются, поскольку в тексте даются их переводы.—Прим ред.

вам когда-либо приходилось встречать, и что она обладает обширнейшими познаниями, так как прочла все достойное внимания на новых языках, не говоря уже о лучших переводах древних авторов; и, без сомнения, вы позволите даме восхищаться древними людьми, уже давно сошедшими в могилу, не пренебрегая и теми из молодых людей, которые заслуживают внимания среди живущих. Хотя многие и могут подумать, что Серена является вымышленной дамой, я уверяю—в частности вас,—что она вполне реальная личность, и на этом я настаиваю, во-первых, чтобы внушить вам, которому я столь часто советовал жениться, лучшее мнение о женщинах; во-вторых, в надежде, что вы дадите вашим дочерям (если когда-нибудь они у вас будут) такого рода воспитание, которое сможет послужить примером для других: ведь поступки отдельных людей, богатых, родовитых и уважаемых, нередко оказывали сильнейшее влияние на преобразование целой страны. Что же касается прочих читателей, то пусть они думают, что Серена только романическое имя, подобно «маркизе» господина де-Фонтенелля в его «Множественности миров». Но им придется в таком случае признать, что образ созданной будто бы моим воображением женщины совершенно отличен от тех пустых, взбалмошных, жеманных, болтливых и принаряженных созданий, столь же дешевых, сколь и доступных, у которых ничего нет, кроме внешности, и которые поэтому и в других ценят лишь внешность, которым чужды какие-либо добрые качества, которые лишены стойкой добродетели и подлинных достоинств и годны лишь для минутных развлечений и забав, а не для истинной радости и нерасторжимого жизненного союза. Оценка эта относится не только к женщинам, но и к большинству мужчин, коих фатовство, чужачество, спесь, невежество и невоздержанность ставят их в лучшем случае на одинаковый уровень с женским полом. Мои соображения, однако, должны не усугублять ваше презрение к женщинам, а только увеличить вашу осмотрительность, когда вы, не принадлежа вовсе к охарактеризованной разновидности мужчин, станете искать себе пару среди женщин.

10. Но пока забудем о дамах. Я должен слегка подготовить вас, сударь, к чтению прилагаемых писем, рассказав вам о тех обстоятельствах, которые вызвали их появление.

Тема первого письма—происхождение и сила предрассудков с точки зрения не физических, а духовных их причин. Поводом к его написанию послужил указанный мною Серене следующий отрывок из Цицерона:

«Чувства наши,—говорит он,—развращают не родители, не кормилицы, не наставники, не поэты, не театры, и не общее мнение толпы сбивает их с пути; но вот разуму нашему со всех сторон угрожают западни, расставленные либо теми, которых я только что перечислил, которые, покуда мы нежны и неразвиты, влияют на нас и направляют нас по своему усмотрению, либо глубоко коренящимся в каждом нашем чувстве мнимым влечением к добру, на самом деле являющимся источником всех наших пороков; развращенные его соблазнами, мы уже не различаем с достаточной ясностью вещи по природе своей хорошие, не находя в них изведанной нами сладости и ласкающего наши чувства раздражения» ¹⁾.

Придя в восторг от мастерской силы и вместе с тем естественной легкости этих слов, Серена призналась мне, что даже теперь, когда столько предрассудков разоблачены ею, она не вполне избавилась от их влияний и частых возвращений. Вследствие этого она попросила моего письменного отзыва по этому поводу, что я и выполнил насколько мог кратко, пользуясь вышеприведенным отрывком в качестве «текста». Я показал последовательный рост и развитие предрассудков на всех ступенях нашей жизни и постарался доказать, что во всем мире люди объединены в едином заговоре, направленном к развращению разума каждого отдельного человека. Я постарался набросать живую картину предрассудков, наблюдаемых у людей всякого рода званий, и осудил только то, что каждый человек сам порицает в своих ближних, хотя самому себе и прощает подобное же недомыслие. И если кто-нибудь начнет утверждать, ссылаясь на мою критику школ, университетов, церквей и государственных деятелей, будто я восстаю против образования, религии или государственной власти, то с не меньшим основанием он мог бы сделать вывод, что я вообще враг воспитания и обучения детей, враг всех профессий и всякого рода занятий, враг общения между людьми и вообще всей их общественной

1) De Legibus, lib. I.

жизни, ибо всему этому присущи свои особые злоупотребления,—тогда как в действительности я предаю осуждению только эти злоупотребления.

11. Второе письмо касается истории мнений о бессмертии души у язычников и написано было по просьбе Серены. Она как-то спросила у меня, насколько точно можно судить о Платоне по французскому переводу его «Федона», который ей был мною рекомендован, на что я ответил, что учение Платона в переводе передано удовлетворительно, но изящество его стиля далеко не выражено. Тогда она высказала изумление, каким образом чтение этой книги могло придать силы Катону, решившемуся наложить на себя руки во избежание подчинения узурпаторской власти Цезаря, и, тем более, каким образом оно столь восхитило амбракийца Клеомброта, что он ринулся в море, дабы возможно скорее погрузиться в описанное у Платона состояние блаженства: она, со своей стороны, не встретила в этом скучнейшем диалоге убедительных доказательств, а нашла только ряд сомнительных предположений. Я возразил, что авторитет божественного откровения является вернейшим якорем нашей надежды и лучшим, если не единственным, доказательством бессмертия души. Я присовокупил, что мнение о бессмертии души оспаривалось и даже опровергалось многими язычниками, что большинство из них относилось к нему с полным равнодушием, и изложил, каким образом оно впервые зародилось у них и сколь слабы были основания, побуждавшие их в него верить. Я указал в заключение, что Катон не смог бы пережить гибели римской свободы, даже если бы он никогда не читал творений Платона, что история о Клеомброте далеко не доказана, что некоторые из древних сами придавали весьма мало значения аргументации, вложенной Платоном в уста Сократа, и что Цицерон, открытый почитатель Платона и, в частности, этой его книги, свое отношение к ней выразил в следующих словах: «Не знаю,—говорит он,—чем это объяснить, но, покуда я читаю, я соглашаюсь; а стоит мне только отложить книгу в сторону и самому начать размышлять о бессмертии души, согласие мое улетучивается без остатка» ¹⁾. Серена изумилась, услышав от меня о том,

¹⁾ Tuscul. Quaestiones, lib. I.

когда именно учение это зародилось среди язычников, а также о том, что у него, подобно всем прочим мнениям, были свои зачинатели, сторонники и противники. Все это я открыто изложил ей и вместе с тем показал постепенное развитие этого учения во всех частях известной тогда земли, а также истинные источники поэтических сказаний об Елисейских полях, о реках, судьях, вратах и адском паромщике, о блуждающих душах людей, умерших без погребения,—присовокупив, что, по всей очевидности, древние египтяне были подлинными наставниками языческого мира во всем, относящемся к науке и религии. Я попытался подтвердить все это ссылками, не скажу на лучшие, когда-либо бывшие авторитеты, но на лучшие из древнейших книг, у нас сохранившихся. Ибо в таких вопросах предположения ровно ничего не стоят; когда же мы утверждаем, что такие-то люди первые изучали астрономию, первые строили храмы, первые занимались магией, мы это говорим не в том смысле, что они были безусловно первыми (ибо в отношении столь давних веков кто решится утверждать это с полной уверенностью?), а только в том смысле, что все достоверные источники указывают на них, как на первых; и именно в этом смысле всегда следует понимать меня, когда я так выражаюсь. Я равным образом доказал в этом письме, что мнение о бессмертии души ведет свое начало не от философов, будто бы выводящих его из самопроизвольных движений, сознания и дара речи у человека, но, наоборот, что оно впервые зародилось у язычников в среде простонародья, представления которого впоследствии превратились в учения философов, пытавшихся разумными доказательствами подкрепить то, что простые люди принимали либо вовсе без доказательств, либо на основе весьма нелепых. Если мои утверждения сочтены будут правильными, они тем самым опровергнут, во-первых, общераспространенное предположение, будто язычники узнали о бессмертии души от евреев, и, во-вторых, мнение, разделяемое доктором Коуардом, будто учение о самостоятельном существовании человеческих душ ведет свое начало от языческих философов и больше ни от кого ¹⁾. Впрочем, когда я писал это письмо, я не имел представления

---

¹⁾ Grand Essay, p. 105.

о книге, написанной доктором; с нею я ознакомился лишь впоследствии и не нашел в ней для себя ничего ценного.

12. В третьем письме, написанном также Серене и по личному ее желанию, вы найдете происхождение идолопоклонства, объясненное совершенно иным образом по сравнению с общепринятым. В нем равным образом вы сможете прочесть о том, как появились языческие храмы, жрецы, алтари, празднества и жертвоприношения, о священных изображениях, статуях и божествах-покровителях, о духах, привидениях, оракулах, о магии и об астрономических предсказаниях; о том, почему люди стали воображать, что небо (т.-е. обитель богов) находится над их головами, а ад (т.-е. темница грешников) под их ногами; почему они взирают вверх во время молитвы, и о многих иных вещах того же порядка, относительно которых существует общераспространенное мнение, что их нельзя объяснить иначе, как ссылкой на обычаи, и что их происхождение безвозвратно погребено в глубине веков, под развалинами исторических памятников. В этом же письме даются объяснения главнейших языческих обрядов, нелепых свойств, которыми язычники наделяли своих богов, небожественных историй, которые они рассказывали об их похождениях, и иных любопытных явлений, издавна считавшихся порождением поэтического вымысла или чрезмерного человеческого воображения, но уж никак не предметом, который может быть подвергнут точному историческому изучению. И в заключение разъяснено тройкое разделение языческого богословия на естественное, гражданское и поэтическое, с аллегорическим истолкованием языческих мистерий и сопоставлением языческих обрядов с извращениями христианства, из чего явствует, что во все эпохи суеверия всегда одни и те же, а различны только их наименования. Это третье письмо—самое длинное, но вы понимаете, что все-таки оно слишком кратко для удовлетворительного объяснения перечисленных мною столь разнообразных предметов, не говоря уже о тех, которые я опустил за недостатком времени. Для вас должно быть поэтому ясно, что я не занимался в данном случае изложением общих мест и далеко не исчерпал всего, что могло быть высказано по данным предметам (чего я в действительности и не сделал), а только ограничился изложением того, что строго необ-

ходимо для их понимания, и притом способом ясным, легким и понятным даже, т.-е. любому человеческому уму. Но было бы неверно заключать отсюда, что я не мог бы привести еще много других оснований или ссылок на источники в защиту тех моих мнений, которые могут счесть опасными парадоксами люди, до смерти пугающиеся, когда их, хотя бы на один шаг, выводят с проторенной дороги, даже если это делается для того, чтобы укоротить и сделать более безопасным их путь или заставить их ступать по мягким коврам, вместо блуждания без проводника по пустыням, через озера и топи, между страшными скалами и пропастями.

13. Вы удивитесь, я думаю, что я столь расхожусь при объяснении как происхождения, так и развития идолопоклонства с автором, книгу которого на эту тему я так недавно горячо рекомендовал вашему вниманию; я имею в виду в высшей степени почтенного и трудолюбивого археолога Антония Вандаля, главного врача города Гаарлема. Мое мнение об его книге остается прежним, только (как я уже раньше говорил вам) вместо «Происхождения и развития идолопоклонства» ее следовало бы, по-моему, озаглавить: «Полное собрание древнейших языческих, еврейских, и христианских суеверий». Ибо именно суеверия в этой книге весьма точно описаны, но мало сказано об их происхождении и ровно ничего не сказано, что бы противоречило моим источникам, за исключением только места, опровергнутого мною, относительно поклонения небесным телам. Что же касается распространения идолопоклонства из Халдеи в Сирию и иные части Азии, в частности в Ионию, а оттуда в Грецию и далее, то оно только предположено, и даже не сделано попытки его доказать, что явствует из второй и третьей глав его первой диссертации, где мысль эта только брошена вскользь. Да я и несколько не сомневаюсь, что этот ученый господин предпочтет авторитетные свидетельства источников, хотя бы и мало известные, грубому заблуждению, хотя бы оно и было общепринято. С написанной г. Вандалем историей языческих оракулов вы уже ознакомились к великому вашему удовольствию. Он недавно опубликовал одиннадцать диссертаций, касающихся главным образом священных обрядов язычников, где он, на основе изучения медалей, надписей и свидетельств авторов, сделал обширные открытия в отношении древнего мира.

Он ныне печатает опровержение мнимого Аристеля, а следовательно и всей истории о греческом переводе Ветхого Завета, ложно приписанном семидесяти толковникам. В том же сочинении он касается древних обрядов очищения и перерождения, каковы омовения, окропления и погружения при помощи воды, крови и т. п. Мы можем, таким образом, ожидать от него много любопытных подробностей касательно христианского обряда крещения, изложенных не только весьма свободно, но и в высшей степени добросовестно. Ибо г. Вандаль, хотя он и меннонит, или (как мы обыкновенно выражаемся) анабаптист, является одним из самых горячих приверженцев истины и вернейшим другом своих друзей, человеком большого размаха, несмотря на стесненность своих средств, и благороднейшим мыслителем, не способным слепо верить наперекор здравому смыслу и достоверным свидетельствам.

14. Я написал Серене и другие письма, касающиеся вопросов еще более любопытных; но так как я их еще не переписал набело, то вместо них посылаю вам два философских письма, адресованных лицам, одинаково вам не знакомым. Первое из них, четвертое по счету из препровождаемых вам, было отправлено одному крайнему поклоннику Спинозы, всецело приверженному его учению и считающемуся лучшим толкователем его системы. После многократных споров с ним на разные темы, я как-то сказал ему мимоходом, что все здание этой философии лишено прочного основания; к этому моему утверждению он немедленно придрался и не оставлял меня в покое, покуда я, воспользовавшись достаточным досугом в очаровательном сельском уединении, не написал ему упомянутого письма. Будучи человеком глубоко честным, он охотно признал, что Спиноза погрешил в данном вопросе, а следовательно и во всех вытекающих из него, хотя он этого никогда раньше не замечал, в каком-то легкомыслии повинны и некоторые другие спинозисты. Но один господин, не менее известный своим отменным образованием, чем своею родовитостью, ознакомившись с тем, что было названо «Опровержением Спинозы», свободно ходившим по рукам, высказал мне множество похвал (я не считаю уместным повторять их) по поводу той части моего письма, которая непосредственно касалась этого философа, но выразил свое неудовольствие относительно последней его части, где я формулировал мне-

ние, что движение столь же присуще материи, как и протяжение, и что материя не есть и отнюдь не может быть неподвижной, мертвой и бездейственной глыбой, иначе говоря—пребывать в состоянии абсолютного покоя. На некоторые возражения, которые ему угодно было сделать, я представил определенные ответы во втором письме, являющимся пятым по счету и последним из препровождаемых вам. В отношении обоснования моей точки зрения, которую я столь определенно противопоставляю суждениям как древних, так и новых писателей, я отсылаю вас к самому письму, из которого вы сможете убедиться, что мое мнение свободно от тех последствий, с которыми оно на первый взгляд кажется связанным. Я не стану предугадывать ваших замечаний относительно того, много ли пользы может принести мое мнение для философии, ибо вопрос не в том, насколько оно удобно, но насколько оно истинно. Равным образом я не стану оправдываться в том, что пишу о тайнах философии столь обыденным слогом, ибо я только сожалею, что у меня нехватило времени изложить их еще проще и удобопонятнее, тогда как излагать их в обычных философских терминах кажется мне делом куда более легким; но в этом последнем случае они доступны обсуждению меньшего числа людей и теряют в своей полезности и занимательности. Я надеюсь, что если доктору Коуарду (последнюю книгу которого я только что прочел) случится ознакомиться с этим моим письмом, он перестанет утверждать, будто бы «совершенно очевидно, что движение не есть материя, хотя,—продолжает он,—если мы примемся определять его, мы едва ли найдем слова для выражения его сущности»¹⁾, так как, мне кажется, я достаточно выяснил, что движение есть не что иное, как материя с известной точки зрения, хотя оно и не исчерпывает вполне всего понятия материи, как не исчерпывает его и протяжение. Тот, кто постиг (как Коуард на это претендует) возможность, что бог наделил материю самодвижущими силами²⁾, уже не станет утверждать, что это «невозможно в философском отношении»; не станет он настаивать и на том, что материя «не всегда проявляет свои свойства вслед-

1) Grand Essay, p. 74.

2) Ibid., предисловие.

ствие скрытых и неведомых соображений божественной мудрости»¹⁾, в каковые соображения могло бы, по его мнению, входить «сохранение порядка и строя вселенной, которая (думает он), если бы вся материя пришла в самодвижение, необходимо бы разрушилась, почему бог и счел уместным ее ограничить»²⁾. Ежели он рассмотрит мою аргументацию, он поймет, что опасности, которой он страшится со стороны постоянного проявления существенной активности материи, вовсе не существует. В самом деле, было бы противоречием, если бы движение было присуще материи и если бы, вместе с тем, только некоторые части материи и лишь в некоторых случаях были наделены способностью приводить самих себя в движение; утверждать, что материя может иногда быть неподвижна, равносильно,—если мои доводы хоть скольконибудь доказательны,—утверждению, что она иногда бывает непротяженной. При этом материи присуще именно движение как таковое, а не то или иное его направление, которое всецело зависит от законов взаимодействия тел или же от непосредственной силы и наимудрейшей воли всемогущего бога. Но говорить, что бог может лишить материю движения, хотя оно и присуще ей, равносильно утверждению, что он может отнять у нее протяжение, или плотность, а это значит утверждать, что он может превратить материю в не-материю.

15. В силу разрешения, которое я уже раньше вам предоставил, вы можете совершенно свободно показывать эти письма всем вашим знакомым, интересующимся подобного рода вопросами, не допытываясь даже, являются ли они моими друзьями или врагами, вигами или ториями, латитудинарианами или прецизианами, частичными конформистами или не приемлющими присяги схизматиками. Ибо в этой связке моих писем нет ничего, что имело бы касательство к разногласиям, в настоящее время разделяющим их как в области религии, так и в области политики, нет ничего такого, что не могло бы быть спокойно прочтено представителями всех партий, сект и группировок. Мои письма не что иное, как невинные изыскания в области достопочтенных развалин древности или же краткие опыты по философии,

1) Ibid, p. 153.

2) Ibid.

рассчитанные не на оскорбление кого-либо, а на услаждение всех и каждого. Если даже они ничему не научат читателя, то во всяком случае могут его развлечь. Те же, кто ко всему относятся с ревностью, в достаточной мере наказываются всеобщим равнодушным отношением к их суждениям, и,—подобно тому, как мы обычно поступаем с капризными детьми,—не обращать внимания на их жалобы, не потворствовать их брюзгливости является самым верным средством заставить замолчать тех сварливых странствующих рыцарей, которые вечно гонятся за приключениями и каждого встречного принимают за великана или за карлика. Было бы, в самом деле, найдено наиболее действительное средство к прекращению прогресса просвещения, к приостановке дальнейших успехов в науках и культуре, если бы оказалось возможным воспрепятствовать отдельным людям знакомить человечество с учениями, обычаями, религиозными верованиями и государственным устройством древних, под тем предлогом, что современники могут увидеть в подобных описаниях замаскированное изображение самих себя. Я не отрицаю, что такого рода сопоставления иногда бывают вполне естественны, даже в том случае, если сам автор никогда не имел их и в помыслах, как в частности не имел их и я повсюду там, где не делаю никаких определенных сопоставлений. Но такого рода истолкования легче всего делаются самими заинтересованными людьми, которые неизбежно лучше кого бы то ни было усматривают, в чем больше всего проявляется сходство с их собственными учениями и обычаями. В таком случае, мне кажется, им надо решиться на одно из двух: либо отбросить то, чего они сами придерживаются, если оно не обоснованнее того, что они подвергают осуждению у древних и что, быть может, от древних и ведет происхождение, либо добиться издания закона, воспрепятствующего рассказывать людям о верованиях древних и подражать им в чем бы то ни было, кроме того, что было у них безусловно полезного и хорошего, отбрасывая все то, что у них было дурного или ошибочного.

16. Что же касается тех возражений, которые кое-кто из ваших злоречивых приятелей мог бы направить против меня, то я уже не раз советовал вам, подобно мне, не принимать к сердцу таких пустяков, тем более, что и тем лицам, которые

в церкви и в государстве занимают положение повыше моего, также не удается избежать злословия и клеветы со стороны тех, кто полезным считает опорочить их или завидует их успехам. Человечество во все времена—одно и то же; одни и те же ухищрения испокон веков применяются для разжигания в людях страстей или для ложного направления их рвения, и никакие доказательства не могут утихомирить тех, кто злобствует без видимой причины или из личной неприязни. Поэтому все мудрые люди всегда пренебрегают такого рода выкриками и, изложив нечто достойное внимания и похвалы, более изумляются тому, что их никто не порицает (что, впрочем, случается редко), нежели сыплющимся на них злобным нападкам, которых они ожидали, ибо молчание они склонны рассматривать как осуждение своей работы, а всеобщего одобрения боятся как свидетельства о том, что в писаниях их нет истины. Но каков бы ни был их успех у современников, беспристрастное потомство воздает должное их памяти, тогда как об их противниках либо вовсе забывают, либо вспоминают с осуждением, клеймя их завистливые или невежественные нападки на то, что заслуживало признательности и одобрения. Из всех слабостей тщеславие несомненно наиболее предосудительно; и все же, когда противник издевается, можно с уверенностью предположить, что, значит, он не в состоянии аргументировать; когда он сердится, значит ему нечего ответить; когда он то и дело касается вопросов, не имеющих отношения к предмету, значит у него мало что есть сказать по существу; а когда он пускает пыль в глаза, то это делается либо чтобы отуманить читателя, либо чтобы самому укрыться от взоров. Мы знаем, что есть люди, которые не могут существовать, не обливая кого-нибудь грязью; является ли это необходимым для их здоровья, или же природа их требует столь регулярного расходования желчи, мы во всяком случае не должны их за это осуждать более, чем мы осуждаем других за высказываемые ими мысли. Что касается посланной мне вами книги «Характеристика низкоцерковника», а также сочинений других авторов, которые, несмотря на мое отсутствие и невмешательство в их распри и вопреки объяснению, данному мною в моей книге «Виндичий Либерий» по поводу нападок на мое «Христианство без тайн», все же впутали мое имя в

свои неблагочестивые хуления и своими ругательствами оказали мне честь, зачислив меня в одно общество с нашими наиболее уважаемыми прелатами; которые, одним словом, после того, как я умолкнул и покорился, продолжали отзывать обо мне в прежних выражениях, — то совершенно очевидно, что все их суждения столь же лицемерны, сколь узко их милосердие, что они руководствуются не ревностью о моей душе, а злобой против меня лично, не заботами о благе церкви, а интересами секты, некоторые же из них — чаянием наград за свои мелкие услуги, так как знают, что им не возвыситься через более крупные. Это те самые люди, которые повергли церковь в соблазн, чего она им никогда не простит; но бог не допустит, чтобы великий коллектив церкви был повинен в прегрешениях отдельных лиц, пишущих без его одобрения. Я буду всегда питать признательность, а не неприязнь к тому, кто относится ко мне не с большим уважением, чем к нашему вовеки незабвенному освободителю от рабства и несравненному основоположнику нашей свободы — королю Вильгельму, кто обходится со мною не лучше, чем со столь обширной общиной протестантов и верноподданных, каковыми являются английские диссиденты, и кто проявляет ко мне не больше нежности, чем ко всем умеренным членам уставленной церкви. Но человек этот угодил столь немногим своею бешеною и невоздержанною манерою писать, не говоря уже о его невежестве и невоспитанности; самая цель его пасквиля была до такой степени низкой, до такой степени направленной на оскорбления одних и на разъединение нас всех, что, не обращая внимания на него и на ему подобных, я осмеливаюсь самого себя объявить низкоцерковником на родине и частичным конформистом среди протестантов — здесь, за границей.

17. Столь обстоятельно подготовив вас к прочтению ниже следующих рассуждений, устранив с вашего пути все затруднения и препятствия, я не стану больше утруждать ни вас, ни самого себя, а только ограничусь заверением, что жажду видеться с вами (надеюсь осуществить это в скором времени) так, как мало с кем в Англии, и что продолжаю быть вашим покорнейшим слугою.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Происхождение и сила предрассудков

1. Вы очень сетуете, сударыня, на то, что все еще находитесь в плену у разных предрассудков, а я скорей дивлюсь тому, как это вы избавились от столь многих. Вы легко утешитесь и будете лучшего мнения о самой себе, когда внимательно взвесите, в каком жалком состоянии рождаются все люди и как неизбежно для них воспитываться в заблуждениях, как трудно им освобождаться от своих предубеждений в более зрелом возрасте и как опасно это освобождение для тех, кого познание истины вывело на правильный путь.

2. Исполняя ваше желание, я вкратце изложу этот предмет с самого начала и покажу, как постепенно вырастают наши предрассудки и как они непрерывно укрепляются с течением времени. Все мы приобрели слишком многое от наклонностей тех, кто дал нам жизнь, и от страстей, которые преобладают в нашей фамильной крови; и если бы наши черты и поступки не служили безошибочным свидетельством, что мы способны воспринимать хорошие и дурные влияния в материнском чреве, то те родимые пятна, которые иногда бывают вызваны какой-нибудь прихотью беременных матерей или каким-нибудь приключением с ними (часто сохраняющимся в их памяти), были бы достаточным доказательством, что основание наших предрассудков весьма крепко заложено еще до нашего рождения. Свойства, получаемые нами при первом образовании нашего тела, не только располагают к тому или иному нраву и темпераменту, но явным образом склоняют нас также к большинству наших будущих поступков; и побороть это влияние можно только при помощи величайших усилий разума.

3. Не успеваем мы увидеть свет, как великий обман начинает обольщать нас со всех сторон. Уже повивальная бабка

вводит нас в мир с суеверными церемониями, и добрые женщины, помогающие ей в работе, знают тысячу заговоров для отвращения бед от младенца и для обеспечения ему счастья; в смехотворных наблюдениях они ищут предзнаменований его будущего положения в жизни. В иных местах от этих бабьих выдумок не отстают и священник, который спешит заблаговременно обратить новорожденного в свою веру, произнося над ним известные слова, точно могущественные заклинания, и производя безобидные символические действия с солью и маслом, или более суровые манипуляции с железом и огнем, или еще каким-нибудь способом отмечая его как свою законную собственность в будущем. На ребенка, правда, все эти или подобные дурачества еще не действуют, какое бы значение он ни выучился придавать им впоследствии; но это показывает, как рано окружающие начинают внедрять в него (по мере возможности) свои собственные заблуждения, как усердно они стараются извратить его разум с самого начала,—и, не помня, когда, где и как он пришел ко многим своим понятиям, он впоследствии бывает склонен думать, что они проистекают из самой природы, и недоумевает, когда видит, что кто-нибудь сомневается в их истине. Все это станет еще яснее из дальнейшего.

4. Тотчас после рождения нас вручают кормилицам, невежественным женщинам самого низкого рода, которые вместе со своим молоком передают нам свои суеверия. Чтобы унять наш плач, они стращают нас буками и упырями, бабой-ягой и кашцею; чтобы, гуляя, мы не заблудились или не упали в колодец или реку, они запугивают нас сказками о духах и леших, внушая нам веру, что все уединенные места посещаются привидениями и что невидимые силы особенно деятельны и зловредны в ночные часы. Эти сказки, придуманные первоначально с целью держать детей в повиновении (которое потом делает их жалкими рабами на всю жизнь), принимаются ими всерьез и тогда, когда они подрастают, и в результате все новое поколение страны верит в небылицы. Это доходит до того, что многие люди (в остальном вполне рассудительные) боятся спать одни в комнате или отправляться в путешествие ночью, а уж войти в пустые дома или церкви вовсе не решаются.

5. От кормилиц мы возвращаемся домой, где попадаем в еще худшие руки ленивых и невежественных слуг, главнейшее развлечение которых—разговоры о русалках, леших, ведьмах, привидениях, гаданиях и тому подобных химерических предметах и которые любят пугать и обманывать друг друга, нередко на почве личных интриг. Все это не может не оказать на детей самого губительного влияния. Что же касается родителей, то они по большей части не умнее.

6. Затем нас посылают в школу, куда все дети являются одинаково отравленные суевериями и где они только и слышат, что о демонах, нимфах, гениях, сатирах, фавнах, богоявлениях, пророчествах, превращениях и прочих невероятных чудесах. Обо всех этих баснях они потом беседуют между собой; и то, что можно скрыть от ребенка в разумной семье, он наверняка услышит в школе, где собрано вместе так много детей, которые не улучшают друг друга (нельзя же этого ждать от подобных бесед), а сообщают друг другу свои суеверия и порочные привычки, вконец облениваются и заражаются дурными примерами. Мы жадно поглощаем поэтов, ораторов и мифологистов, запоминаем наизусть длинные отрывки из их сочинений, изумленные и очарованные красотами их стиля, размеров, слога. Мы с невыразимым удовольствием впитываем в себя яд их заблуждений и закладываем, таким образом, широкий фундамент для нашего будущего легковерия, незаметно приучаясь любить диковинные слухи, принимать на веру то, что на самом деле есть только страх или желание считать себя убежденными, когда мы в действительности лишь сбиты с толку, проглатывать то, чего не можем понять.

7. Мы становимся немногим умнее, но гораздо тщеславнее и самомнительнее в университетах, особенно заграничных, где профессора обязаны во что бы то ни стало подгонять все к законам и религии своей страны. А если они иногда украдкой начинают рассуждать свободно, то обыкновенно впадают в крайности и заставляют нас доверять нашим чувствам слишком много или слишком мало, или же забавляют нас обманчивыми абстракциями и хитросплетениями, утончающими предмет до того, что он в конце концов совсем исчезает. Университет—самый обильный рассадник предрассудков, наибольший из которых заключается в том, что мы

воображаем, будто научаемся там всему, тогда как на деле не узнаем ничего; мы только с великой самоуверенностью повторяем затверженные нами положения сомнительных систем, а когда кто-нибудь их оспаривает, мы не можем найти ни одного нового слова, ни одного довода, который удовлетворил бы нашего противника или нас самих. Но мы радуемся тому, что знаем столько же, сколько наши учителя, которые любят выражаться на варварском жаргоне, обычно лишенном всякого смысла; главное искусство, при помощи которого ученики достигают научных степеней, заключается в умении говорить об обыкновенных вещах весьма необыкновенными словами. Однако это отталкивает от них разумных людей еще далеко не в такой мере, как их важная чопорность и педантичность, их постоянная страсть к спорам и противоречиям. Я умышленно ничего не говорю о том, что университетские наставники обыкновенно злоупотребляют неопытностью молодежи (которая, естественно, должна полагаться на суждение своих учителей) для вовлечения ее в различные партии и группы, для воспитания в ней сварливости, придирчивости и ханжества. Словом, едва ли можно научиться чему-нибудь в университете, кроме вещей, которые всякий должен забыть как можно скорее, если хочет, чтобы его понимали, и если не желает быть смешным и несносным в другом обществе.

8. Но—словно всего этого недостаточно для порчи нашего ума—в большинстве государств есть особое сословие оплачиваемых лиц, назначение которых не просвещать остальных людей, а удерживать их в их заблуждениях. Это может показаться очень резким, но ведь я говорю, конечно, не об ортодоксальном духовенстве; о других же священниках можно ли сказать что-нибудь более достоверное, раз именно за это они и считаются неортодоксальными? Странные вещи и поразительные истории, которые мы читали или слышали из области религии, ежедневно подтверждаются священником с амвона, и все, что он говорит, принимается за истину большинством аудитории, потому что никто не смеет ему противоречить, а он выдает свои собственные домыслы за подлинные слова бога. Правда, каждая секта будет отрицать это по отношению к своим учениям (и мы знаем, Серена, что это не верно по отношению к реформатской вере, которую мы

исповедуем), но представители остальных вер утверждают это друг о друге с неоспоримым правом; ибо невозможно, чтобы все веры или хотя бы только две были равно истинны, и, значит, доказано, что остальные верующие, т.-е. большинство человечества, удерживаются своими священниками в заблуждении. И однако одних сомнений по поводу небесных радостей и адских мучений уже достаточно, чтобы окружить ореолом их нескончаемые споры; так сильны впечатления надежды и страха, всегда имеющие свое основание в невежестве!

9. Когда мы вступаем в жизнь, мы видим все эти заблуждения окруженными таким почетом, что на всякого, кто не поддается им, смотрят как на чудовище. И если, по какой-либо счастливой случайности, нам удастся освободиться от обмана, всесильный интерес заставляет нас лицемерно (или, если угодно, благоразумно) показывать противное, из страха потерять имущество, покой, доброе имя и самую жизнь. Своим примером мы укрепляем других в их предрассудках совершенно так же, как если бы мы и сами находились во власти обмана; ибо, зная о наших мыслях только по нашим внешним проявлениям, столь похожим на их собственные, они думают, что мы держимся тех же убеждений. Но открытое признание, что мы правы, а другие заблуждаются, было бы воспринято как такое оскорбление всех остальных, что на него никогда не решился бы человек, знающий людей и предпочитающий вести беззаботную жизнь вдали от суеты и шума света.

10. Те, кто более склонны к сутолоке общественной жизни или более вынуждены выносить ее, обыкновенно выбирают себе какую-нибудь профессию. Это неизбежно вовлекает их во множество предрассудков относительно пользы избранного ими пути, и если не все, действительно, в нее верят, то все заинтересованы в том, чтобы в нее верили другие, потому что это приносит им почет и известность и увеличивает их авторитет. Катон Старший удивлялся, что авгуры, встречаясь друг с другом, не смеются над простодушием людей, которые верят в их предсказания; и если мы знаем из истории, что, оставаясь наедине, они часто потешались над легковверными, то мы знаем также, что они никогда не выдали бы тайны своего сословия народу, который считал их непогрешимыми

вестниками богов и щедро оплачивал их осведомительную службу. И поэтому не только каждая профессия, но и каждый слой общества имеет свой особенный язык, который остальным людям представляется исполненным самых необычайных вещей, далеко превосходящих обыкновенное понимание. Знать, помещики, столичные щеголи точно так же имеют свои специальные наречия (хотя и не столь варварские), как богословы, законоведы, врачи и философы; за исключением немногих ученых и проникательных людей, все остальные глубоко убеждены в своем бесконечном превосходстве над теми, кто не понимает их выражений. И мы не раз случалось видеть охотников, которые презирали людей, не понимающих их крикливого жаргона, не меньше, чем презирает легковерную чернь какой-нибудь астролог, высокомерно просвещающий ее своей жалкой чепухой, которую он и сам-то едва ли понимает. Представители большинства профессий, — в особенности тех, которые считают механическими, — ревниво охраняют тайну своего ремесла, и это понятие тайны заставляет других видеть что-то необычайное в самых тривиальных вещах, столь искусно скрываемых; и даже государственные тайны (к которым, впрочем, следует приближаться не с вульгарным подглядыванием, а с благоговейным восхищением) иной раз столь же химеричны и воображаемы, столь же бессодержательны и смешны, как все другие.

11. Но из всех предрассудков сильнее всего внедряются в нас и труднее всего искоренимы предрассудки того общества, в котором мы живем и воспитываемся. Это одинаково относится к нашим гражданским обычаям и религиозным обрядам, к нашим понятиям и поступкам. Нам не так-то легко убедить, что наши предки по большей части заблуждались, еще труднее, — что люди, с которыми мы ежедневно общаемся, совершают много бессмысленных действий; тем более, что мы склонны восхищаться мнениями тех, кого мы любим, и что мы выросли в тех же убеждениях, что и они. И, наоборот, мы часто переносим ненависть к лицам на их мнения и не менее часто ненависть к мнениям на лица, — обыкновенно только потому, что мы выросли в разных условиях и привыкли думать, что человек, заблуждающийся в своих понятиях, не может быть правым в своих действиях. Таким образом, большинство людей во всех странах мира

жадно впитывают в себя все, что привыкли повторять и уважать с детства, и, не требуя доказательств, готовы умереть за свою веру; но таким путем можно получить только мучеников привычки, а не мучеников религии и истины (или разве лишь случайно). Да, привычка (которую не дурно назвали второй природой) наложила такую печать на самый язык общества, что сказанное такими-то определенными словами, как бы противоречивы и туманны они ни были, почти всеми принимается за ходячую истину; но измените слова или употребите чуждые выражения, и тогда, хоть бы вашими устами гласили сами боги, ваши речи будут сочтены за ложь или в лучшем случае взяты под подозрение. Да иначе и быть не может, раз господствующие предрассудки не подлежат критике. Вы можете, например, путем собственных размышлений дойти до какой угодно религии; но скажите, какая религия разрешит вам уйти от нее на основании ваших размышлений? Я знаю, что некоторые представители духовенства на словах допускают свободу исследования; но их действия чаще всего обличают в них отсутствие искренности. В самом деле, пусть в результате такого исследования некоторые их догматы будут взяты под сомнение или отвергнуты, — тому, кто это сделает, придется очень плохо. Если он не будет предан смерти, изгнан из пределов страны, лишен своих должностей, подвергнут штрафу или отлучен (смотря по размерам власти той церкви, к которой он принадлежит), — то в лучшем случае им будут гнушаться и его будут сторониться другие члены общества, а это не всякий способен выдержать даже ради величайших истин; именно непобедимая потребность в общении заставляла многих людей замечательного ума внешне исповедывать самые нелепые и смехотворные заблуждения.

12. Прибавьте к сказанному выше нашу боязливость и суетность, наше незнание прошлого, неуверенность в настоящем и тревожное любопытство по отношению к будущему, нашу поспешность в суждении, опрометчивость в выражении согласия, недостаток терпения в исследовании. Все это вовлекает нас в грубые ошибки в практической жизни, подчиняя нас ложному руководству чувств и влечений, и заставляет принимать бесчисленные нелепости за доказанные истины в области умозрения. В то же время

это делает нас несправедливыми к достоинствам других и не позволяет нам отличить правого от виновного, при чем обыкновенно мы отдаем предпочтение последнему. Руководимые своими предрассудками, мы почти не в состоянии правильно распознать, кто прав и кто виноват в каком-нибудь деле, ибо наш первый вопрос не о том, что или как сделал человек, а о том, кто он и откуда; и мы готовы признать его или отвергнуть, прочесть его книгу или выбросить ее вон в зависимости от того, к какой группе или партии он принадлежит. Это, конечно, совершенно недостойное поведение, и никто, надеюсь, не станет утверждать, что на таком пути можно открыть истину или остаться непреклонным в ее исповедании. Трудно, в самом деле, представить себе, каким образом кто-нибудь мог бы расстаться с Кораном, если он никогда не имел возможности прочесть Библию; а если магометанину будет разрешено читать Библию, то я не вижу, почему бы христианину следовало опасаться читать Коран; и то же самое относится решительно ко всем книгам. Было бы излишне останавливаться дольше на таких общих местах, как наши пристрастия, заражение мнением большинства и власть могущественнейшего владыки, тиранической привычки, которая одинаково управляет государями, духовными лицами и народом.

13. После этих замечаний для нас ясно, сколь трудно положение каждого отдельного человека и сколь невозможно для него избежать общей заразы и обрести или сохранить свободу: ведь все остальные люди как бы сговорились вводить его в заблуждение. Но хотя человек, свободный от предрассудков, в своем внешнем положении имеет, повидимому, мало преимуществ над другими, все же развитие своего разума станет для него главнейшим делом жизни, когда он поймет, что ничто не может сравниться с его внутренним покоем и довольством; тогда как почти все его братья по человечеству вечно блуждают во мраке, теряются в неразрешимых недоумениях, мучаются бесконечными сомнениями, терзаются непрестанными страхами и даже в смерти не чают конца своим несчастьям,—он сам правильным употреблением рассудка всецело огражден от этих лживых снов и страшных призраков, удовлетворен тем, что уже знает, и черпает удовольствия в новых открытиях, не заботясь о

том, что непостижимо; и не внешняя сила или страсть гонят его вперед, как животное, а сам он является законодателем для своих поступков, как свободный и разумный человек.

14. Я знаю не хуже всякого другого, Серена, как мало вы нуждаетесь в дальнейших рассуждениях об этом предмете, — вы, у которой уже так много знаний и так мало предрассудков, вы, умеющая так точно рассуждать, так тонко мыслить и так правильно выражаться. И признаюсь, не для вашего поучения написал я это письмо по вашему желанию, а лишь для того, чтобы показать вам, насколько мы сходимся в наших мнениях, хоть я и готов согласиться, что вы превосходите большинство мужчин, и меня самого в том числе, быстротою соображения, как вы превосходите всех лиц вашего пола многими добродетелями. В отношении предрассудков вы, как видите, находитесь по меньшей мере не в худшем положении, чем другие; а если ваше положение даже лучше (в чем я не сомневаюсь), то все-таки вы должны удовлетворяться внутренней гармонией вашего ума и не ждать рукоплесканий толпы, способных скорее обречь вас на немилость и опасности, чем воздать должное вашим несравненным достоинствам. Впрочем, это не должно мешать вам наслаждаться свободной беседой со всяким, кто достоин этой чести и кого вы найдете столь же проникательным и осторожным в своих суждениях, сколь усердны и искренни мои уверения, сударыня, в моей совершенной преданности и готовности ко всяким услугам.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

История мнений о бессмертии души в языческом мире

1. Если подлинная религия характеризуется чистотою и безупречностью своей морали и истинностью и полезностью своего вероучения, то я не знаю человека более искренне благочестивого, чем вы, сударыня, с чем охотно согласятся все, имеющие счастье знать вас. Вы, я уверен, ни разу не усомнились в бессмертии души, которое лучше всего и яснее всего доказывается христианством, получившим откровение от самого бога. Но вы часто, как вы говорите, недоумевали, как пришли к познанию этой истины язычники, которые не имели подобного откровения свыше. Смелые утверждения, что они узнали ее из древних книг евреев, не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты; впрочем, они лишены всякого основания, ибо в самих этих книгах нет прямых указаний на этот предмет, и в то же время из Пятикнижия и других исторических источников явствует, что многие народы получили свою религию и форму правления задолго до того, как израильтянам был дан закон. То же самое следует сказать о воображаемой проповеди Авраама и о предании, идущем от сыновей Ноя; и эти предположения лишены всяких фактических оснований и крайне неправдоподобны по существу. Я разрешу себе поэтому удовольствие, сударыня, сделать нечто, как вы дадите понять, весьма для вас приятное и изложу вам этот предмет, как он представляется мне самому,—не на основании предположений и догадок, ни в ком не вызывающих подлинного убеждения, хотя, быть может, иногда эффектных и занимательных,—а на основании здравых доводов рассудка и единодушного свидетельства древних писателей.

2. Лицам, менее сведущим и менее свободным от пред-
рассудков, нежели Серена, покажется вероятно странным, что я буду говорить о вере в бессмертие души как о мнении,

которое, подобно некоторым другим философским мнениям, возникло в определенное время и имело своим родоначальником определенного человека и которое принималось или отвергалось в зависимости от убеждений, интересов и склонностей отдельных людей. А между тем это было именно так среди язычников; и я не раз изумлялся слабости тех, кто, вопреки собственному убеждению, словно боится признать этот факт. Как будто природа предмета может потерпеть какой-нибудь ущерб от человеческих заблуждений и как будто язычники не имели самых фантастических представлений о существовании бога и обо всех остальных догматах нашей религии, что, однако, никем не принимается за довод против истинности последней.

3. Египетские жрецы, халдейские маги и индийские брамины оспаривали друг у друга честь быть изобретателями веры в бессмертие души (как граждане Гаарлема и Ментца спорят об изобретении книгопечатания, китайцы и европейцы—об изобретении книгопечатания и огнестрельных орудий, и другие народы—о происхождении других искусств и учений). Но, во всяком случае, Аристотель определенно утверждает,—и большинство авторов принимает это за неопровержимую истину,—что древнейшие греческие философы не имели ни малейшего понятия о каком-либо оживляющем духовном начале в целой ли вселенной, или в отдельных ее частях; они объясняли все явления природы при помощи материи и пространственного движения, легкости и тяжести и т. д., они отвергали все повествования поэтов о богах, демонах, душах, небе, аде, видениях, пророчествах и чудесах как приятное баснословие и занимательные вымыслы. После Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена и других, учивших, что вселенная бесконечна и что материя существует вечно, хотя формы ее все время меняются, явился Анаксагор и (по единогласному свидетельству почти всех языческих и христианских авторов) ¹⁾ присоединил к материи другое начало, которое он назвал *умом* и провозгласил

1) Aristot. *Metaph.*, l. 1; Plato in *Phaedone*; Cic. de *Nat. Deor.*, l. 1; Diogen. Laert. in *Anaxag*; Plutarch. in *Pericle* et in *Placit. Philos.*, l. 1; Tertull. de *Anima*; Clem. Alex. *Stromat.*, l. 2; Euseb. de *Praep. Evang.*, l. 14; August. de *Civ. Dei*, l. 8; Themist. *Orat.* 15. Также Proclus, Simplicius и многие другие, как язычники так и христиане.

двигателем и устройтелем материи. За это столь новое и казавшееся очень странным учение он получил прозвище *Умный* ¹⁾, употреблявшееся одними в насмешку, а другими в знак восхищения. Мы покажем теперь, как он пришел к своему открытию вопреки большинству своих предшественников, считавших началом всех вещей бесконечную материю. Правда, Фалес учил, что материя есть по существу вода, а Анаксимен утверждал, что она есть воздух; из этих стихий, путем разнообразных разрежений и сгущений, образуются и в них превращаются обратно все вещи. Но истинная мысль Фалеса и Анаксимена заключалась в том, что частицы материи чрезвычайно тонки и находятся в непрерывном движении, подобно воздуху или воде; и это движение, наряду с бесконечностью вселенной, служило, как сказано, для всей плеяды древнейших философов единственным ключом к объяснению всех явлений природы, пока Анаксагор не прибавил новое начало—движущий и устроющий ум.

4. Можно подумать, что человек с такими заслугами снискал себе достойную награду и славу. Но потому ли, что другие философы ему завидовали, или вследствие их нежелания допустить существование духа, или потому, что он не сумел как следует ответить на их возражения, или еще по какой-нибудь причине,—только в действительности Анаксагору не повезло ни у современников, ни после. Все партии относились к нему одинаково плохо,—насколько я понимаю, только потому, что он не мог угодить ни одной из них. Некоторые утверждают, что он не понимал корпускулярной философии и усвоил себе учение о самостоятельном уме (усвоил, а не создал) для того, чтобы избавить себя от необходимости изучать механику, делать утомительные выводы и точные наблюдения и вообще вникать в природу вещей. В доказательство ссылаются на то, что в других областях его мысль была весьма неповоротлива: так, он учил, что солнце чуть-чуть больше Пелопонесского полуострова; что земля плоская, а не круглая; что небесная твердь сделана из камней, которые удерживает от падения их быстрое вращение; что при деторождении младенцы мужско-

¹⁾ Diogen. Laert. in Anaxag.; Suidas in Anaxagora; Plutarch. in Pericle.

го пола выходят из материнского чрева с правой стороны, а младенцы женского пола—с левой; что снег—черного цвета; и что частицы всех вещей—крови, костей, золота, молока—существовали в готовом виде от века, кровь же или золото, черные или зеленые предметы образуются тогда, когда однородные частицы собираются в одном теле в количестве, значительно превосходящем частицы всех других сортов (эти частицы греки называли *гомеомериями*). Про Анаксагора, смеясь, говорили, что он оставляет свои поля в распоряжении своих баранов, чтобы иметь больше досуга для занятий астрономией, в которой, как показывает его учение о солнце и камнях небесной тверди, он достиг поразительных успехов. Его бранили за то, что он пренебрегал житейской пользой и предавался отвлеченным и туманным умозрениям, совершенно бесплодным и недостоверным; говорили, что он поделом нищенствовал в старости, когда только помощь его ученика Перикла спасла его от голодной смерти. Философы, признававшие божественное разумное существо, считали его философию ублюдочной серединой между их собственной и ионийской школой, упрекая его за то, что он не всегда прибегает к своей гипотезе устрояющего ума; и в самом деле, там, где он мог, он объяснял все явления природы взаимодействием между телами. У Платона (в его «Федоне») Сократ обвиняет его именно в этом и вообще выказывает не малое презрение к его книгам. По той же причине его отвергали некоторые отцы христианской церкви, несмотря на то, что он материю восполнил духом. Ириней (во второй книге против еретиков) не только отказывает ему в религиозности, но и прямо называет его атеистом, прибавляя, что так его называли и другие. Климент Александрийский бичует его в замысловатых выражениях, которые я здесь приведу дословно. «Анаксагор,—говорит он,—первый присоединил ум к вещам, но и он не охранил достоинства творящей причины: он изображает какие-то бессмысленные вихри, оставляя ум бездействующим и не мыслящим» ¹⁾. А Аристотель сравнивает его с поэтом, который спасает своего героя при помощи чуда, когда уж никакая естественная причина не может помочь. По его словам, «Анаксагору нужна гипотеза об уме для

¹⁾ Stromat., I. 2.

построения мироздания, но он привлекает ее только тогда, когда не может указать причину, действующую по необходимости; во всех же остальных случаях называет причиной явлений все что угодно, только не ум»¹⁾. Впрочем, и в древности, и в новое время об Анаксагоре высказывались и более благоприятные мнения. Великий Бернет говорит (в своей «Археологии» кн. I, гл. 10), что прозвище *Умный* почетнее, чем *Африканский* или *Азиатский*. Сам Анаксагор тоже знал себе цену: когда после его изгнания (не то за атеистическое отрицание божественности планет, не то за заговор с Периклом против государственной власти) некто сказал ему, что он теперь оторван от афинян, он немедленно возразил: «не я от них, а они от меня»²⁾.

5. Ферекид с острова Сироса был, по свидетельству Цицерона³⁾ и других, первым среди греческих философов, писавшим о бессмертии человеческих душ. Ибо хотя Фалес держался, повидимому, того же взгляда⁴⁾, но он ничего не обнаружил; и Максим Тирский утверждает вслед за Цицероном (в своем двадцать восьмом рассуждении), что «Пифагор Самосский, ученик Ферекида, первый среди греков дерзнул открыто заявлять, что только тело умирает, а душа бессмертна, не будучи подвержена ни старости, ни разложению, и что она существовала еще до своего появления на земле». Как видите, это было такое новшество, что считался смельчаком тот, кто имел мужество открыто выступить с ним. Впоследствии Платон и другие жадно восприняли это учение; и мы знаем, как широко могли его распространить греки в своих бесчисленных колониях в Азии, Италии, Сицилии, Галлии и других странах, равно как и через своих поэтов, риторов, историков и философов, творения которых столь славилась у других народов своим изяществом и своей ученостью.

6. Теперь возникает вопрос, откуда заимствовали это новое учение Анаксагор и его последователи (никогда не ссылавшиеся на божественное откровение). Из древних источников видно, что он и примкнувшие к нему философы, а так-

1) *Metaph.* l. 1.

2) *Diog. Laert. in Anaxagora.*

3) *Tusc. Quaest.* l. 1.

4) *Diog. Laert. in Thalete.*

же поэты и мифологи́сты, восприняли эту науку частью от персидских магов, во время военного вторжения персов в Грецию, частью от жрецов Египта, куда греки ездили для обогащения своих знаний. Фалес заимствовал свою философию у египетских жрецов ¹⁾. Платон долго жил в Египте, и в его творениях заключено много египетской мудрости. Общепризнано, что от египетских мудрецов и их ученика Пифагора, а также от персидских магов, он узнал все, что повествуется в его книгах о бессмертии души, о различных обителях праведных и неправедных в будущей жизни, об искуплении преступлений, об озерах и реках, о лугах, пещерах и чудовищах подземного царства ²⁾. Пифагор, один из величайших путешественников всех времен, беседовал с халдейскими магами, с индийскими гимнософистами и особенно много с египетскими жрецами и пророками ³⁾. Он даже подвергнул себя операции обрезания, чтобы быть допущенным к знакомству с тайной египетской наукой, чего бы ему не разрешили без этого условия ⁴⁾. Я не буду здесь останавливаться на древнейших поэтах, как Орфей, Гомер и т. д.: все они заимствовали свои вымыслы у египтян, как можно видеть из первой книги Диодора Сицилийского. Анаксагор первый учился у персидских магов, имея двадцать лет отроду во время нашествия Ксеркса; в эти самые годы он начал (по свидетельству Дионисия Фалерейского) ⁵⁾ изучать философию в Афинах. Он слушал Анаксимена и, как сообщают Феодорит и Аммиан Марцеллин, тоже ездил в Египет ⁶⁾. Ясно, таким образом, откуда он взял свое понятие об устрояющем уме. В те времена греки научились многому у магов, что впоследствии пробудило у других желание

1) Diog. Laert. in Thalete; Clem. Alexand. Strom., l. 1; Euseb. de Praepar. Evangel., l. 10; Joseph., l. 1. contra Ap.

2) Diod. Sic. l. 1; Cicero l. 5 de Finibus, Lib. de Senectute, Tusc. Quaest. l. 1; Aristot. Metaph. l. 1; Diog. Laert. in Platone; Quintilian. l. 1; Clem. Alexandrin. in Admonit. ad Gent; Valer. Max. l. 8; Philostrat. vit. Apollon. l. 1; Hieronymus l. 2, Ep. 1 ad Paulinam; Lactant. l. 4. и мн. др.

3) Herodot. in Thalia; Diod. Sic. l. 1; Cicero de Finibus l. 5; Plin. Hist. Nat. l. 36, также l. 25; Diogen Laert. in Pythag.; Isocrat. in laude Pusiridis и др.

4) Clem. Alex. Theodoret. in Serm. contra Graecos.

5) Diogen. Laert. in Anaxagora.

6) Theodoret. de Graec. Affect. Serm. ; Theodor. Meliteniot. Proaem. in Astronomiam; Amm. Marcel. l. 22.

посетить восточные страны для усовершенствования своих знаний.

7. Но до сих пор остается открытым вопрос, кто среди язычников были творцами учения о духах—египетские ли жрецы, или халдейские маги, или индийские брамины. Павзаний весьма категорично высказывается в пользу халдейцев и индийцев: «Я знаю,—говорит он,—что халдейские и индийские маги первые утверждали бессмертие человеческой души; и в этом они убедили и греков, в частности Платона, Аристонова сына». Некоторые другие греческие писатели (а вслед за ними и кое-кто из римских авторов) полагали, что если не вера в бессмертие души, то во всяком случае астрология была созданием халдейцев. Однако мы могли бы выставить целую армию свидетелей, если бы факты не говорили сами за себя, в пользу того, что халдейцы (у которых учились брамины) ¹⁾ всю свою мудрость и религию, а следовательно и учение о бессмертии души и астрологию, получили от египтян. Мы могли бы показать, что Макробий не преувеличил, назвав Египет *матерью наук*, а его жителей—«родоначальниками всякой философии, первыми людьми, дерзнувшими исследовать и измерить небеса, и единственными, проникшими во все божественные тайны» (т.-е. лучшими богословами тогдашнего мира). ²⁾ Но так как в подобном изыскании здесь нет необходимости, то мы ограничимся тем, что требуется для нашей цели.

8. Авторы, считающие халдейцев творцами религии, основывались только на их славе великих астрологов (они первые познакомили с астрологией греков) и на их постоянных широковещательных речах о духах и демонах, об иерархии ангелов, о мировом пожаре в конце времен и т. п. Но это мнение легко опровергается более древними свидетельствами. Отец истории, Геродот, говорит, что «египтяне первые установили собрания, процессии и паломничества в честь богов» и что «греки научились всему этому у них»; в качестве доказательства он приводит, что «у египтян это заведено с отдаленнейших времен, а у греков лишь совсем недавно». Все согласны, что афиняне получили большую часть своего

¹⁾ Diog. Laert. in Proaemio Histor. Philosophorum.

²⁾ Somn. Scip. l. 1. c. 19, c. 21.

культы от своего царя Кекропса, который был египтянином; многие их обычаи были введены Данаем и его дочерьми, тоже происходившими из Египта; элевсинские и самофракийские мистерии были сколком с мистерий Изиды и Озириса. Что касается, в частности, астрологии, то Геродот утверждает, что «египтяне первые установили, какой месяц и день принадлежит каждому богу и какую найдет судьбу, какую смертью умрет и как будет жить человек, родившийся в такой-то день»; и что «всю эту мудрость использовали те из греков, которые посвятили себя поэзии». Точно так же Дион Кассий говорит, что «распределение дней по семи планетам придумано египтянами и лишь очень поздно сообщено ими остальным людям; древние греки ничего об этом не знали». Геродот передает, далее, что египтяне, на основании своих собственных древнейших свидетельств, утверждали, что «они первые ввели в употребление названия двенадцати великих богов, перенятые впоследствии греками, и что они первые также начали строить жертвенники, статуи и храмы для богов и высекать из камня животных». Это подтверждает и Лукиан. «Египтяне, — говорит он, — были, по преданию, первыми людьми, которые познали богов и стали воздвигать храмы и устраивать собрания молящихся. Они же первые узнали священные имена (т.-е. слова) и научились священной речи (т.-е. языку). Но вскоре от египтян богопознание перешло к ассирийцам; они тоже начали строить храмы и алтари и украшать их идолами и статуями. Впрочем, первоначально храмы египтян были без статуй». Эти цитаты определенно свидетельствуют против первенства ассирийцев или греков. Но послушаем, что говорит Диодор Сицилийский специально о магах. «Египтяне, — рассказывает он, — утверждают, что их колонии разбросаны по всему свету. Бел, который считается сыном Нептуна и Ливии, вывел колонию в страну вавилонян; основавшись там близ Евфрата, он по египетскому обычаю учредил сословие жрецов, освободив их от всяких повинностей и уплат. Этых-то жрецов, которые по примеру жрецов, натурфилософов и астрологов Египта наблюдают звезды, вавилоняне называют халдейцами». Это свидетельство подтверждается Павзанием, который пишет: «Бел вавилонский получил свое имя от египетского Бела, сына Ливии». И Диодор повторяет в другом месте,

что «по египетскому преданию вавилонские халдейцы происходят от египтян и у египтян и у египетских жрецов научились астрологии, которая принесла им столько славы». Чтобы не утомлять вас дальнейшими доказательствами, прибавлю только, что египтянам представлялась широкая возможность распространять свои учения как в Азии, так и в Африке (особенно до основания ассирийской монархии), благодаря грандиозным завоеваниям Сезостриса и его преемников, проникших даже в Индию—и гораздо глубже, чем много веков спустя проник Александр Великий. Сезострис побывал также во Фракии и в некоторых других частях Европы. О Некепсосу, другом египетском царе, сообщают ¹⁾, что он преподавал магам разные таинственные обряды: в те времена наука не считалась недостойной государей! Рассказывает же Порфирий, что «слова магов пользовались среди персов таким влиянием и почетом, что Дарий, сын Гистаспа, велел начертать на своей гробнице наряду со многим другим и то, что он был учителем магов» ²⁾. Я знаю, что евреи и за ними христиане утверждают, что египтяне всю свою мудрость получили от Авраама, халдейца по происхождению, а не по профессии,—чужестранца, прожившего среди них всего два года и, вероятно, говорившего на другом языке. Пятикнижие ни словом не упоминает о его учености; и в самом деле, если он знал астрономию или какую-нибудь другую науку, почему он не дал себе труда просветить и свой собственный народ, как он будто бы просветил египтян? Ибо из всех народов Востока евреи были самым невежественными; не даром в Деяниях апостолов в прославление Моисея говорится не то, что он воспринял учение Авраама, но что он усвоил и превзошел всю премудрость египтян. Да и в самом Пятикнижии упоминается об их религии и науках задолго до того, как Моисею был дан закон, что непрерываемо свидетельствует об их старшинстве среди народов.

9. Воздав таким образом должное египтянам и показав, что они были источником просвещения для всего Востока, родоначальниками халдейской и греческой религий,— и пе-

¹⁾ Auson. Epist. 19.

²⁾ De Abstin. Animal. l. 4.

рейду теперь, Серена, к доказательству, что они первые среди язычников утверждали, в частности, бессмертие души и все, что отсюда вытекает: рай и ад, промежуточные сферы, привидения, волхование, некромантию и все виды гадания. Геродот, который долго жил в их стране и дружески беседовал с их жрецами и который тщательно отличал виденное и установленное им лично от известного ему по наслышке, имея при этом возможность исследовать их древности и взгляды лучше кого бы то ни было, — Геродот высказывается об этом предмете очень ясно и утвердительно. «Египтяне, — говорит он, — первые утверждали, что душа человека бессмертна; что после гибели тела она входит в другое животное в момент его рождения; и что, пройдя через тела всех наземных, морских и крылатых животных, она возвращается обратно в тело какого-нибудь рождающегося человека. Совершается же весь круговорот этих переходов в течение трех тысяч лет. Некоторые греки — одни раньше, другие позже — восприняли это учение и излагали его как свое собственное; их имена я знаю, но нарочно не назову». Диодор Сицилийский сообщает нам их имена ¹⁾; не говоря о других, мы узнаем благодаря ему, откуда Пифагор взял свое учение о переселении душ, о котором я буду иметь случай рассказать кое-что ниже. Так же обстояло дело и с другими учениями. Но так как греки, как я уже упоминал, получили большую часть своих астрономических и астрологических сведений от магов, они именно их считали творцами этих наук. Благодаря своим колониям в Малой Азии и на Ионийских островах они познакомились с магами гораздо раньше, чем с египетскими жрецами. О последних они знали очень мало до завоевания Египта персами и в особенности до времен Александра Великого; позднее же они стали посещать эту страну очень часто и в большом количестве.

10. Геты были посвящены в науку о бессмертии души своим сородичем Замолксисом, который был служителем и учеником Пифагора. Проповедь Замолксиса имела такой успех среди этих скифских племен, что они не только приняли установленные им законы и учение о будущей жизни,

---

¹⁾ Орфей, Мусей, Меламп, Дэдал, Гомер, Ливург, Солои, Платон, Пифагор, Евдокс, Демокрит, Энопис. Называют также других.

но в признание его великих заслуг поклонялись ему после его смерти, как богу ¹⁾). Вера в то, что после этой жизни настанет другая, лучшая, внушала им бесстрашие в сражениях перед лицом величайших опасностей; они бестрепетно шли на смерть ²⁾, побуждаемые к благородному соревнованию своими певцами, которые (подобно галльским бардам) ³⁾, увековечивали память великодушных героев, сложивших голову в бою. Галльские друиды (родоначальники британских), верившие в бессмертие, как и геты, и учившие о переселении душ, заимствовали свои письмены у греков, — вероятно, вместе с их философией, — как об этом определенно говорит Юлий Цезарь ⁴⁾. Это легко могло произойти через посредство древнейшей греческой колонии, Марсея, славившейся высоким развитием искусств и просвещения. Галлы могли иметь связи и с греками, жившими неподалеку от них в Италии. Наконец, они могли также воспринять учение Замолксиса от своих соседей германцев (которые часто объединяются с ними под общим названием кельтов). Но как бы это ни произошло, Лукан в первой книге своей поэмы говорит обо всех этих племенах следующее:

Счастье полярных народов—

В их заблужденьи: над ними сильнейший из страхов не властен,
 Страх перед волнами Леты. Отсюда готовность их вляться
 В миг за оружие, принятие смерти и твердая вера
 В то, что позорно шадить свою жизнь, раз душа их бессмертна.

11. Я возвел идею бессмертия души к ее историческому источнику, но я все еще не ответил на ваш вопрос, сударыня, пока не объяснил, как сами египтяне могли прийти к этой идее без помощи божественного откровения. На этот счет я думаю, что их погребальные обряды и способы увековечения памяти выдающихся людей и могли явиться причиной, породившей веру в бессмертие. Как вы знаете, египтяне бальзамировали своих покойников и в таком виде помещали их в подземные склепы, где они сохранялись в

¹⁾ Herodot. l. 5; Strabo, l. 16; Mnaseas et Hellanicus in Etymol. magno; Porphyr. in vita Pytha.; Diog. Laert. in Iythag.

²⁾ Pompon. Mela l. 2. c. 2.

³⁾ Caesar de Bello Gal. l. 6; Pompon. Mela l. 3. c. 2; Amm. Marcel. l. 15.

⁴⁾ De Bello Gal. l. 6.

целости в течение тысяч лет; таким образом еще до возникновения всякого понятия об отдельных бессмертных душах уже было в обычае говорить, что такой-то находится под землей, что он перевезен через реку Ахерон Хароном (титул должностного перевозчика при похоронах) и доставлен к месту блаженного отдохновения в Елисейских полях, как называлось общее кладбище близ Мемфиса. Среди разных способов увековечения важных событий вернейший заключался в том, что именами замечательных лиц и событий назывались созвездия, как единственные вечные памятники, не подверженные ни насилию людей и животных, ни влиянию времени и стихий. Этот обычай перешел от египтян к другим народам, которые, правда, меняли названия, но в свою очередь давали звездам имена с тою же целью. Так, Изиды, Озирис, Анубис. Тот и другие были первыми вознесены на небо, с объяснением истории их жизни; о Суффисе, Сете, Фанесе, Моисее говорилось, что они находятся под землей. Но нерассудительная толпа, слыша, как ученые постоянно говорят о каких-то людях на звездах, стала думать, что те действительно живут на небе, тогда как все другие остаются после смерти под землей. Ибо, как говорит Цицерон, «опускание трупов в землю привело к мнению, что покойники проводят остаток жизни под землей». И он прибавляет, что это мнение породило множество заблуждений—в частности, сказки об ужасах подземного царства ¹⁾).

12. О жизни людей, вознесенных на звезды, я поговорю подробнее в другой раз, когда буду иметь случай написать обещанное вам рассуждение о происхождении идолопоклонства. Теперь же продолжу рассказ о погребальных обрядах, давших повод к возникновению стольких мнений о загробной жизни в Египте, в других частях Африки, во всей Азии, во многих местах Европы и в особенности в Греции. Диодор Сицилийский, в первой книге своего бесценного творения, подробно повествует о погребальных обрядах египтян и, в частности, об их способе бальзамирования трупов, столь совершенном, что через много веков сохраняется подобие с живым человеком. Затем он прибавляет: «Родственники человека, подлежащего погребению, заранее уведомляют судей,

¹⁾ Tusc. Quaest. l. 1.

а также родных и друзей покойного, о дне похорон; сообщив его имя, они заявляют, что в этот день он будет перевезен через озеро. После этого собираются свыше сорока судей, которые располагаются в особом амфитеатре, устроенном на берегу озера; туда же прибывает челн, приготовленный теми, кому надлежит этим ведать, и управляемый перевозчиком, которого египтяне называют на своем языке Хароном. Говорят, что Орфей, видевший этот обычай во время своего посещения Египта, поэтому и сложил свои сказания о подземном царстве, отчасти воспроизводя виденное, отчасти дополняя его собственными вымыслами». Далее Диодор рассказывает, что каждый имел право обвинять или защищать покойного, и если оказывалось, что последний вел дурную жизнь, его не разрешали хоронить обычным способом. От этого практиковавшегося в Египте запрещения хоронить, прискорбного для близких и позорного для покойного, греки (и вслед за ними римляне) и взяли свое представление, что души непогребенных терзаются беспокойством и не могут перейти через реку в Елисейские поля. Так благородный обычай был превращен в бессмысленную сказку. Отсюда легко также понять, как греки пришли к своему представлению о подземных судьях, каковыми они считали Миноса, Эака и Радаманта, справедливейших из своих государей. Но вернусь к прерванному рассказу. Если какие-нибудь обвинения оказывались ложными, обвинитель подвергался суровому наказанию; и если больше никто не обвинял покойного, его клали в гроб, и родные, совлеки с себя траурные одежды, устраивали торжественное величание, при чем поминали не его высокий сан или происхождение, но его ученость, благочестие, справедливость, самообладание и прочие добродетели. Рассказав еще некоторые относящиеся сюда подробности, Диодор делает следующее, в высшей степени справедливое, замечание. «Греки,—говорит он,—перенесли веру в вознаграждение праведных и наказание злых в область поэтических вымыслов; и поэтому они так мало были способны направить с ее помощью людей на путь доброй жизни, что даже дурные относились к ним с презрением. Наоборот, у египтян наказание злых и вознаграждение добрых не оставалось в царстве сказок, но происходило в действительности, ежедневно напоминая тем и другим об ожидающей их

участи; последствием этого обычая является замечательное совершенствование нравов». Ниже, в той же книге, он приводит список знаменитых греческих философов и законодателей, которые были посвящены в египетскую мудрость; и он опять повторяет, что «Орфей вывез отсюда большую часть таинственных обрядов (практикуемых в Греции) вместе с совершенными в его честь действиями и вымыслами о подземном царстве».

Несколько ниже он снова устами очевидца уверяет нас, что «луг, который называется в сказаниях обиталищем покойных, есть место близ озера, именуемого Ахерузией, недалеко от города Мемфиса, окруженного прекраснейшими лугами и рощами, где растут камыши и лотос. И правильно говорится, что эти места населены мертвыми; ибо здесь справляются наиболее часто и наиболее пышно похороны египтян, сюда перевозятся через реку и через озеро Ахерузию тела умерших, и здесь они хоронятся в специально построенных склепах. Другие сказания греков о подземном царстве также согласуются с тем, что по сей день совершается в Египте; судно, на котором перевозят тела умерших, называется «барис», и монета стоимостью в обол уплачивается перевозчику, который на языке египтян именуется «хароном». Говорят, что вблизи тех мест есть и капище сумрачной Гекаты, и врата Коцита и Леты, запертые медными замками; есть также врата Истины и неподалеку от них безглавая статуя Справедливости. И еще многое другое сохраняется среди египтян, о чем повествуют наши сказания, с употреблением тех же имен и совершением тех же действий». Таков наиболее естественный взгляд на происхождение поэтических вымыслов об Елисейских полях, о Хароне и взимаемой им плате за перевоз, о различных обителях отошедших душ и о вратах подземного царства. Всякое иное представление неверно или, во всяком случае, шатко и неправдоподобно. Вся первая книга весьма добросовестного Диодора заслуживает прочтения; но для моей цели достаточно приведенных выписок.

13. Итак, я показал вам, сударыня, как вера в бессмертие души со всеми вытекающими отсюда следствиями перешла от египтян к грекам, была распространена последними по их мало-азиатским и европейским колониям и воспринята римлянами, получившими от греков свою религию и законы.

Я отметил успехи этого верования среди скифов, германцев, галлов и бриттов. Я выяснил также, как из Египта, где оно зародилось, оно перешло к халдейцам и индийцам, а от них распространилось по всему Востоку. И не удивительно, что это учение с радостью принималось всюду (хотя язычники и не знали его истинных оснований), ибо оно утешало человека надеждой на то, чего он желает больше всего на свете, именно на продолжение его существования за гробом; ведь очень немногие способны вынести самую мысль о своем уничтожении, и большинство людей скорее предпочтут быть несчастными, чем не быть вовсе. Так обстояло дело с учением о бессмертии души среди народов, не просвещенных божественным откровением. Оно зарождалось среди взрослых, от них переходило к детям и, в конце концов, становилось неотъемлемой частью всеобщего мирозозрения, так что даже образованные принимали его без всякого исследования. Конечно, простой народ, не привыкший к размышлению, навсегда оставался (как остается и до сих пор) при слепой вере или послушании авторитету; но иное дело философы, которые выставляли разные вероятные доводы в пользу самостоятельного существования и вечного сохранения души. Они полагали, что их мысли, или идеи, нематериальны и не имеют ничего общего с протяженностью; они открыли свободную волю в своей душе и самопроизвольное движение в своем теле; они наблюдали в себе непрестанную борьбу между влечением и разумом; они придавали большой вес своим сновидениям и думали, что и наяву им случается иногда получать предвещения относительно будущих опасностей; они видели, что люди охвачены неутолимой жаждой знать будущее и настойчиво желают наслаждаться бесконечным счастьем,—и они пришли к заключению, что все это должно иметь своим источником некое существо, отличное от тела, существо самодвижущееся и следовательно бессмертное; ибо всякая частица материи приводится в движение внешней причиной, а то, что имеет движение в самом себе, никогда не может утратить его. Вера в бессмертие души всячески поддерживалась среди язычников также их законодателями, из которых некоторые сами не верили в него, но, видя, что лишь немногие добродетельны от природы, остальных же делает таковыми надежда на награду или страх

перед карой, они приняли эту веру ввиду ее практической пользы, поскольку она внушает людям мысль, что злые, избежавшие кары законов, наверное будут наказаны за свои преступления в загробном мире, равно как и добрые найдут там свою награду, которой они могли быть несправедливо лишены в этой жизни. Другие придавали этому аргументу более умозрительное, чем практическое значение и старались доказать, что подобное поведение с необходимостью вытекает из благости и справедливости всеумудрого существа. Философы вели споры о предсуществовании души, о ее сущности и долговечности, о времени и способе ее вхождения в тело и выхождения из него, об их взаимной связи. По этому поводу было высказано много тонких и остроумных догадок, но, впрочем, еще больше смешных, фантастических и заведомо невероятных. Новые философы успели в этом отношении не больше древних, и среди тех и других едва ли найдется два вполне единомыслящих. При этом мне лично кажется, что новые не имеют права так же свободно исследовать этот вопрос, как древние, но должны смиренно подчиняться авторитету нашего спасителя Иисуса Христа, который возвестил истину о жизни и бессмертии.

14. Не удивительно, что представление, покоившееся у язычников на столь шатких основаниях, вызывало сомнения и отвергалось очень многими, даже целыми школами, как, например, эпикурейцами; некоторые другие школы считали, что душа после смерти тела совершенно уничтожается, возвращаясь обратно в мир и исчезая в нем. Но и во всех школах всегда существовали отдельные лица, фактически не принимавшие бессмертия души, хотя и приспособлявшие свою обыденную речь к народной вере. В самом деле, большинство философов имело (как мы узнаем из источников) два учения: внутреннее и внешнее, или тайное и открытое; последнее они сообщали всем без различия, а первое—лишь весьма осторожно своим лучшим друзьям, да еще немногим другим, кто был способен его понять и наверное не сделал бы из него дурного употребления. Пифагор сам не верил в переселение душ, которым он так прославился в потомстве; в своем внутреннем, или тайном, учении он говорил лишь о вечном круговороте форм в материи, о тех непрерывных изменениях, которые превращают каждую вещь во все и все в каждую

вещь, так что растения и животные входят в нас, а мы в них, и все вместе мы входим в тысячу других вещей, причем земля превращается в воду, вода в воздух, воздух в эфир и обратно, и так без конца. Но в своем внешнем, или народном, учении он наставлял невежественных людей, что «после смерти они превратятся в разных животных», чтобы тем вернее отпугнуть их от недобрых дел. Обратите внимание, сударыня, на слова его близкого друга и ученика, Тимея Локрийского. «Человек,—говорит он,—упорствующий в непослушании, может быть уверен в каре как на основании законов, так и на основании учений о небесном и подземном суде, о беспощадных муках, которым будут преданы несчастные духи, и обо всем прочем, что согласно древнему преданию возвестил ионийский певец. Ибо как тела больных мы лечим любимыми средствами, когда сами больные отказываются от наиболее целесообразных, так и души людей мы держим в узде при помощи ложных убеждений, когда они не внемлют истинным. Вот почему необходимо чужестранное учение о загробных муках и о переселении душ, о том, что души трусов после смерти переходят в тела женщин—ради унижения; души убийц в хищных животных—в наказание; души сластолюбцев в тела свиней и козлов; души вертопрахов и хвастунов в небесных птиц; наконец, души лентяев и дураков в тела животных, обитающих в воде». Выше я уже доказал, что гомеровское предание о загробных муках идет из Египта; учение о переселении душ Тимей называет здесь чужестранным потому, что Пифагор заимствовал его у египетских жрецов.

15. Хотя поэты украшали свои творения речами о бессмертии души, все же многие из них (ибо не все мыслили одинаково) решительно отвергали его, как я могу это доказать их собственными словами. Ибо Сенека был не одинок, когда говорил:

Нет после смерти ничего, и смерть—
 Сама ничто: она пути земного,
 Мгновенного, лишь крайняя метá.
 Так прочь надежды, прочь напрасный страх!
 Но хочешь знать ты, где ты будешь после
 Кончины? Там, где души нерожденных.
 Нас пожирает времени пучина.

Смерть превращает наше тело в прах
 И душу не падит. Тэнар, и царство
 Сурового владыки, и у врат
 Безжалостных сидящий стражем Цербер,—
 Все это лишь слова, пустые сказки,
 Подобные виденьям страшных снов ¹⁾.

Неверие поэтов объясняется, насколько я вижу, лучше всего тем, что они слишком хорошо знали свое отношение к собственным вымыслам о будущей судьбе души, ибо едва ли хоть один из них верил в прелестные поэтические описания Елисейских полей или страшные, при всей их красоте, рассказы о мучениях злых. Виргилий, наиболее точный и подробный живописатель подземного царства, не мог, однако, не воскликнуть, при мысли об Эпикуре, в порыве философского восторга:

Счастлив, кому удалось постичь причины явлений
 И пятый раздавить все страхи пред темною силой
 Неумолимой судьбы и пред рокотом жадного Стикса ²⁾.

Я никогда бы не кончил, если бы стал приводить все места, в которых Гораций, Ювенал и остальные посмеиваются над сказками об аде, духах и прочем; но их общую мысль выразил, хотя и в более серьезном тоне, Корнелий Север в своей поэме об извержении Этны:

Больше всего сует лжи театральная сцена. Поэты—
 Правда, только в стихах — узрели черные тени
 Там, за гранью могилы, в бледном царстве Плутона,
 Ими измышлены также и волны, и псы Ахерона,
 Имн голод внушен и острая жажда Танталу,
 Ими воспет тот суд, что творится Миносом с Эаком,
 Ими вращается вечно в аду колесо Иксиона.
 Сказки о мире подземном;— сплошь измышленья поэтов.
 Но им мало земли,—они о богах рассуждают,
 В небо вперяя свой взор, куда закрыт для них доступ.

Вы, может быть, сочтете меня немилосердным за то, что последней фразой я исключаю их из рая. Но, не говоря уже о том, что они ничего лучшего не заслужили своими вымыслами, вредными для правды, моя жестокость не слишком

¹⁾ Troad. Act. 2. Chor.

²⁾ Georg. 1. 2.

велика, ибо они не могут бояться ада, который ими же самими создан.

16. Но доводы всех, кто отрицал бессмертие души, будь то поэты или философы, почти полностью заключены в небольшом отрывке из Плиния Старшего (из седьмой книги его «Естественной истории»). «Когда погребено тело,—говорит он,—начинаются разные догадки об отошедшей душе. Но состояние всех людей после кончины таково же, как до начала жизни; и ни тело, ни душа не сознают после смерти больше, чем сознавали до рождения. Однако человеческое себялюбие простирается и на будущее и измышляет себе новую жизнь с момента смерти. Одни говорят о бессмертии души; другие о ее переселении; третьи наделяют сознанием обитателей подземного царства, поклоняясь их теням и делая бога из того, кто перестал быть даже человеком. Как будто человек дышит иначе, чем все остальные животные, и как будто нет существ, жизнь которых гораздо продолжительнее и которым, однако, никто не приписывает подобного бессмертия. Но какое тело у самой души? Из какого она вещества? И чем душа мыслит? Как она слышит? Как видит? Каким способом осязает? Что она делает? А без всего этого—как же она может быть? Наконец, где она пребывает? На протяжении стольких веков какое должно быть множество душ или теней! Все это детские утешения, выдумки смертных, которые жаждут бессмертия. Мысль о сохранении человеческого тела после смерти—такое же суетное, как мысль о воскресении, возвещенная Демокритом, который сам, однако, не воскрес. Но какое чудовищное безумие—думать, что жизнь может быть возобновлена смертью! И когда наступит покой для смертных, если душа сохраняет сознание в горнем мире, а тень в преисподней? Нет, это детское легкоеверие уничтожает отраду смерти, высшее благо, дарованное нам природой, и удваивает горечь кончины, если можно горевать и при мысли о будущем состоянии, ибо если приятно жить, то кому может быть приятно сознание, что жизнь прожита? Насколько же легче и вернее полагаться на свой собственный опыт, изгоняя всякий страх мыслью о том, чем был ты до рождения!»

Таковы рассуждения людей, которые говорят о том, чего не знают, у которых ложные понятия о происхождении души,

никаких—о ее связи с телом и лишь смутные догадки о ее сущности, что естественно заставляет их сомневаться в ее самостоятельном существовании и отрицать ее бессмертие. Но как бы ни заблуждались люди, предоставленные самим себе, бог не может лгать; и возведенное им, хотя оно и не во всем доступно нашему пониманию, должно быть истинно и безусловно достоверно. В том и состоит великое преимущество верующих, что даже тогда, когда они знают о природе какого-нибудь предмета столь же мало, как другие, они все-таки могут иметь глубочайшее убеждение в его существовании и сделать из этого убеждения благодетельные или уместные практические выводы.

17. Но не буду выходить из рамок моей чисто исторической задачи; тем более, что вы, Серена, не нуждаетесь в противоядии даже от соблазнов более искусного противника, чем Плиний. Я откровенно поведал вам и постарался обосновать мое мнение о том, как язычники пришли к понятию о бессмертии души; и если я считаю родоначальниками этого учения, равно как астрологии и большинства других наук,—древних египтян, то не из пристрастия к этому исчезнувшему народу (как бы ни была высока его образованность, мудрость и цивилизация), а потому, что исторические свидетельства привели меня к такому убеждению. Рассуждая о загадках древности, я не боюсь в этом отношении никаких нареканий. Никто не подумает, что я льщу Некепсосу, если назову его царем астрологов,—и я родился слишком поздно, чтобы ждать награды со стороны Сезостриса, который, по моему мнению, превосходит всех других героев и завоевателей древности. Когда я приступал к исследованию этого предмета, истина была моей единственной целью помимо выполнения вашей воли, сударыня, которая более обязательна, чем воля какого бы то ни было монарха, для вашего покорного и всепреданнейшего слуги.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Происхождение идолопоклонства и основания язычества

1. Я чувствую себя вдвойне обязанным, сударыня, сообщить вам мои мысли о происхождении идолопоклонства, — как в силу данного мною устного обещания, так и в силу того, что я уже после этого написал вам письмо, в котором говорил о взглядах язычников на бессмертие души. Но не ждите от меня ни рассказа о всех древних суевериях, для чего потребовалось бы много томов, ни подробного изложения какой-нибудь религии. Я только постараюсь показать, как человеческий разум мог настолько помрачиться, чтобы дойти до мысли о подчиненных божествах, как впервые возникло поклонение многим богам и что побудило людей воздавать божеские почести своим собратьям на земле или на небесах. А затем я объясню бредни язычников на основании общих и достоверных принципов, при чем выяснится происхождение их храмов, жрецов и алтарей, изображений и статуй; их оракулов, жертвоприношений, праздников, очистительных обрядов, астрологии, теней и привидений; веры в духов-покровителей разных стран и представлений о рае над нами и аде под нами, а также других подобных представлений, часто встречающихся у греческих и римских писателей. Я мог бы, правда, без особого труда неоспоримо доказать, что «у египтян впервые, задолго до других народов, появились начатки различных религиозных верований (цитирую Аммиана Марцеллина) и что в их тайных писаниях сохранена история происхождения священных обрядов»; но я не хочу утомлять вас повторением того, что уже сказал по этому поводу в предшествующем письме на основании свидетельств Геродота, Диодора Сицилийского, Лукиана, Диона Кассия, Макробия и других. Не буду также настаивать на том, что из Пятикнижия ясно видно, что магия, толкование снов, астрология и некромантия практиковались в Египте задолго

до того, как они стали известны в Халдее или где бы то ни было.

2. Древнейшие египтяне, персы и римляне, первые еврейские патриархи и еще некоторые племена и секты не знали ни священных изображений и статуй, ни особых мест и пышных обрядов богослужения; и полная непринужденность их культа, конечно, больше всего соответствовала простоте божественной сущности, как его несвязанность с местом и временем служила наилучшим выражением бесконечной мощи и вездесущности бога. Но если «бог создал людей простыми, то сами они (говорит мудрейший царь Израиля) обрели множество выдумок» ¹⁾. И в самом деле, стоит только человеку вступить на путь произвольных затей, и он уже будет идти по нему все дальше, потому что остановить его мог бы только довод, равно действительный против всех них. И мог бы, кажется мне, без большого труда доказать, что те, кто первые посягнули на свободу людей, были также первыми извратителями их разума. Ибо никто, находясь в здравом уме, не согласится добровольно отдать свою свободу; и тот, кто хочет насильно отнять ее, должен сначала подкупом или обманом привлечь на свою сторону очень многих, чтобы, усилившись таким образом, обольстить, запугать и подчинить себе других. Поэтому надо думать, что людям очень рано были внушены такие же представления о самом боге, какие у них сложились до того об их земных государях; и вообразив себе таким образом бога изменчивым, ревнивым, мстительным и своевольным, они старались добиться его милости таким же приблизительно путем, каким угождали тем, кто выдавал себя за его представителей и заместников, а то даже за самих богов или за их потомков, как это обыкновенно делали древние монархи.

3. Из древнейших исторических свидетельств можно заключить, что все суеверия были вначале связаны с культом покойников, имея свой главный источник в погребальных обрядах, при чем первые поводы для их возникновения были весьма невинны и даже похвальные: это были надгробные слова, с которыми иногда обращались к самим покойникам (вроде египетских величаний), или статуи, которые торже-

¹⁾ Escl. VII, 29.

ственно освящались в их честь. Но льстецы, превозносившие владык в лице их предшественников, чрезмерная привязанность друзей и родных и выгоды, извлекавшиеся жрецами из легковерия простого народа, двинули это дело гораздо дальше. Не только цари и царицы, великие полководцы и законодатели, столпы учености и замечательные деятели в области искусств и творцы полезных изобретений удостоивались посмертных почестей, но и люди, просто отличившиеся от других своей добродетельной жизнью, часто становились предметом благочестивого и вечного поминовения на своей родине или среди своих родных. В этом—исгинная причина того (как мы покажем в своем месте), что у всех народов были свои боги-покровители (*divi indigetes*); и отсюда же произошли особые религиозные культы отдельных семейств (*sacra gentilicia*). Плиний, во второй книге своей «Естественной истории», говорит, что древнейший способ, каким люди выражали признательность своим благодетелям, заключался в их обожествлении после смерти ¹⁾ и что различные названия богов и звезд происходят от достохвальных человеческих дел. Первоначальное идолопоклонство возникло, таким образом, не под влиянием красоты, или порядка, или действия небесных светил (как обыкновенно предполагают), а вследствие того, что люди, как я показал в предшествующем письме, видя, что книги гибнут от огня, червей или тления и что железо, медь и мрамор не менее подвержены насилию человеческих рук и разрушительному влиянию стихий, стали называть звезды, как единственные непреходящие памятники, по именам своих героев или по каким-нибудь замечательным событиям в своей истории. Эратосфен из Кирены, очень древний философ, обладавший громадной эрудицией во всех науках, написал дошедшую до нас книгу о *созвездиях*, где объясняет их названия, которые сплошь имеют отношение к древней истории, хотя и искаженной временем и по большей части превращенной в чистое баснословие. Ученейший г. Леклерк, поместив среди прочих статей по мифологии изложение книги Эратосфена в восьмом

---

¹⁾ То же самое утверждают Циперов (*De nat. deor.*, l. 2) и некоторые авторы до него.

томе «Всеобщей и исторической библиотеки», написал следующую эпиграмму:

Древность, предвидя, что медь и камень не смогут бороться
С грозной работой стихий, все разметающей в прах,
Мудро грядущим векам завещала в горящих на небе
Неугасимых огнях летопись жизни своей.

В других местах он выражает свое полное согласие с таким взглядом на происхождение названий звезд и в том же журнале объясняет некоторые мифы с этой точки зрения. Разные народы, перенимая друг у друга этот обычай, соответственно изменяли небесную карту, ибо каждый называл небесные тела по именам героев и событий своей собственной страны. Это видно при сравнении небесной карты греков и варваров, и по этой причине критяне утверждали, что большинство богов родились среди них, будучи людьми, которые за свои благодеяния обществу сподобились бессмертных почестей ¹⁾, ибо они считали греческих богов богами всего человечества и не знали, что в других местах такой способ наименования созвездий и обожествления великих людей практиковался задолго до того, как он был введен у них. И среди христиан нашелся человек, который, одобряя самый метод, пытался уничтожить существующие языческие названия, как непонятные и потерявшие всякое значение для нас, и взамен дать звездам новые имена из истории ветхого и нового завета. Но так как эта мысль не имела успеха у астрономов, то и не будем останавливаться на ней. Наконец, люди, не знающие или считающие недостойными истинные причины поклонения звездам, старались вывести его (впрочем, как я покажу, неубедительно) из бесконечного и стройного вращения, чудесного блеска и общей полезности солнца, луны и прочих планет и звезд. Это же дало философам повод объяснять движение планет действием разумных духов, пребывающих на них и постоянно руководящих их течением, и отсюда пошел обычай изображать солнце и луну в виде лица с глазами, носом и ртом.

4. Представление о двенадцати великих богах возникло из некоторых преданий, связанных с двенадцатью знаками

¹⁾ Diod. Sic., I. 5.

зодиака; и точно так же семь планет носят имена семи богов, которым были посвящены и дни недели, считавшиеся, впрочем, более или менее священными и счастливыми, смотря по характеру и достоинству соответствующего бога. Таким образом, египетское разделение времени на месяцы и недели и предания, которые египтяне стремились увековечить при помощи звезд, породили наиболее важных языческих богов. Отсюда весьма естественным путем возникла астрология, ибо, как будет показано ниже, народ, веря, что эти боги общаются с его жрецами, которых он считал столь же способными предсказать любую тайну, как они предсказывали затмения, искал у них совета по поводу всего, чего желал или опасался. Постоянное колебание человеческой души между надеждой и страхом есть одна из главнейших причин суеверия; не будучи в состоянии предвидеть то, что для них всего важнее, люди от неумеренных надежд переходят к столь же неумеренным страхам, и это заставляет их принимать за доброе или дурное предзнаменование все, что с ними случалось когда-нибудь прежде при удаче или неудаче, а также прислушиваться к каждому совету, обращаться к прорицателям и астрологам. Совершенно то же мы наблюдаем у больных, которые часто предпочитают знахаря лучшему врачу и смехотворные заговоры—превосходнейшему лекарству. Плиний говорит: «Сама магия (в худшем смысле слова) несомненно возникла из медицины, выдавая себя как бы за более высокое и священное лечебное искусство; свои заманчивые посулы она подкрепляла силами религии (которая и до сих пор всеильно властвует над людьми) и математических искусств (т.-е. астрологии), ибо всякий жаждет узнать свое будущее и верит, что его можно прочесть на небе. Связав умы людей этим тройным узлом, она достигла такой чудовищной силы, и т. д.»¹⁾ Помимо воздействий религиозных, в виде варварских заговоров и заклинаний, и астрологических, основанных на наблюдении звезд, маги употребляли, повидимому, и некоторые рациональные средства, используя скрытые естественные свойства трав, камней, минералов и т. д., редко встречающихся и известных им одним. Я уже показал в предшествующем письме, что изобретате-

¹⁾ Nat. Hist., l. 30.

лями астрологии были египтяне. Цицерон, ученик греков, склонен считать ее творцами скорее ассирийских халдейцев, но послушайте, как осторожно выражается он сам об этом предмете. «Считают,—говорит он,—что халдейцы (обозначая этим именем не профессию, а народ) в результате продолжительного наблюдения над звездами создали науку, на основании которой каждому можно предсказать, что с ним случится и для какой участи он рожден. Впрочем, считают также, что это искусство было открыто египтянами еще в незапамятной древности»¹⁾.

5. Покончив таким образом с магией и астрологией, я скажу, прежде чем идти дальше, несколько слов о том, почему многие люди, молясь, поднимают взоры к небу, полагая, что над ними находится рай, а под ними ад. Я укажу также на причины, породившие веру в тени и привидения; ибо все эти верования происходят из того же корня, что и идолопоклонство, именно из древнейших погребальных обрядов. В письме о взглядах язычников на бессмертие души я объяснил, как в народе постепенно сложилось убеждение, что есть люди, живущие на звездах, а теперь я покажу, как эти обитатели звезд были возведены в достоинство божеств,—и вы легко поймете, как образовался среди людей обычай во время молитвы обращать взоры и простирать руки к небу, которое считалось местопребыванием богов. Благодаря тем же погребальным обрядам возникло убеждение, что внизу находится подземное царство, в котором обитают добрые и злые, правда в различных местах и условиях, ибо все люди равно подвергались погребению, а обожествлялись лишь очень немногие, которые и считались пребывающими на небесах. На самом деле, конечно, во вселенной нет ни верха, ни низа, ни правой стороны, ни левой, ни востока, ни запада, ни севера, ни юга, так как все это лишь абстрактные понятия, обозначающие отношения отдельных тел друг к другу и их различное расположение относительно нас. Поводом для веры в тени и привидения послужили египетские мумии, долгое время сохранявшиеся не только в склепах близ Мемфиса, но и во многих частных домах в особых помещеннях; своим видом (совершенно ли свежим или обезображенным от вре-

¹⁾ De divinat., l. I.

мени) они естественно должны были производить страшное впечатление на детей, чужестранцев и невежественную чернь. Древнейшим и наиболее распространенным способом погребения было опускание целых трупов в землю, и афиняне, как известно, переняли этот способ у египтян. Но вы знаете, что у римлян, например, был обычай сжигать своих мертвецов; и тем не менее, как пронизательно замечает Цицерон, это нисколько не излечило их от представлений о тенях и привидениях, ибо древнейшим способом погребения было и у них опускание трупа в землю. «И так всеильно было суеверие,—говорит он,—что, даже зная, что тела сжигаются, они все-таки наполняли в своем воображении подземное царство такими вещами, которые без тел никак не возможны. Ибо не умея составить себе понятия о душах, живущих самостоятельно, они выдумывали какие-то образы и формы. Отсюда—заклинания мертвых у Гомера; отсюда—некромантические обряды, производившиеся моим другом Аппием; отсюда—неподалеку от нас Авернское озеро, откуда ночью вылетают тени, когда врата Ахерона раскрываются перед обманчивыми призраками усопших»¹⁾.

6. Вы видите, таким образом, сударыня, как усердно люди заселяли ад; и надо сказать, что и самое небо язычников было целиком населено выходцами с нашей земли. Цицерон, в своей первой «Тускуланской беседе», смело говорит: «Разве небо не сплошь почти заселено людьми? Если бы я дал себе труд исследовать древние книги, особенно греческих писателей, то оказалось бы, что даже так называемые главные боги переселились на небо с земли. Узнай, чьи гробницы показываются в Греции; вспомни (ибо ты посвященный), что возвещается во время празднования мистерий, и ты поймешь, насколько это верно». И возвещалось это не только на элевзинских мистериях, ибо и египтяне в своих мистериях намекали на смерть своего объявленного богом царя Озириса и его жены Изиды, не говоря уже о сирийских обрядах в честь Адониса и других божеств,—обрядов, которые царь Давид так удачно называет *жертвоприношениями мертвым*. Обо всех мистериях вообще можно с таким же правом сказать то, что Цицерон говорит в другом месте о мисте-

¹⁾ Tusc. Quaest., l. 1.

риях Элевзина, Самофракии и Лемноса: «будучи объяснены из своих разумных оснований, они скорее дают представление о природе, чем о богах» ¹⁾. Эвгемер, древний сицилийский поэт и философ, написал историю Сатурна, Юпитера и остальной братии, указав время рождения, страну, деяния и место погребения каждого; по слову Плутарха, он *очеловечил богов*—не превращая их в людей, а возвращая им их исконную человеческую сущность. Но, не довольствуясь обожествлением усопших, им приписывали те же склонности и занятия, какие им были свойственны на земле,—как поэт Виргилий о своих воинах, сошедших в область Аида:

...что любили при жизни—
Лёт колесниц и бряцанье мечей или конское ржанье
На медоносных лугах,—тем полна их душа и в Аиде.

И Гезиод, весьма кстати для нас, изображает счастливых жителей золотого века в виде древнейших государей, сохраняющих свою былую власть на небесах и являющихся распределителями богатств и почестей среди людей.

Демоны ныне они, по воле великого Зевса,
Добрые духи, что смертных хранят, относясь со вниманьем
К добрым и злым их делам. Над землей, облеченные в воздух,
Демоны эти парят и богатства даруют достойным:
Ибо свой царственный сан сохраняют они, как и прежде.

По той же причине древние эфиопы, как мы узнаем от Страбона, «считали своих благодетелей и лиц царского происхождения богами» и, без сомнения, верили, что они продолжают охранять их свыше, как прежде охраняли на земле.

7. Я не утверждаю, сударыня, что эти ложные представления язычников о загробной жизни были единственным источником идолопоклонства. Но я настаиваю на том, что это—источник основной, наиболее естественный и наиболее распространенный и что от него пошли все остальные. Такое же чрезмерное почитание переносилось мало-по-малу и на другие вещи, как потому, что они считались дарами богов, так и в силу присущего им собственного превосходства. «Есть много разных божеств и другого порядка,—говорит Цицерон,—установленных и нареченных (не без основания

¹⁾ De Nat. Deor., l. 1.

ввиду их великой пользы) и первыми мудрецами Греции, и нашими предками, которые считали невозможным, чтобы нечто, благодетельное для человеческого рода, могло произойти без благоволения богов к людям»¹⁾. При этом не ограничивались полезными предметами внешнего мира, например небесными телами, но распространяли честь обожествления и на состояния души, на ее способности и силы. «Ибо,—как говорит тот же Цицерон,—самый предмет, обладающий какой-нибудь особенной ценностью, получает такое наименование, что название этой ценности становится вместе с тем именем бога, как-то: Верность, Ум и т. д.»²⁾. Так были обожествлены доблесть, честь, безопасность, согласие, целомудрие, свобода, победа, милосердие, благочестие и т. д. «так как ценность всех этих предметов,—прибавляет Цицерон,—настолько велика, что ею нельзя было овладеть без помощи бога, то и самый предмет стали называть богом; таково освященное обычаем употребление слов «Купидон», «Амур», «Венера». Без сомнения, обожествление подобных предметов было произведено мудрыми и добрыми мужиками, которые, видя, что народ хочет иметь многочисленных богов со многими храмами, решили удовлетворить его слабость и вместе с тем, по мере возможности, возвысить и облагородить его помыслы. Отсюда становится понятным, как могло быть обожествлено многое такое, что не имеет личного образа и бытия, будучи только свойством, признаком или состоянием. Цицерон в своих «Законах» пишет по этому поводу, что богом считалось все то, «что открывало человеку доступ на небо». «Это хорошо,—говорит он,—что ум, благочестие, доблесть, верность обожествлены и в их честь воздвигнуты в Риме общественные храмы: благодаря этому те, кто обладают этими свойствами (а обладают ими все нравственные люди), могут считать, что сами боги обитают в их душах»³⁾.

8. Но нет ничего на земле и на небе, чего не извратила бы суеверная чернь; так поступила она и в настоящем случае, обожествив самые порочные и низкие вещи, как это со справедливым возмущением отмечает только что цитируван-

1) De Nat. Deor., l. 2.

2) Ibid.

3) De Leg., l. 2.

ный автор. У афинян была недурная чета богинь: Клевета и Наглость; римляне поклонялись богиням Страха и Надежды, Бледности и Дрожи. Разрушительной Лихорадке был посвящен особый жертвенник, и бесчисленные боги имели под своим началом не только самые скверные болезни, но даже крайне дикие и непристойные действия. У египтян, помимо культа небесных богов, т.-е. звезд и планет, был еще символический земной культ: они приписывали божественную силу и воздавали религиозные почести почти всем видам животных и растений, не исключая самых низких и презренных. Впрочем, не во всех частях Египта поклонялись одним и тем же видам. В оправдание этого культа египтяне указывали либо на полезность обоготворяемых существ, либо на то, что различные божества проявляют свою силу в одном виде животных или растений предпочтительно перед другими, либо, наконец, ссылались на какую-нибудь аллегорю, относящуюся к нравственной или естественной философии. «В их священных обрядах,—говорит Плутарх,—нет ничего бессмысленного (как воображают иные), основанного на баснословии или суеверии; но многое в них основано на соображениях нравственности и пользы, многое же имеет некое тонкое историческое или философское значение» 1). Согласно с этим Цицерон говорит, что «даже столь осмеянные египтяне обожествляли лишь таких животных, от которых они получали какую-нибудь пользу» 2). Это символическое богословие египтян навело некоторых ученых на мысль, что и все остальные языческие религии могут и должны быть истолкованы в таком же смысле; однако ниже я покажу, что это очень грубая ошибка. Во всяком случае, у египтян этот культ земных тварей был распространен шире, чем у всех остальных народов: они поклонялись не только птице ибису, ястребам, кошкам, собакам, крокодилам, моржам, козлам, быкам, коровам, луку, чесноку и т. д., но они поклонялись также «некоему человеку в городе Анубисе, где и приносили ему жертвы, жжигая на алтарях священные вещества» 3). (Последние слова принадлежат Порфирию.)

1) De Iside et Osiride.

2) De Nat. Deor., l. 1.

3) De Abstin., l. 4.

9. У других народов в некоторых кругах существовал философский культ четырех стихий и определенных частей человеческого тела. Иные города, и в том числе Рим, были возведены в божественное достоинство. Многие, боясь как бы по ошибке не оскорбить божества, воздвигали жертвенники неведомым богам ¹⁾. Римляне официально узаконивали культы всех других народов, преклоняясь таким образом перед божествами, которые не сумели охранить своих искренних почитателей против силы римского оружия; но это было скорее проявлением политической свободы совести, нежели подлинного религиозного благочестия. Из всего вышеизложенного совершенно ясно, что, во-первых, боги бесконечно превосходили людей численностью и достоинством и что, во-вторых, несмотря на всю необузданность суеверия, источником всякого идолопоклонства были понятия и действия людей, относящиеся к покойникам. Величайшей нелепостью представляется мне обожествление случайности, этой прямой противоположности всякому порядку, разуму и плану. А между тем и ей, под именем Фортуны, были воздвигнуты особые храмы—один храм в честь доброй, а другой в честь злой Фортуны; и одновременно с божескими почестями ее наделяли самыми унижительными эпитетами, называя ее слепой, изменчивой, непостоянной, верной подружкой злых и легкомысленной обманщицей добрых. Все это, как выяснится в дальнейшем, было изобретено и введено уже впоследствии, но свой первоначальный источник имело в почитании покойников.

10. Я далек от мысли исчерпать все доводы, которыми я мог бы подтвердить свой взгляд на происхождение идолопоклонства; но не могу не привести одного примера, который доказывает крайнее сумасбродство человеческой природы. Большинство христиан сделало из Сократа чуть ли не мученика, умирающего за веру в единого бога, а язычники полагали, что его вина заключалась в введении иных богов, чем те, которые допускались государственной властью. Впрочем, оба эти утверждения ложны, ибо до самой смерти он оставался верен религии своей страны, считая, что никакой гражданин не должен разрывать с государственными устано-

¹⁾ Diog. Laert. in Epimen.; Pausan. in Attic.; Lucian in Philopat.

влениями, и если он даже верил в единого бога, то не это вменялось ему в преступление его обвинителями и судьями. Но каково бы ни было отношение к нему тех или других людей, кажется почти невероятным, чтобы этот образец добрых нравов, этот король философов и искуснейший исследователь духа мог сам сподобиться божественных почестей после своей смерти, чтобы в его честь был поставлен особый храм и существовал священный источник его имени. Мы не удивляемся, когда читаем, что афиняне, раскаявшись в своем несправедливом приговоре, воздвигли статую для увековечения его памяти; и мы находим вполне естественным, что его поклонники праздновали день его рождения и всегда имели при себе его изображения, украшавшие их перстни или печати. Но дело в том, что это благоговейное почитание выродилось под конец в религиозное поклонение. Марин, ученик и преемник афинянина Прокла, составивший жизнеописание своего учителя и рассказывающий о вещах, столь же хорошо ему известных, как мне имя святого, которому посвящена моя приходская церковь,—этот Марин, говорю я, повествуя о счастливых предзнаменованиях прокловых успехов в платоновской школе, говорит: «Когда Прокл прибыл в Пирей, за ним пришел туда, как за своим земляком, Николай, ставший впоследствии известным ритором, а в то время учившийся в афинских школах, ибо Николай был тоже ликийцем и поэтому он взял с собою Прокла в город. Прокл, утомленный путешествием, присел отдохнуть по дороге в храме Сократа (до того он никогда не слышал, чтобы Сократу воздавались божеские почести) и попросил Николая посидеть вместе с ним и, если возможно, принести ему немного воды, так как его мучила жажда. Тот повинувался и тотчас приказал принести воду, и именно воду из той же самой священной почвы, ибо неподалеку был источник Сократа. И когда Прокл стал пить, Николай, которому тут впервые пришла в голову эта мысль, сказал ему, что это хорошее предзнаменование, что он присел в храме Сократа и там в первый раз испил аттической воды. И тогда Прокл, встав и поклонившись, пошел дальше в город»¹⁾. Тут перед нами превосходнейший пример того, как почитание великих по-

¹⁾ Marin. in vita Procli, cap. 10.

войников с течением времени становится чрезмерным, и я остановился на этом примере так подробно потому, что такое обоготворение меньше всего было уместно по отношению к Сократу, хотя он больше, чем кто-либо другой из смертных, заслужил его.

11. Я никогда бы не кончил, Серена, если бы захотел подтвердить свой взгляд ссылками на всех авторов, которых я мог бы привлечь. Кто изучал древних и знает сохраненные ими исторические предания об их собственном происхождении и о происхождении других народов, в частности их рассказы о своих богах и причинах их обоготворения, тот не может иметь на этот счет никаких сомнений. Но мы наблюдаем, что одновременно с успехами народов в области прав, письменности и форм правления уменьшалась и эта нечестивая страсть к обоготворению. Так, например, римляне обоготворили своего первого царя и родоначальника Ромула; но за все многовековое существование их республики ими уже не был обожествлен ни один смертный, хотя среди них встречались более замечательные образцы добродетели, просвещенности и мужества, чем где бы то ни было. Стоило, однако, их свободной республике превратиться в абсолютную монархию, и большинство их первых императоров были обоготворены: и Юлий Цезарь, похититель их свободы, и самые жестокие, развратные и безумные из последующих тиранов, а также некоторые их жены, родственники и фавориты. В этом отношении они подражали обычаям варварских царей, которые подобными средствами держали в вечном рабстве своих подданных, не смевших восставать против богов или тех, кому было суждено стать таковыми. История учит, что египтяне, ассирийцы, древнейшие греки и другие народы воздавали божеские почести своим государям после их смерти. Жены государей, их братья, сестры и другие родственники также возводились в достоинство богов и богинь; и каждый последующий монарх всегда старался утвердить это представление о необычности своего рода. Многим из них божеские почести воздавались даже при жизни, в том числе Августу. Плутарх, к которому я мог бы прибавить еще некоторых других авторов, передает, что персидский вельможа Артабан сказал Фемистоклу, когда тот жил беглецом при персидском дворе: «Из многих наших добрых обычаев

самый лучший тот, что мы чтим царя и поклоняемся образу бога». Всякий знает, сколь священным почитается оттоманский род, хотя, как показывает опыт, это не всегда спасает оттоманских владык от ярости их дерзкой гвардии или их возмущенных подданных. Божественные права, на которые притязают с недавнего времени иные христианские короли, и безусловное пассивное повиновение, которого требует для них подобострастное духовенство, являются не лучшим средством для сохранения тирании, чем бывшие средства язычников, но цель тут и там, конечно, одна и та же. Однако чем умнее становились люди, тем меньше веры придавали они подобным вещам; и чем ближе они присматривались к своим государям, тем ревнивей начинали охранять свою свободу и свои права. Религия и разум—ненавидимые помехи для суеверия и заблуждения. Недаром Цицерон упоминает, что некоторые оракулы перестали в его время давать ответы, потому что народ стал менее легковерен.

12. Объяснив происхождение идолопоклонства, я раскрою теперь, сударыня, в соответствии с установленными началами, смысл языческих обрядов, если вы позволите говорить о смысле действий, часто весьма нелепых и сумасбродных. Люди, думая угодить своему богу тем же, чем они угождали ему, когда он был земным государем, воздвигли великолепные храмы или дворцы, где на роскошных столах или алтарях ставили перед ним жертвенные яства. Они вообразили, что бог и его двор (состоящий в большинстве из их умерших героев) питаются кровью и испарениями закланных животных и услаждают свои божественные ноздри благовонием курений, а свои священные очи пышностью храмовых церемоний. Все богослужение устраивалось в соответствии с царственной обстановкой их земной жизни. Были выделены особые торжественные дни для совершения праздничных обрядов; и те, кого впоследствии называли жрецами (их обязанность заключалась в устройении праздников и возглашении похвального слова в честь обоготворенного покойника), ходили в блестящих облачениях и пользовались разными привилегиями, как ими всегда пользуются государевы слуги. Важнейшими из этих привилегий были вначале: освобождение от всяких других общественных обязанностей и богатое содержание. На праздниках в честь богов бывало также много

музыки, плясок, благовонных курений, огней, поклонов и других проявлений подобострастия, — вообще всего того, чем обычно тешат чувственность наиболее пустых и тщеславных владык, но что было бы совершенно невозможно по отношению к божественным существам, если бы источником идолопоклонства не было поклонение покойникам, легко объясняющее такой культ.

13. Ясно, что с тем же заискиванием, с каким люди относились к слугам своего государя, они должны были относиться к небесной свите своих богов и к их земным жрецам. Они старались подкупами добиться их заступничества или, в крайнем случае, того, чтобы они не противодействовали исполнению их просьб, — ибо и на небе, как на земле, обыкновенно существовали различные партии. Надо помнить, что власть этих придворных была далеко не мала; среди них было распределено управление разными областями и городами, особенно теми, которыми они действительно управляли при жизни. Не было дерева или растения, животного, рыбы или птицы, реки, источника или холма, — не было почти ни одного предмета, который не был бы поручен заботам и милостям одного из них; и часто эти предметы назывались их именами, если они при жизни пользовались ими или находили в них отраду. Эта вера в их непосредственную власть над упомянутыми вещами, а также над болезнями тела и страданиями души, сообщала высокий авторитет их мнимым откровениям, чудесам и прорицаниям и прочим искусным приемам выживания денег из кармана верующих.

14. Что касается святилищ с их тайными ковчегами и таинственными делами, с их искуплениями, очищениями и тому подобными смешными, нечестивыми, а подчас и жестокими обрядами, всегда весьма обременительными, то они имели вначале символическое значение: они изображали действительную историю земной жизни богов и говорили о причинах их обоготворения, и, в частности, ковчеги заключали в себе различные эмблемы их жизни в целом; с этим согласны все, кто сколько-нибудь знаком с языческими мистериями. Но все это было впоследствии использовано жрецами для придания большей цены их мнимому общению с небом и для получения доходов, соответствующих трудности и важности их служения. Многочисленные обряды служили

также для развлечения толпы и ее отвлечения от более серьезных размышлений, а кроме того они внушали уважение к тем, кто имел власть освящать времена, места и лиц и даже такие вещи, которые сами по себе были либо безразличны, либо совсем, казалось бы, далеки от религии. Иногда бывали случаи взаимного соглашения между государем и жрецом, при чем первый обязывался обеспечить последнему все его преимущества, если тот будет взамен проповедывать его неограниченную власть над народом, на легковверные умы которого жрец мог, конечно, всегда оказать любое влияние.

15. К власти государя жрецы прибавляли свои собственные измышления об аде, как я показал это в настоящем и предыдущем письме; не удовлетворяясь запугиванием людей картинками леденящей стужи и пожирающего огня, беспросветного мрака и невылазной грязи, они рассказывали о коршунах, колесах и цепях; о гидрах, кентаврах, гарпиях, химерах, сфинксах, горгонах, змиях и о множестве других чудовищ, выполняющих приговоры тиранических владык. Они говорили также о тенях и духах, о таинственных видениях и голосах, поражая воображение толпы чудовищным шумом Тартара и Эреба, где Стикс, Ахерон, Флегетон, Лета, Коцит и Аверн катят свои черные грохочущие волны, где раздастся отвратительный лай трехголового Цербера и снует мрачный челн проклятого перевозчика Харона. И беспощадные фурии, Алектэ, Тизифона и Мегера, внушали гораздо больший страх, чем Плутон и Прозерпина, эти верховные правители подземного царства. Из того, что я сказал выше о происхождении астрологии и веры в духов, ясно, что жрецы были посвящены во все виды гаданий и магии; они предсказывали будущее по полету птиц, по внутренностям животных, по наблюдениям над трупами, над огнем, над облаками, над водой, над дымом, посредством метания всевозможных жребиев. К этому присоединялось бесчисленное множество других нелепых суеверий, которые сохраняются в большинстве стран до настоящего времени и подробное описание которых можно найти у Вандала. На основании всего вышесказанного следует также думать, что было множество ведьм, колдунов и прорицателей, которые в силу договора с демонами и благодаря своему знанию звезд умели якобы, пользуясь тайными свойствами некоторых трав

и камней, или произносятся варварские слова и заклинания, или производя всевозможные манипуляции с изображениями соответствующих лиц и предметов, вызывать появление богов и воскрешать мертвых; затемнять солнце и луну и поворачивать вспять планеты или даже низводить звезды с неба; превращаться самим и превращать других в существа разного вида; поражать болезнями тех, кто им негоден; вызывать любовь или ненависть; предсказывать будущее; открывать утаенные сокровища; невидимо похищать у людей хлеб, муку и другие предметы; подменивать младенцев в люльках и проделывать тысячу других фокусов такого же рода, о которых скучно рассказывать и в которые никогда не поверит ни один мыслящий человек. Впрочем, как смотрели умные и образованные люди на всех этих мнимых обладателей сверхъестественного знания, об этом откровенно говорит старик Энний в своих грубых стихах:

Ни в грош не ставлю я авгуров марсовских,
 Пророков сельских, звездочетов, знахарей,
 Жрецов Изиды, снов истолкователей!
 Дано им не наукой посвящение:
 Они—плуты, невежды суеверные,
 Рабы безумья, лени или бедности.
 Слепцы, они хотят нам путь указывать!
 Тому, кто драхму даст, сулят сокровища!
 Пусть, драхму удержав, посул свой выполнят.

В заключение отметим еще баснословные рассказы язычников (весьма сходные с нашими современными сказками о феях) о фавнах и сатирах, о ларвах и лемурах, о нимфах, населяющих моря, реки, источники, холмы и леса,—нерешающих, наядах, дриадах, гамадриадах, ореадах и тому подобных призраках, способных пугать разве только женщин и детей.

16. Вернемся теперь, если вам угодно, к высшим силам. Как при жизни, так и после смерти они делились на несколько разрядов. Были боги высокого и боги низкого ранга, как бы верхняя и нижняя палата, а также демоны-посредники, низшие и блуждающие демоны (первоначально это были отошедшие души), которые не имели определенного местопребывания, но постоянно странствовали в воздушных пространствах, выполняя разные поручения—то передавая

моления людей своим начальникам, то оповещая мир о гневѣ или милости богов, чьими слугами и исполнителями они считались; ибо сии небесные владыки имели, подобно земным, целую армию в своем распоряжении. Но если высших из своих богов язычники поселяли на небе, то они же по своему произволу сводили их обратно на землю, заточая их в какую-нибудь маленькую кумирню или в стоящего в ней жалкого идола. Они часто падали ниц перед своими собственными созданиями, которые, обладая они жизнью и способностью разума, должны были бы скорее поклоняться тем, чьему искусству они были обязаны всеми своими превосходными свойствами. Но между тем как мыши, ласточки и пауки нисколько не стеснялись с этими кумирами, несмотря на их освященность, глупые люди сами охраняли от разрушения то, к чему они же относились со страхом и благоговением. Самые эти кумиры доказывают человеческое происхождение богов; мы знаем, какие почести воздавались статуям государей, даже при их жизни. Кумирни часто посещались наиболее невежественными и набожными людьми; они же започинали храмы приношениями и богатыми дарами, обращались к оракулам во всех затруднительных случаях, приносили обеты в минуту несчастья, считали даже свои сны вдохновенными свыше и во всех отношениях отравляли своими религиозными предрассудками жизнь как другим, так и самим себе. Не было такой страсти или потехи у их земных владык (вроде пьянства, распутства, охоты), которая не была бы приписана богам. Поэтому мы часто читаем об их любовных похождениях, свадьбах, умыканиях и прелюбоденнях, об их распрях, разгульных пирах, ссорах и побоищах, об их мести и грабежах, об их разнообразных невзгодах: то они попадаютя впросак, то их заключают в оковы, а однажды они были даже выбиты из своей небесной твердыни гигантами и должны были самым жалким образом искать приюта на земле. Все это с несомненностью доказывает человеческое происхождение богов. И не удивительно после этого, что они всегда изображаются в том состоянии, в каком они умерли, и с теми отличительными приметами, какие имели при жизни. Так, некоторые из богов всегда стары, а другие вечно юны; есть между ними хромые и слепые, есть двукопытные (откуда нынешнее простонародное представление

о чорте), есть и крылатые; многие вооружены мечами, копьями, дубинками, вилами и луками, многие мчатся на колесницах, в которые впряжены львы, тигры, кони, моржи, павлины, голуби. Все эти черты были частью заимствованы из действительной истории их земной жизни, а частью являются поэтическими аллегориями, внутренний смысл которых для нас не всегда ясен.

17. Эномай, Эвгемер, Лукиан и многие другие мыслящие люди открыто издевались над божествами за то, что они прикреплены к определенным местам, где каждый занимается своим особым ремеслом. Так, Аполлон имел осведомительное бюро и предсказывал судьбу в Дельфах; Эскулап открыл аптекарскую лавку в Пергаме; Венера содержала знаменитый дом свиданий в Пафосе; у Вулкана была кузница на Лемносе. Некоторые из богинь были повивальными бабками, другие охотницами; и все они промышляли где только могли, ибо подобно нам, смертным, каковыми они и были прежде, они в случае неудачи в одном месте переходили в другое, более благоприятное для их деятельности. Так как все события жизни считались последствиями любви или немилости богов, то люди изобрели разные способы благодарить или умиловивлять их. В частности они приносили им (чтобы заручиться их благословением на остальное) первые плоды своих стад и полей, помимо тех десятин и приношений, которые они были обязаны уплачивать своим земным владыкам. И не было почти ни одной вещи, которая не приносилась бы в жертву, ибо то, что было ненавистно одному богу, доставляло радость другому, а иные требовали даже человеческих жертв, что свидетельствует об их кровожадном нраве во время жизни на земле. Часто мы видим их крайне возмущенными тем (как это нередко бывает с земными владыками и вельможами), что их алтари остаются без внимания, особенно когда народ в то же время чествовал других богов. И люди, в свою очередь, часто упрекали богов в неблагодарности и даже низвергали их идола (будучи по временам склонны к мятежу), когда считали себя недостаточно вознагражденными за свои богатые дары и приношения.

18. Правда, наиболее просвещенные и добродетельные из людей не раз приходили к более правильным взглядам на вещи, но эти взгляды были большею частью весьма неустой-

чивы и неясны, главным образом ввиду тех преследований, которые неизбежно должны были обрушиться на истину и на всякую попытку коренной реформы, свидетельством чему служит смерть Сократа. Как можно видеть у Плутарха, истинная причина слабого развития или по крайней мере малой распространенности науки о звездах и планетах заключалась в том, что простой народ никогда не позволил бы сделать их предметом философского исследования и объяснять обыкновенными законами природы, необходимыми причинами и слепыми силами движение светил, которые он считал разумными, вечными и бессмертными богами ¹⁾. Поэтому, когда Анаксагор открыл, что луна светит отраженным солнечным светом, и объяснил, таким образом, ее рост и ущерб, он не посмел обнародовать эту свою теорию, но тайно сообщил ее весьма немногим, да и то лишь связав их предварительно обетом молчания. Правда, очень многие выдающиеся люди в Европе и Азии отлично понимали происхождение народных религий и даже решались иногда обличать перед другими их пустоту, неудовлетворительность и лживость. Но людей, утверждавших таким образом единство божества и разоблачавших суеверия, не следовало бы причислять к язычникам, ибо это выражение означает, собственно, идолопоклонников, верующих во многих богов и претендующих на особые откровения от них, а также практикующих разнообразные обряды, установленные в их честь: евреи (которые относили всех людей, кроме самих себя, к этой категории) называли их обыкновенно «народами», откуда и произошло слово *gentiles*, «язычники». И поэтому все те, кто были достаточно проникательны, чтобы понять, и достаточно смелы, чтобы восстать против нелепостей и надувательств этого богословия, получили прозвище атеистов, и толпа, подстрекаемая жрецами, расправлялась с ними соответствующим образом. Некоторых, особенно из числа философов, подвергали денежным взысканиям и бросали в тюрьмы, других ссылали, третьих приговаривали к смерти, многие были разорваны чернью, и все без исключения заклеены позорной кличкой безбожников за то, что они не верили в мистерии и разоблачали благочестивые плутни своего времени. И если среди языч-

1) Vita Nicipac.

ников подобные явления встречались реже, чем среди христиан, то это едва ли заслуга языческих жрецов; ибо помимо того, что большинство последних мало чем отличались от гражданских чиновников и большей частью не были пожизненными носителями духовного сана, они находились еще в полном подчинении у государства, тогда как христианские священники (за исключением очень немногих протестантских стран) держат в своих руках правительство и являются неограниченными духовными владыками мирян. Рассуждая о древних, мы должны поэтому объяснять их здравые понятия и нравственные правила светом разума, а в язычестве видеть извращение последнего. Игнорирование этого различия было причиной бесчисленных ошибок. Одни опрометчиво утверждают, что язычество представляло собою более надежное основание для добродетели, чем христианство, тогда как в крайнем случае можно было только сказать, что естественный закон часто лучше выполнялся язычниками, чем христианами. Другие считают идолопоклонниками всех, кто жил во времена преобладания язычества—ошибка, грубей которой нельзя себе и представить. Неужели найдется столь глупый человек, который назовет язычником хотя бы Цицерона, который в своих удивительных книгах «О гадании» и «О природе богов» доказал все ничтожество многобожия, жертвоприношений, мнимых откровений, пророчеств и чудес, а также оракулов, птицегаданий, толкований снов, заклинаний и тому подобных плутней? Минуций Феликс, Тертуллиан и другие древние апологеты христианства заимствовали свои сильнейшие доводы против язычества из этих и подобных книг, часто воспроизводя их дословно. Арнобий, воздав должное другим, заявляет, что если бы сочинения Туллия читались, то христиане могли бы не брать на себя труд писания ¹⁾. Сказав, что Цицерон низвергал богов с большой прямою, последовательностью и смелостью и с еще большим благочестием, он сообщает, что многие язычники не только носили за это его книги и избегали читать их, но даже обращались в сенат с просьбой об их сожжении; «а между тем,—как хорошо говорит тот же Арнобий,—уничтожить эти книги или воспретить их свободное

1) Adversus Ge . . . 1. 3.

чтение значило бы не защищать богов, а бояться свидетельства об истине». Я мог бы назвать еще многих других, замечательных своим мужеством, благочестием или нравственным характером, которые были гораздо дальше от идолопоклонства, чем те, кто их уличает в нем; называть их язычниками так же неосновательно, как считать магометанами всех жителей Мекки, даже и не верующих в Коран. Те, кто относят последних к магометанам, а первых к язычникам, доказывают только, что они не понимают значения этих слов и не замечают различия между естественным законом и всеми положительными учреждениями.

19. Резюмируя, мы можем сказать: религия язычников (как противная или чуждая свету разуму) была такова, что не могла оказывать особенного влияния на добрые нравы в этой жизни и давать сколько-нибудь твердую опору против страха смерти. Правда, многие из язычников, стесняясь признать свою религию столь нелепой и смешной, какой она казалась, особенно в изображении поэтов, хотели видеть в своих бесчисленных богах только разные наименования, атрибуты и сферы действия некоего единого существа, будь то солнце, или Вакх, или какой-нибудь другой бог, которого они особенно чтили. Законодатели постарались придать всему делу возможно лучший вид и, не пускаясь в трудные исследования о том, что истинно и что ложно, санкционировали все, что способствовало сохранению порядка среди людей, что побуждало их к добродетели путем примера и мысли о воздаянии и отвращало от порока посредством наказаний и немилости. Другие, люди с философским складом ума, превращали все религиозные учения в аллегорическое повествование о чисто естественных явлениях, в которых проявляется сила и благость божества. Из этого тройного способа рассмотрения возникло знаменитое различие поэтического, политического и философского богословия. Впрочем, более пронырливые люди смеялись над этими уловками, отлично понимая, что невозможно дать сколько-нибудь сполную апологию большинства религиозных сказок. И Цицерон порицает поэтому стоиков за их утверждение, что все греческое богословие имело некоторый тайный внутренний смысл. «Сначала Зенон,—говорит он,—затем Клеанф и наконец Хризипп взяли на себя большой и совершенно напрасный

труд—дать разумные объяснения баснословным вымыслам и истолковать названия всех богов. Это доказывает, конечно, что они не верили в буквальную истину всего этого»¹⁾. Укажу, как на образчик этих аллегорических толкований, что Юпитер и Юнона обозначали у них воздух и облака; Нептун и Фетида—море и волны; Церера и Вакх—землю и все ее плоды; Меркурий и Минерва—умственные способности, проявляющиеся в науке, искусствах, торговле и т. д.; Купидон и Венера—наши серьезные влечения и любовные порывы; Марс и Беллона—раздоры и войны; Плутон и Прозерпина—руды, сокровища и вообще все, что скрыто в недрах земли. В таком же духе они объясняли и всех остальных богов, и так как аллегорические толкования столь же свободны, как наша фантазия, то едва ли найдутся два автора, объяснения которых вполне бы совпадали. Но если даже предположить, что некоторые из них, или все они, были в сущности правы, то все же их религия не становилась от этого лучше и все равно заслуживала уничтожения, ибо, каковы бы ни были умозрения немногих ученых людей, ясно, что простой народ считал всех своих богов подлинными реальными божествами, которых он весьма боялся и которым воздавал божеские почести,—не говоря уже о трудах и расходах, связанных с исполнением обрядов, и об основанном на обмане господстве жрецов. Это ясно понимал Цицерон, который, перечисляя разные виды языческих богов, говорит: «Еще из другого источника, именно из источника природы, произошло великое множество богов. Облеченные в человеческую форму, они дали поэтам темы для вымыслов, но в то же время заполнили жизнь людей всевозможными суевериями». То же самое следует сказать о наших святых и иконах; ибо, несмотря на тонкие различия между высшим или безусловным и низшим или относительным поклонением, все простолюдины остаются самыми отъявленными идолопоклонниками. А что касается многочисленности религиозных предписаний и власти бессовестного духовенства в тех местах, где существует культ святых, то по сравнению с ними суеверия всего остального мира, вместе взятые, составили бы

---

¹⁾ De Nat. deor., l. 3.

²⁾ De Nat. deor., l. 2.

очень простую и удобную религию. При этом мы не должны забывать, что это новое идолопоклонство христиан основано, так же, как и идолопоклонство древних язычников, на чрезмерном почитании скончавшихся мужчин и женщин и было искусственно доведено до таких размеров священниками, которые примером святых побуждают людей выполнять их, священников, предписания, всегда направленные к увеличению их собственной славы, власти и выгоды.

20. Современные язычники, населяющие большую часть Африки, обширные пространства Азии, почти всю Америку и несколько уголков Европы, весьма приближаются по своим взглядам к древним (почему я и отложил упоминание о некоторых вещах до настоящего параграфа, чтобы избежать повторений). Но, как и древние, они в разных местах придерживаются разных взглядов. У них есть свои космогонии, т.-е. представления о сотворении мира, и свои теогонии, т.-е. родословные богов, которых одни из них считают равными, а другие подчиненными друг другу, одни считают всех добрыми, а другие всех злыми. Многие признают два верховных начала добра и зла, вроде Ормузда и Аримана древних халдейцев. Есть и такие, которые верят в единое божество— с служащими ему низшими духами или без них; и такие, которые утверждают, что мир вечен и бесконечен и что все происходит в силу непреклонного постановления рока. Столь же различны их мнения о провидении, о продолжительности существования мира, о загробном состоянии, о том, бессмертна ли душа, и если бессмертна, то ограничена ли после смерти каким-нибудь определенным местопребыванием, или переходит из одного тела в другое (последнее мнение преобладает). Бесчисленные обряды и церемонии их культа весьма разнообразны: животное, которому одно племя поклоняется как богу, другие племена приносят в жертву своим богам; телодвижения и одежда, освященные у одних религиозным употреблением, отвергаются другими как непристойные. Ибо, как замечает Ювенал по поводу древних египтян:

Так велико безумье толпы, что каждая местность
Злобу питает к богам соседей и требует веры
Только в свои божества ¹⁾.

¹⁾ Sat. 15.

Богослужение язычники совершают на вершинах холмов под открытым небом или в храмах, в рощах, в пещерах. Они верят в добрых и злых демонов, в духов, охраняющих места и людей. Жрецы и жрицы разделены у них на несколько разрядов; во многих местах существуют особые заведения для их воспитания и духовные обители, в которых они живут. Язычники имеют свои священные книги, свои предания, свои иконы; у них есть и мнимые чудеса, и откровения, и пророчества, и оракулы, и всевозможные виды гаданий. Бывают у них веселые собрания, когда они едят и пьют, поют песни и пляшут перед своими богами; бывают и более мрачные времена, когда они умерщвляют свою плоть не только суровыми постами, половым воздержанием, грубыми власяницами, далекими поломничествами и т. д., но даже жгут и бичуют, режут и терзают свои тела самым жестоким образом, воображая, что делают нечто угодное божеству, причиняя себе таким образом вред без всякой пользы для кого бы то ни было. Когда им указывают на бессмысленность и нелепость какого-либо их обряда или учения, они тотчас возражают, что нет ничего невозможного для высших сил и что все это тайны, непостижимые для ограниченного ума человека,—как об этом можно прочесть в описаниях почти всех путешественников.

21. Дав, таким образом, беглый обзор древнего и нового язычества, мы можем теперь отметить, что почти все пункты этих суеверных идолопоклоннических религий воскрешены в такой же или еще более грубой форме многими христианами у нас на Западе и всеми восточными сектами. Сюда относятся: жертвоприношения, каждения, свечи, иконы, омовения, праздники, музыка, алтари, паломничества, посты, безбрачие духовенства, освящения, прорицания, заклинания, поклонения умершим мужчинам и женщинам, канонизация все новых святых, посредников между богом и людьми, добрые и злые духи, ангелы-хранители, вышние покровители мужского и женского пола, которым посвящаются храмы и воздаются каждому особые почести и между которыми распределяются не только отдельные места, но также разные благодетельные функции и власть надо всем, в чем может нуждаться и чего может хотеть человек. Не все перечисленное,

конечно, наблюдается повсюду в равной мере; но в большей или меньшей степени все эти суеверия встречаются везде, и там, где они не установлены законом, они внушаются воспитанием. Но как мало достойны имени христиан люди, защищающие то самое, что пришел уничтожить Иисус Христос, ясно для всякого, кто считает христианство не политической партией или пустым звуком, а учреждением, предназначенным совершенствовать нашу нравственность, внушать нам правильное представление о божестве и, следовательно, искоренять все суеверные мнения и обряды. Мы имеем тут в прямом и точном смысле слова антихристианство, ибо ничто не противоречит в такой степени учению Христа; и поскольку кто-нибудь заражен вышеописанными суевериями, постольку он язычник или иудей, но не христианин.

22. Последнее замечание является данью уважения религии и истине; и вообще я думаю, что удовлетворение человеческой любознательности само по себе еще не делает чести научным исследованиям, если они не ведут читателя вместе с тем на стезю добродетели и мудрости. Все вышеизложенное, сударыня, является замечательным доказательством и примером того, до каких удивительных степеней сумасбродства способен дойти человек, а также того, что во все времена суеверие остается одним и тем же, как бы ни менялись его названия и как бы различны ни были его предметы и степени его развития, в зависимости от большей или меньшей степени свободы совести и слова в данной стране. Если же кто-нибудь станет удивляться тому, как это люди могли свернуть с прямого и легкого пути разума в такие непроходимые дебри, то пусть он только вспомнит, что во многих крупных странах простое учение Иисуса Христа выродилось в самые нелепые догматы, в непонятный жаргон, смешные обряды и непостижимые таинства и что почти во всех уголках мира религия и истина были превращены в суеверие и чародейства. Словом, все содержание настоящего длинного письма прекрасно выражено в следующих четырех строчках, повторяемых всеми:

Ту религию, которой учит нас сама природа,
Сказки в тайну превратили, вклады—в выгодный обмен;
Духовенство в дни закланий на глазах всего народа
Пьет вино и ест жаркое, а народ ни сыт, ни пьян.

Я боюсь, что когда вы дойдете до этого места, вы будете столь же утомлены чтением моего письма, как я утомлен сейчас его писанием. Поэтому, сударыня, в интересах нас обоих я больше ничего не прибавлю, кроме заверения, что никогда не перестану быть вашим преданнейшим и покорнейшим слугой.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ,

адресованное некоему господину в Голландии и показывающее, что философская система Спинозы лишена какого бы то ни было основания

1. Вы, сударь, совершенно правы, думая, что в столь очаровательном уединении я вкушаю наивысшее, возможное на нашей земле блаженство: *телесное здоровье и душевное спокойствие*. Не говоря уже о чистоте воздуха, в этой местности доступны все виды охоты; и моим соседям, повидимому, не знакомы никакие иные проявления обмана или насилия, кроме тех, которые они применяют в отношении диких зверей, дичи и рыбы. Вы не сможете прочесть в их взорах (что возможно при общении с вашими болтливými и деловитыми согражданами) об успешных или неуспешных действиях флотов и армий; они столь же мало знают о международных делах, сколь и о событиях, происходящих в междупланетных пространствах; и если они иногда осведомляются друг у друга о положении при дворе, то не для того, чтобы узнать, кто попал в милость, а кто в опалу, кому предстоит занять министерский пост, а кому его покинуть, но только для того, чтобы знать, как ведется общее дело нации, как охраняются ее безопасность, богатство и могущество. Всякого, кто способен на такое дело и действительно осуществляет его, они почитают своим лучшим другом; и никакая партия, каковы бы ни были ее наименование и цели, не может восстановить их против него.

2. Но, сударь, я никоим образом не могу оправдать ваше опасение, будто нечто, исходящее от вас, способно нарушить покой, вкушаемый мною в обществе столь добродушных людей, ибо каждое письмо от вас столь же приятно и поучительно, сколь проста и искрення их беседа. Ваши изысканные выражения в похвалу Спинозы я не могу осудить,

как не осуждаю Лукреция за те чрезмерные словословия, которые он при всяком удобном случае расточает Эпикуру; ибо, поскольку Спиноза является в ваших глазах исключительной личностью, столь несравненно превышающей средний уровень человека и своими открытиями превосходящей всех философов, вы, конечно, не можете отзывать о нем более сдержанно, чем это делаете, а будь вы поэт, вы бы заговорили еще более выпренним слогом.

3. Что касается меня, я всегда буду далек от утверждения, будто Спиноза вовсе ничего путного не сделал, раз он оказался столь беспомощным во многих вопросах. Напротив, у него были кое-какие счастливые мысли, и вообще он, повидимому, был человеком исключительно одаренным от природы, но образование его (если исключить его познания в некоторых областях математики и в равнинской мудрости), видимо, было весьма ограниченным. Равным образом я готов согласиться с вами, что он был человеком доброй нравственности, строго соблюдал законы своей страны и не был юдержим низкой страстью любостяжания. Но ведь и древняя история, и нынешний наш опыт с несомненностью свидетельствуют как о том, что глашатаи истины не всегда бывали величайшими святыми, так и о том, что проповедники ложных учений часто бывали в жизни людьми весьма достойными. И вы знаете, что господин Бэйль в своей книге «Мысли о кометах» с очевидностью доказал, что даже атеизм не приводит по необходимости человека к греху, хотя он и признает, что соображения безопасности, доброго имени и личного интереса не являются столь же надежной защитой от безнравственности, как учение религии. Я соглашусь, далее, с вами, что противники Спинозы ничего не доказали его ученикам теми оскорбительными и позорными эпитетами, которыми они забрасывают не столько его учение, сколько лично его самого; подобные мелкие и постыдные приемы, свойственные одним только лжецам и противные как религии, так и обычным правилам учтивости, хотя и способны привести в бешенство суеверную толпу, но никоим образом не могут повлиять на здравомыслящих людей, судящих о вещах, каковы они есть, а не каковыми они изображаются яростными и пристрастными противниками.

4. Не подумайте, сударь, что я обнаруживаю такую умеренность в суждениях только из снисхождения к тому благоговению, с каким вы относитесь к памяти Спинозы, или же что в настоящее время я более склонен соглашаться с его теориями, нежели, как вы знаете, был склонен раньше. Ничуть: дело только в том, что, по моему мнению, в чисто умозрительных вопросах так следует относиться ко всем вообще людям, предоставляя безнравственные их поступки (если они в них повинны) усмотрению закона и бдительности судей. И я до такой степени далек от согласия с теми пунктами, по поводу которых мы с вами спорили у вас в доме, что я даже высказываю уверенность, что вся система Спинозы не только ошибочна, но в корне неверна и лишена какого бы то ни было основания. Я не отрицаю тем самым, что в его книге встречаются отдельные верные мысли, подобно тому как в других, лучших книгах встречаются вкрапшиеся в них по небрежности ошибки, но я настаиваю, что ни одна из этих верных мыслей не вытекает из его системы, которая, будучи произвольной и лишенной всяких твердых основ, не способна разрешить ни прежних, ни будущих затруднений и не может дать лучшего обоснования общепринятым взглядам.

5. Пусть даже не было никогда более честного человека, все же, я полагаю, вы не считаете его свободным от некоторых человеческих слабостей, коим подвержены и самые лучшие люди. Я лично склонен предположить, что его главным недостатком было неумеренное стремление сделаться главою направления, иметь учеников и дать свое имя новой философской системе, чему он видел свежий и соблазнительный пример в удаче своего учителя Декарта. Я думаю так не потому, что Спиноза употребляет выражения «моя философия», «наша система» и иные, им подобные; и я не стал бы обвинять в таком самомнении человека, который действительно делает какие-либо открытия или даже преобразует весь облик философии и вводит в нее совершенно новые методы, ибо такой человек, без всякого сомнения, руководствуется исключительно любовью к истине и благом всего общества, и ниспровергает лишь то, что действительно считает вредным, ошибочным или бесполезным. Сократа, несмотря на великое преобразование, совершенное им в фило-

софии, никогда не заподозревали в желании сделаться главою повой сскты, и Цицерон весьма правильно отмечает 1), что его ученики умножили свои разногласия, распались на партии и испортили его учение, когда стали из этого учения созидать систему, при помощи которой они явно пытались объяснить тысячу вещей, о которых сам Сократ никогда и не думал, и в которую, как мы знаем, они силились втиснуть даже всякие нелепые умозрения, которые он отбрасывал как бесполезные для жизни, отнимающие время, не имеющие отношения к сущности вещей и вовсе недоступные пониманию.

6. Но когда человек строит целую философскую систему без всяких основных начал или же на основании непрочном, а потом, когда ему указывают на его ошибку и на затруднения, с нею сопряженные, все же не устрояет ее, не считается с затруднениями, вытекающими из установленных им принципов, и вообще не признает своего заблуждения, — тогда мы в праве предположить, что он слишком влюблен в созданный им мир (ибо таковым является философская система) и, вследствие этого, неспособен допустить возможность построения более совершенной теории. Наоборот, человек, не имеющий иной цели, кроме обнаружения и распространения истины, и не склонный довольствоваться фантазиями и предположениями, попав в подобное положение, не устыдился бы признать свою ошибку и исправить ее.

7. Теперь посмотрим, заслуживает ли Спиноза того обвинения, которое я выдвинул против него. Я постараюсь это обвинение как следует подкрепить доказательствами, а роль судьи предоставляю вам, не взирая на то, что вы столь явно обнаруживаете свое пристрастие к этому философу. Мне нет надобности доказывать рьяному его поклоннику, что он признает во всей вселенной только одну субстанцию, иначе говоря, считает, что материей всех вещей во вселенной является единое непрерывное сущее, повсюду однородное, хотя и многообразно изменяющееся и паделенное неизменными, существенными и неотделимыми атрибутами. Из этих атрибутов (которые, по его предложению, вечны, как и субстанция, к которой они принадлежат) главнейшими он считает протяжение и мышление; но вместе с тем он допускает бесчис-

1) *Academicæ Quaestiones*, l. 1.

ленное множество и других атрибутов, назвать которые он не потрудился. Он нигде даже не намекнул, что одним из них является движение; а если бы он и сделал это, мы не поверили бы ему на слово, как не поверили бы и в том случае, если бы он стал это доказывать столь же убедительно, как свое положение о том, что каждая часть и частица материи всегда мыслит,—положение, противное разуму и опыту, которые в равной степени доказывают протяжение материи. Каково бы ни было мыслящее начало в животных, во всяком случае мышление не может осуществляться иначе, как деятельностью мозга. Мы, люди, не сознаем в себе никаких мыслей, когда функции мозга приостанавливаются; мы знаем, что мыслим при помощи мозга, и только его одного; и мы не наблюдаем признаков мысли ни в чем, что лишено мозга, тогда как каждое существо, имеющее его, явно обнаруживает своими поступками некоторую степень мышления. Относительно ухищрений Спинозы, пытающегося мнимыми доводами рассудка доказать то, что опровергается опытом, я, быть может, сообщу вам мои мысли в другой раз, так как сейчас в намерение мое входит не опровержение всех его заблуждений по порядку, а только раскрытие полной необоснованности всей его системы, вследствие чего разом рушится и все то, что на ней построено.

8. Мы единодушно признаем, что постоянные изменения в материи суть следствия движения, производящего бесчисленное множество разнообразных форм, сочетаний и чувственных качеств. Но мы должны делать различие между пространственным движением и движущей силой, или активностью; ибо пространственное движение есть только перемена в положении, т.-е. последовательное приложение одного и того же тела к существующим частям некоторых других тел. Это движение не есть, стало быть, нечто отличное от самого тела, не есть какая-нибудь реальность в природе, но только модус, или представление о его положении, и следствие некоей силы, или активности, вне этого тела или в нем самом. Хотя элементарные правила движения суть лишь наблюдения, получаемые из опыта о том, что обычно происходит при пространственном движении, или же вероятные выкладки, выведенные из этих наблюдений,—однако активность, или движущая сила, часто равным образом именуется

движением, благодаря чему следствие смешивается с причиной, что и породило множество недоумений и нелепостей. Всякий, кто касался вопроса о наблюдаемых в материи различиях, либо должен был причиною их полагать активность, либо работал бесполезно, ибо, приняв эту причину, мы можем легко объяснить пространственное движение как ее следствие, в противном же случае оно необъяснимо. Математики обыкновенно принимают движущую силу за нечто данное и рассуждают о пространственном движении, как они его находят, не слишком озабочиваясь вопросом об его происхождении; но философы поступают, или, лучше сказать, должны бы поступать, иначе.

9. Поэтому всякий, кто принимается объяснять из первых причин происхождение мира, его нынешний механизм и состояния материи, должен начать с первых причин движения, ибо в голом понятии протяжения не заключается никаких признаков разнообразия и никаких причин изменчивости. И раз очевидно, что только активность способна производить изменения в протяжении, эта активность, или начало движения, должна быть хорошо выяснена и установлена, иначе вся система вскоре окажется несостоятельной. Если рассматривать активность как нечто данное, система будет только гипотезой; если же ее доказать и разъяснить, тогда можно надеяться достигнуть большей достоверности, чем имелось до сих пор в естественной философии. Таким образом, недостаточно исходить в своих построениях из понятия пространственного движения, которое, как мы сказали выше, есть только следствие активности, как и прочие явления природы, например—покой, ныне всеми признаваемый не за нечто отрицательное, не за состояние абсолютного бездействия, так как для удержания тел в состоянии покоя требуется столько же силы, сколько и для приведения их в движение. Пространственное движение и покой суть, следовательно, только относительные термины, переходящие модусы, а не положительные реальности.

10. Нелегко определить, каковы были истинные мнения древнейших мудрецов Греции, но в большинстве своем философы, начиная с Анаксагора, всегда утверждали, что материя сама по себе бездейственна, что она мертвая и тяжелая глыба и что движение ей сообщило божество (как нечто

отличное от материи)—впрочем, способом, превышающим человеческое разумение. Затем они старались показать, какие изменения произвело в материи движение, какие вследствие этого образовались частицы различной массы и формы и как вселенная и все ее части пришли к настоящему своему состоянию. Спиноза, наоборот, не признает существа, отдельного или отличного от субстанции вселенной, такого существа, которое сообщило бы ей движение, если она от себя не обладает им, и непрерывно сохраняло бы его. Он исходит из общепринятых понятий о пространственном движении и не приводит в объяснение его ни одной причины, не желая допустить наличия толчка со стороны всемогущего божества и не умея (в чем вы сейчас убедитесь) подыскать иное—лучшее или хотя бы столь же удовлетворительное объяснение. Он, вместе с тем, придерживается того взгляда, что материя по природе своей бездействена: во второй части своей «Этики», или системы философии (предложение 13-е, аксиома 1-я), он прямо говорит, что «все тела либо движутся, либо пребывают в покое». И чтобы было совершенно ясно, что он имеет в виду не относительный покой и не сопротивление со стороны других тел, он в доказательстве второй леммы утверждает далее, что «все тела могут быть либо в абсолютном движении, либо в абсолютном покое». Нельзя выразиться более определенно! Но если некоторые или все частицы материи могут оказаться в абсолютном покое, они должны будут вечно пребывать в таком состоянии, раз нет внешней причины, могущей привести их в движение, а такой причины Спиноза нигде не указал. Кроме того, значит и вся материя может быть бездействена, раз это возможно для одной какой-либо ее части.

11. Спиноза нигде в своей системе не сделал попытки определить понятия движения и покоя, что, будь то сделано с умыслом или без него, для философа является непростительным. А между тем он сам говорит в своей «Этике»: «Движение и покой суть причины всяческого разнообразия в телах»¹⁾, откуда «проистекают отличия отдельных тел»²⁾, и «от движения и покоя происходит бесконечность вещей».

1) Лемма 1-я перед предложением 14-м второй части.

2) Доказательство леммы 3-й перед предложением 14-м второй части.

В дальнейшем своем изложении я не стану ссылаться ни на какие его другие книги, так как в его «Богословско-политическом трактате» ему не представилось случая касаться этих вопросов, а в одном из своих писем он сам заявил, что не принимает на себя ответственности за изложенное им в доказательстве «Декартовых начал», и это же он заставил оговорить в предисловии к названной книге издателя Мейера, что тот и сделал. Объясняется это тем, что, составляя эту работу по просьбе одного из своих учеников, он основывал свои доказательства на определениях, постулатах и аксиомах Декарта, которые он берет лишь в качестве предположений, но не признает их истинными. Таким образом «Этика» (к каковому наименованию он свел свою философию) есть его настоящая система, и только в ней и в его письмах следует искать его подлинные философские убеждения. Установив это (как того требует справедливость), мы уже не обязаны доказывать путем умозаключений, что он не считал движение вечным атрибутом материи; и если бы он даже высказался в этом смысле, мы бы все равно не поверили ему без достаточных оснований. Но, повторяю, мы освобождены от необходимости доказывать это посредством умозаключений, ибо он сам определенно утверждает противное, а ведь сам он несомненно наиболее правомочен знакомить нас со своею точкою зрения. В первом своем письме к Ольденбургу, сообщая ему кое-что из своей «Этики», он пишет: «Следует иметь в виду, что под атрибутом я разумею все то, что понимается через себя и в себе, и притом таким образом, чтобы понятие его не включало в себя (или не предполагало) понятия чего-либо другого; так, например, протяжение понимается через себя и в себе, но не движение, ибо оно понимается как присущее чему-то другому, и понятие о нем включает в себя протяжение». Это сказано чрезвычайно ясно и решительно; но мы не станем сейчас рассматривать, справедливо ли это, или нет в отношении протяжения, которое есть только отвлеченное понятие, столь же мало постигаемое без субъекта, как и движение.

12. Итак, Спиноза, который сам в своей «Этике» ставит себе в заслугу, что выводит все вещи из их первопричин (по терминологии ученых—*a priori*), Спиноза,—говорю я,—не объяснивший, каким образом материя приводится в дви-

жение и каким образом движение сохраняется, не признавший бога первым двигателем, не доказавший и не предположивший даже, что движение является атрибутом (он утверждал обратное), и вообще не разъяснивший, что такое движение,—не сумел показать, каким образом разнообразие отдельных тел возможно примирить с единством субстанции, т.-е. с тождеством материи во всей вселенной, откуда я уверенно заключаю, что его система вконец неверна и лишена какого бы то ни было основания, что она не продумана и нефилософична. Но, опасаясь, как бы ваше пристрастие не толкнуло вас на мысль, что столь великий человек не мог же в самом деле оступиться на самом пороге и что он, вероятно, где-нибудь да исправил эту громадную ошибку, чего я, повидимому, не заметил,—я высказываю надежду, что вы поверите его собственным словам, обращенным к человеку, который, хотя и не приносил присяги верности его философии, но теоретические разногласия которого со Спинозой, должно быть, столь же мало отражались на их дружеских отношениях, как это имеет место и у нас с вами. Все те истинные изумительные проволочки, уловки и извинения, при помощи которых Спиноза пытался избежать необходимости опровергать возражения, делавшиеся ему по этому пункту, лишний раз убеждают меня, что он не в силах был расстаться со своей системой и с надеждой сделаться главою нового направления.

13. Но как бы там ни было (мы ведь не в праве быть слишком настойчивыми в угадывании мыслей покойников), автор шестьдесят третьего письма, помещенного в его посмертных сочинениях, обратился к нему с весьма разумной и скромной просьбой, которая, при отсутствии удовлетворительного на нее ответа, опрокидывает, как мы уже показали, все построение его философии. «Если,—пишет его друг,—тебе досуг и обстоятельства позволяют, я покорнейше прошу дать точное определение движения, а также толкование этого определения, и еще объяснить, каким образом (раз протяжение, рассматриваемое в самом себе, неделимо, неизменно и т. д.) мы а priori можем вывести возможность возникновения столь многочисленных разнообразий и, следовательно, существование форм в частицах какого-либо тела, которые ведь в каждом теле разнообразны и отличны от форм частей,

составляющих образ другого тела». Так! Что же говорит Спиноза? Может быть, он указывает своему другу то место в своих сочинениях, где уже об этом сказано? Ничего подобного! В следующем письме он отвечает вот как: «Что же касается прочего, а именно вопроса о движении, и вопросов, относящихся к методу, ответ на них я откладываю до следующего раза, так как он еще не написан мною как следует». Друг, от которого нельзя было так просто отделаться и которого жажда познания побуждала проявлять нетерпение, вновь напомнил ему, в шестьдесят девятом письме, об этом вопросе. «Я не могу,—пишет он,—без великого затруднения понять, каким образом а ргіогі может быть доказано существование тел, имеющих движение и форму, раз в протяжении, рассматриваемом в самом себе, ничего подобного не заключается». На это Спиноза отвечает, не давая никаких объяснений, в следующем письме: «Не только затруднительно, как говоришь ты, но и вовсе невозможно, исходя из протяжения, понимаемого в смысле Декарта, т.-е. как бездейственной массы, доказать существование отдельных тел; ибо пребывающая в покое материя, *как таковая*, останется в состоянии покоя и не сможет быть приведена в движение иначе, как действием более могущественной внешней причины; вот почему я уже раньше не колебался утверждать, что декартовы начала естественной философии бесполезны, чтобы не сказать нелепы». Друг, достаточно хорошо знавший, что Спиноза не допускает наличия никакой внешней причины, хотя система его (уже законченная к тому времени) еще не появлялась в свет, с еще большей настойчивостью, чем прежде, просил его высказать свои мысли вполне открыто, так как до сих пор он прикрывал их общими рассуждениями. «Я хотел бы,—пишет его друг в семьдесят первом письме,—чтобы ты сообразовал по этому вопросу указать мне, каким образом, по твоей мысли, может быть обнаружено, что разнообразие вещей вытекает из понятия протяжения, раз ты помянул мнение Декарта, который утверждает, что не может иначе вывести это разнообразие из протяжения, как только предположив, что оно возникло в нем из движения, вызванного богом. Декарт, по моему мнению, выводит, таким образом, существование отдельных тел не из пребывающей в покое материи, если только ты не считаешь ни за что пред-

положение о божественном двигателе; во всяком случае сам ты не показал, каким образом это существование необходимо следует из сущности бога а priori, тогда как Декарт, поставив себе эту задачу, нашел, что она превышает человеческое разумение. Поэтому я прошу тебя разъяснить этот вопрос, будучи вполне уверен, что у тебя относительно него есть и другие мысли, разве что какие-либо неблагоприятные обстоятельства препятствовали тебе до сих пор в нем разобраться». Автор этих строк справедлив к Декарту, ибо, хотя система последнего в лучшем случае только остроумный философский роман, все же он никогда не был столь небрежен или неточен, чтобы выводить разнообразие и различие тел из чистого понятия протяжения, а потому предположил, что бог первоначально дал косной глыбе толчок, в силу которого последовательно возникли вещества его первой, второй и третьей стихий, а из них, по описанному им способу, произошел распорядок всей вселенной. Но раз Спиноза не предполагает этого принципа и не устанавливает иного для объяснения разнообразия отдельных тел в общей тождественности субстанции, то вы, я не сомневаюсь, признаете, что без какого-либо ухищрения, пристрастия или интереса я ясно доказал то, что взялся доказывать, а именно, что его философия построена не на очевидном или правдоподобном основании, а только на произвольных предположениях, из которых он выводит то, что он и его последователи именуют доказательствами. Для него был привычен этот прием доказывать геометрическим методом то, что он сам считал ложным, так как он уже раньше применил этот метод к доказательству декартовых начал. Но именно эта его работа является знаменательным примером того, как легко люди поддаются обману этого метода (по существу, впрочем, безусловно верного), если они не приучились делать длинные дедукции, не упуская ни одного звена в цепи, если они принимают за самоочевидное то, что само еще требует доказательств, или же считают нечто доказанным, следуя только авторитету других или своему собственному пристрастию. Но вернемся к другу Спинозы: ответ, полученный им на его последнюю просьбу, ограничивается общими словами. В самом деле, в семьдесят втором письме, отвергнув сперва декартово определение материи, Спиноза пишет сле-

дующее: «Относительно твоего вопроса, может ли разнообразие вещей быть доказано а priori из чистого понятия протяжения, мне кажется, что я уже показал, что это невозможно и что, следовательно, данное Декартом определение материи через протяжение—невозможно, так как материю надо по необходимости объяснять через какой-нибудь атрибут, выражающий вечную и бесконечную сущность. Но об этом, если буду жив, я, быть может, побеседую с тобою пообстоятельнее в другой раз, потому что до сих пор мне еще не удалось изложить в порядке свои мысли об этом». Мы знаем, что он не удосужился изложить как следует свои мысли о движении, и считаем, что это наиболее непростительно, потому что, хотя его «Этика» и была к тому времени закончена, все же он имел полную возможность вносить в нее любые изменения и добавления или же исключить из нее все, что бы ему ни вздумалось, ибо книга эта была опубликована только после его смерти. Во всяком случае, движение не может быть тем атрибутом, который он здесь подразумевает, ибо он раньше определенно заявлял противное, и во всех его сочинениях нет ничего, что говорило бы в пользу такого толкования.

14. Я не нуждаюсь в лучших доказательствах того, что люди величайшей честности и величайшего ума могут часто делаться жертвами своих предрассудков,¹¹ раз вы, мой друг, никогда не замечали этой погрешности и всегда превозносили Спинозу за то, что он все доказывает а priori. В вашем письме ко мне от 10-го текущего месяца вы, наоборот, настойчиво указываете на затруднения, обычно сопутствующие всем теориям движения, считая, повидимому, очевидным, что вашим героем вопрос разрешен удовлетворительно. Но теперь вы должны убедиться в противном. Поэтому, покончив со Спинозой и обращаясь непосредственно к вам, я хочу отметить, что указываемые вами затруднения по большей части относятся к людям, смешивающим причину со следствием, иначе говоря—движущую силу с пространственным движением; и когда они думают, будто дают верное определение движению, они на самом деле говорят только, что движение есть движение, лишь слегка разнообразя свои термины. Если, указав на мяч, катящийся по лужайке, попросить их определить, что такое движение, они важно

ответят, что *это есть удаление некоего тела от других тел*, и т. п., а это не хуже философа знают и играющие в мяч, сжедневно видя это собственными глазами. Объяснение причины этого удаления—*вот что они хотели бы услышать*, а в этом вопросе философ обыкновенно такой же невежда, как и они сами.

15. Вы совершенно верно отмечаете, что даже те, кто тщательно различает причину и действие, приходят в великое смущение, когда дело касается «движущей силы» как таковой: что это за сила, где она пребывает—в материи или вне ее, каким способом она движет материю, каким образом переходит из одного тела в другое, не разделяется ли между многими телами, покуда остальные пребывают в покое? Таких загадок тысячи. Поэтому, будучи не в состоянии отыскать в природе такую реальность, определить, является ли она телом или духом, а тем менее принять ее за модус, потому что (не говоря уже об иных возражениях) никакая акциденция не может переходить от одного субъекта к другому и в каждом данном субъекте быть без свойственной ей причины и потому что, с другой стороны, акциденция может быть полностью уничтожена при сохранении субъекта,—поэтому они вынуждаются в конце концов прибегать к богу и утверждать, что он, первоначально сообщивший материи движение, и поныне порождает и сохраняет его всякий раз (и до тех пор), как представляется к тому случай, и что он фактически соучаствует в каждом движении во вселенной. Но такая система сопряжена с последствиями еще более роковыми, чем те, которых стараются избежать, ибо сторонники ее тем самым уничтожают то, что многими из них говорилось раньше о первоначальном сообщении богом движения материи, как о чем-то по существу достаточном для будущего; они, кроме того, делают из бога виновника всяческого зла в природе, будь движение хотя бы только модусом. Он, значит, фактически движет языком лжесвидетеля, рукою и кинжалом убийцы; этих и иных явных затруднений не могут преодолеть никакие их моральные и физические различия. Но к чему мне тратить слова на обсуждение этой системы, если испокон веков, как замечает Цицерон ¹⁾, когда фило-

¹⁾ De Natura Deorum, l. 3.

софы не знают о причинах чего-либо, они немедленно прибегают к священной охране божества, что решительно ничего не объясняет, а только прикрывает их собственную нерадивость и недалечивидность; но допустить какую-нибудь другую причину, кроме непосредственного вмешательства бога, для такого явления, которого они не в состоянии понять, не позволяет им тщеславие.

16. Вы, быть может, не предвидели, какие сомнения вы готовили для самого себя и какую работу возлагали на меня, когда спрашивали мое личное мнение о движении. Всегда легче указать на чужие ошибки, нежели исправить их, и человек, излагающий собственное мнение (в особенности, когда оно совершенно ново), скорей всего будет ложно понят, пока его мнение не подкреплено доказательствами и объяснениями; но ввиду того, что наша дружба не позволяет мне отказывать вам ни в чем, что в моих возможностях, я в данном случае буду с вами вполне откровенен. Итак, я утверждаю, что *движение есть существенное свойство материи*, иначе говоря, столь же неотделимое от ее природы, сколь неотделимы от нее непроницаемость и протяжение, и что оно должно входить составною частью в ее определение. Но подобно тому, как мы различаем в материи *количество* отдельных тел и *протяжение* целого, при чем эти количества суть лишь некоторые состояния, или модусы протяжения, существующие и исчезающие по своим особым причинам,—таким же образом, чтобы быть лучше понятым, я хотел бы движение целого называть *активностью*, а пространственное движение, будь оно прямое или круговое, быстрое или медленное, простое или сложное, попрежнему называть *движением*, являющимся лишь некоторым изменчивым состоянием активности, которая всегда, в целом и в каждой части, одна и та же и без которой движение не может принимать никаких модификаций. Я отрицаю, что материя есть и всегда была бездейственной мертвой глыбой, находящейся в состоянии абсолютного покоя, чем-то косным и неповоротливым. Я надеюсь, что, когда мне придется писать вам специально по этому вопросу, я сумею доказать, что единственно только эта теория объясняет сохранение количества движения во вселенной, что она одна показывает ненужность и невозможность существования пустоты, что без нее понятие ма-

терии не может быть как следует определено, что она разрешает все затруднения касательно движущей силы и все прочие, о которых мы упоминали выше.

17. Но вы скажете, что, не говоря уже о странности этого моего мнения, я создам себе бесчисленное множество врагов, ибо моя теория разрушает столько гипотез и учений. На это я отвечу, что если кто и обидится, то я никого не желал обидеть, и что все это очень мало меня смущает, лишь бы я сознавал, что мною хоть что-нибудь сделано для раскрытия истины. Моя система не есть система приспособления, подобная тем, какие сочиняют некоторые для примирения различных чужих систем, не будучи уверены сами, что их собственная истиннее прочих. Но если мне удастся доказать по существу дела, а не в угоду или наперекор чьим-нибудь интересам, что *активность есть существенное свойство материи*, что без нее материя не может быть правильно понята и, следовательно, правильно определена, что без этой существенной активности ничего в материи не может быть объяснено и что наличие ее без труда обнаруживается в самых тяжелых и твердых телах,—пусть тогда они бранятся (кому охота браниться) с богом или с природой, а не со мною, их скромным истолкователем. Если даже мне случится опубликовать во всеобщее сведение то, что я теперь пишу другу по этому вопросу, я не рассчитываю нажить себе врагов, ибо люди всех толков всегда объясняют явления природы через движение, и потому те, которые считают материю сотворенной, могут по-своему верить, что бог первоначально наделил ее активностью, как он наделил ее протяжением, а те, которые считают ее вечной, могут по-своему полагать, что она извечно действительна, как она извечно делима; и никогда не смогут они объяснить изменений в природе, не приняв того, что я доказал выше в опровержение Спинозы. Единственная моя забота—доказать, что *материя по необходимости столь же действительна, как и протяженна*, и отсюда объяснить, поскольку в моих силах, ее состояния,—но я вовсе не хочу вмешиваться в споры, которые ведутся другими относительно ее происхождения и долговечности.

18. Вы можете убедиться, сударь, что я располагаю изрядным досугом и что ничто не тревожит меня или, во всяком случае, что я отстраняю от себя всякие тревоги, раз

я в состоянии написать столь длинное письмо по поводу нескольких беглых замечаний в ваших письмах. Но в переписке с вами нельзя не приобрести более широкого кругозора. После стольких философских рассуждений о первоначальном мире я не стану докучать вам тем, что происходит в мире современном; от вас же я прошу только одного одолжения: чтобы в письмах ваших, которыми вы сообразовали бы почтить меня в теперешнем моем уединении (и которых, я надеюсь, будет много), вы не упоминали ни единым словом о последних новостях. Во всех событиях, нам современных, есть нечто, что заставляет нас интересоваться ими больше, чем, по мнению многих, следовало бы. И я тоже, следя за ходом политической жизни, никак не могу удержаться, чтобы не испытывать, подобно другим людям, радости, досады или огорчения; может быть, у меня и есть на это весьма веские причины, но здесь я не хотел бы тревожиться всем этим. Однако из вышеприведенного пожелания я выключаю все, что относится к вашей семье и вашим друзьям, чье благополучие, и в особенности лично ваше, никому не доставляет столько истинного удовлетворения, сколько вашему, сударь, покорнейшему и преданному слуге.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Движение—существенное свойство материи

Ответ на некоторые замечания благородного друга по поводу опровержения Спинозы

Нынче узнать тебе надобно, Меммий, какая подвижность
Придана этим частицам материи первоначальным.

Луcretий, кн. 2.

1. Простите меня, сударь, если я не вполне уверен, истекает ли ваш благосклонный отзыв о моем «Опровержении Спинозы» из вашей любезности или из вашего убеждения. И если я все-таки льщу себя надеждой, что вы изложили ваши подлинные мысли о первой части моего письма к нашему уважаемому другу, то потому, что вы делаете некоторые возражения против его последней части, в которой я догматически высказал свое мнение, *что материя по необходимости столь же активна, сколь и протяженна*. С этим вы не можете так прямо согласиться, и ни наш общий друг, ни я не станем порицать вас за это, ибо иначе нам пришлось бы осудить самих себя, поскольку и мы когда-то разделяли вашу точку зрения. Но как наше собственное мнение не имело бы в наших глазах никакой цены без серьезного обоснования, так, с другой стороны, мы не признаем никакого права владения, никаких привилегий давности в области философии, допуская их только в сфере государственных законов и обычаев. Власть призвана решать вопросы факта, но не устанавливать истины природы. Вы, я должен признать это, проявили не малую смелость, высказав свои замечания и возражения еще до того, как я сделал хотя бы малейший намек на мои аргументы; но именно это и показывает, сколь несостоятельным вы считаете мое утверждение:

оно, по-вашему, настолько слабо и нелепо, что всякий легко может вообразить себе то небольшое, что можно привести в защиту подобного парадокса. Таково естественное толкование вашей мысли и вообще того, что люди крайне склонны думать о всяком понятии, противоречащем общепринятой вере, особенно если эта вера имеет за собой большую давность и пользуется весьма широким распространением. В моем ответе, которого вы просите у меня, я буду придерживаться нити вашего собственного письма и постараюсь быть настолько кратким, насколько это окажется возможным без ущерба для ясности.

2. Вы проявляете очень правильное понимание моего взгляда, когда подчеркиваете, что *если активность должна входить в определение материи, то она должна и выражать ее сущность*, ибо, несомненно, все свойства вещи должны вытекать и быть постигаемы из ее определения; иначе последнее будет не отчетливым и исчерпывающим, но смутным и несовершенным. И я думаю поэтому, что до сих пор материя определялась только наполовину или даже на одну треть, когда определялась как протяжение, ибо из одного протяжения никак не могут вытекать многие ее модификации; вот почему все ее двигательные эффекты считались не существенными для нее, а побочными и инородными, как не входящие в ее определение. Если же определить материю как нечто в такой же мере активное, как протяженное (и вслед за несравненным г. Локком можно бы еще прибавить: в такой же мере плотное), тогда все ее двигательные эффекты будут следовать самым естественным образом, не нуждаясь для своего объяснения в какой-либо другой причине, как не нуждаются в ней явления протяженности. Допустив ошибочность предпосылки, будто движение есть нечто внешнее для материи, вы признаете, что обычные определения, построенные на этой предпосылке, сильно способствовали ее укоренению в умах людей; люди так привыкли в своих речах и писаниях лишать материю движения, что это отняло у них всякую возможность подвергать сомнению этот ставший как бы самоочевидным принцип. А вы знаете, что лица, которые стремятся приобрести себе имя провозглашением ложных теорий, благоприятствующих их замыслам, или упрочить свой авторитет поддержкой нелепых

убеждений, уже установившихся, возвели в правило, что *принципы не подлежат спору*, и затем канонизировали в качестве принципов любые положения, которые казались им полезными для их целей. Но если движение существенно свойственно материи, то оно должно быть существенно и для ее определения.

3. Я согласен с вашим дальнейшим замечанием, что, *прежде чем давать такое определение, нужно ясно доказать необходимость активности материи*. К этому доказательству я и намерен теперь перейти. Я постараюсь оправдать свое определение тем, что покажу, что вся материя в природе, во всех своих частях и частицах, всегда была в движении и вовсе не может быть в другом состоянии; что частицы, заключенные внутри наиболее плотных и массивных скал, в сердцевине железных брусьев и золотых слитков, так же находятся в состоянии непрестанной активности, как частицы огня, воздуха или воды,—хотя они действуют не по одинаковым законам и не в одинаковой степени, как и последние из только что названных частиц различаются по своей активности между собой. Ибо эта активность одинаково естественна и внутренне присуща им всем, а также всем остальным разрядам материи во вселенной, хотя их специфические движения чрезвычайно разнообразны; последнее происходит вследствие различных способов их взаимодействия. Но у нас будет еще время подумать о новом определении материи, после того как мы с очевидностью докажем, что движение существенно для нее.

4. Вы, повидимому, считаете невероятным, чтобы я утверждал, что *материя не может быть мыслима без всякой собственной активности*. Но я на самом деле утверждаю, что материя столь же немыслима без движения, как без протяжения, и что оба эти свойства равно неотделимы от нее. Я знаю, что ваши мыслительные способности гораздо тоньше моих; поэтому я хотел бы, чтобы вы несколько поупражняли их на этом вопросе и затем объяснили мне, как вы себе представляете материю без движения. Это должно быть нечто лишенное всякого образа и цвета, не тяжелое, не шероховатое и не гладкое, не сладкое и не кислое, не горячее и не холодное,—словом, лишенное всяких чувственных качеств, лишенное частей, соразмерности и каких бы то ни было

отношений; ибо все это непосредственно зависит от движения, как от него же зависят формы всех телесных существ, их рождение, развитие и гибель в результате бесчисленных сочетаний, перестановок и прочих размещений их частиц, каковые размещения все являются естественными и несомненными следствиями движения или, вернее, самим движением под различными наименованиями и определениями. Общепризнанная делимость материи также неопровержимо доказывает, что материя не может быть мыслима без движения, так как именно движение делит ее на разные части. Поэтому движение в такой же мере предполагается делимостью, как и протяжение, и, следовательно, то и другое равно существены для материи. Как понять, что материя есть нечто, некоторая субстанция, если она не одарена способностью действовать? Как может она быть субъектом акциденций (согласно общепринятому определению), раз все акциденции суть не что иное, как различные формы действия материи, различающиеся между собой вследствие их различного отношения к нашим органам чувств, но в действительности не отличающиеся от нашего воображения или от той вещи, которой они приписываются? Круглость не есть нечто отличное от круглого тела (и то же следует сказать обо всех фигурах), ибо круглость эта не есть название какой-либо реальной вещи, а лишь слово для обозначения особой формы определенных тел. А теплота, звуки, запахи и цвета не суть даже формы или положения самих вещей, а лишь имена, которыми мы обозначаем способы их воздействия на наше воображение. В самом деле, вещи мыслятся нами большею частью в отношении к нашему собственному телу, а не в отношении к их истинной природе; и поэтому то, что сладко для одного, для другого кисло, что шероховато для меня, то мягко для вас, что приятно здоровому, то мука для больного. Хотя органы чувств большинства людей устроены весьма сходным образом и, следовательно, испытывают весьма сходственные воздействия, однако некоторые различия тут все-таки имеют место. Но так как эти и все остальные различия в материи проистекают от разных изменений и так как самые эти вещи суть лишь представления о различных движениях, то, мне кажется, я могу уверенно утверждать, что материя не может мыслиться иначе

как активной (ниже я постараюсь доказать, что это относится даже к состоянию покоя). Я заранее предвижу, что ваше представление о материи целиком сведется к представлению ваших предшественников в этом вопросе, для которых *первичная материя была чем-то, что не есть ни сущность, ни качество, ни количество и вообще ни одно из наименований сущего*; а это значит прямо признать, что она есть совершенное ничто.

5. Но вы утверждаете, что *протяженность материи весьма легко познаваема, если не самоочевидна, чего нельзя сказать об ее активности*. Тут я позволю себе не согласиться с вами: на мой взгляд то и другое познается одинаково легко, и второе свойство, как и первое, может вызвать сомнения разве только у тех, кто судит о вещах по их внешнему виду или на основании привычки и авторитета, не обращаясь к собственному разуму; а рассуждая таким способом, можно доказать и то, что луна не больше крупного чеширского сыра. Как невежды думают, что там, где они не видят никакого предмета, нет и никакого протяжения, так люди, которые возмутились бы, если бы их кто причислил к невеждам, думают, однако, в полном согласии с последними, что там, где они не могут увидеть никаких определенных движений, нет и никакой активности. Опыт учит, что *многочисленность противников отнюдь ничего не доказывает против истинности тех или других положений*. Самые простые вещи в мире были величайшими загадками для многих поколений; и мы знаем, что весьма трудно найти что-нибудь там, где никому не приходит в голову искать. *Имейте немного терпения, сударь, и я еще сумею показать вам, что именно заставило как все философские школы, так и простых людей, утверждать бездеятельность материи; и хотя иные из философов и заметили ее универсальное активное движение, они вследствие усвоенных с детства предрассудков были готовы приписать его любой причине, только не действительной, что очень часто вовлекало их в необходимость измышлять весьма неудачные и смешные гипотезы.*

6. Я вполне согласен с вашим четвертым замечанием (и вы знаете, как я был бы рад соглашаться с вами во всем), что *многие из наиболее ученых философов признают пустоту, а это понятие, повидимому, предполагает мертвенность или*

бездеятельность материи. К этому я прибавлю, что одни из этих философов принимают (вместе с эпикурейцами), что пустота не имеет субстанциального протяжения и что она есть ничто, а другие считают ее протяженной субстанцией, которая не есть ни дух, ни тело. Эти представления породили нескончаемые споры о природе пространства. Понятие пустоты есть одно из бесчисленных ошибочных следствий из определения материи через одно лишь протяжение, из утверждения, что материя по своей природе бездеятельна, из мысли, что она разделена на реальные части, вполне независимые друг от друга. При таких предпосылках немислимо, чтобы не существовала пустота; но столь же немислимо, чтобы отсюда не вытекало тысячи нелепостей. Можно доказать, что так называемые части материи суть только различные представления о ее состояниях, только различные определения ее модификаций; и, следовательно, части эти разделены лишь в воображаемом и относительном, а не в реальном и абсолютном смысле. Вода, например, как таковая, может быть произведена, разделена и уничтожена; ее количество может быть увеличено и уменьшено; но все это невозможно, поскольку вода рассматривается как материя.

7. В этой связи, во избежание всяких недоразумений, будет уместно напомнить, что под телами я разумею известные модификации материи, постигаемые умом как ограниченные системы, или особые количества, умственно отвлекаемые, но реально не отделимые от протяженности вселенной. Мы говорим поэтому, что одно тело больше или меньше другого, что оно раздроблено или разложено, ибо модификации многообразно изменяются; но нельзя, собственно, сказать, что одна материя больше другой, потому что во вселенной существует только одна материя. И эта бесконечно протяженная материя не может иметь абсолютных частей, независимых друг от друга, потому что ее части и частицы следует мыслить так же, как я это только что указал относительно тел. Множество разных слов было изобретено в помощь нашему воображению, подобно тому как строятся леса для удобства рабочих; но, когда здание готово, леса нужно убрать, а не принимать их за столбы или фундамент. Таковы, например, слова «большой» и «малый», обозначающие лишь сравнения нашего ума, а не какие-нибудь

положительные предметы; так, вы велики по сравнению с вашей маленькой сестрой, но малы по сравнению со слоном, а она велика, если сравнивать ее с ее попугаем, но очень мала рядом со своей матерью. Эти и подобные слова весьма полезны при надлежащем применении; но ими часто злоупотребляют, превращая их из относительных или модальных терминов в реальные, абсолютные и положительные. Сюда относятся слова: «тела», «части», «частицы», «ничто», «определенное существо» и т. д.,—слова, вполне дозволенные в практической жизни, но недопустимые в философских умозрениях.

8. Но вернемся к вашему возражению. Те, кто допускали в природе только модальные и относительные, но не реальные части, не могли все-таки при всем своем остроумии выставить против пустоты аргументы, сколько-нибудь опасные для их противников, ибо в полном согласии с последними они признавали материю бездеятельной. Вы, как хороший знаток истории философии, знаете, что трудности были приблизительно одинаковы с обеих сторон, и это привело многих к убеждению, что предмет необъясним по самой своей природе; как это часто делается без всякого основания, стали искать вину в своих собственных мыслях, не находящих удовлетворения, а не в тех произвольных предпосылках обеих сторон, которые остались незамеченными. Нет ничего более достоверного, чем то, что из двух противоречивых суждений одно необходимо должно быть истинным, а другое ложным. И хотя поэтому несомненно, что либо есть пустота, либо все заполнено (употребляя эти не совсем удачные выражения); хотя ясно, что истина должна заключаться в узких пределах этих двух кратких положений,—однако ни та, ни другая сторона не сумела до сих пор доказать, какое из двух мнений истинно, потому что обе исходили из ложной посылки, из которой, конечно, ничего не могло следовать, кроме заблуждений и нелепостей.

9. Но как только вы убедитесь (надеюсь, это произойдет скоро), что материя в такой же мере активна, как протяжена, все ваши затруднения по поводу пустоты исчезнут сами собой. В самом деле, как те особые или ограниченные количества, которые мы называем такими-то телами, суть лишь различные модификации общей протяженности материи,

в которой они все содержатся и которую они не могут ни увеличить, ни уменьшить, так, в полнейшем соответствии с этим, все особые или местные движения материи суть лишь различные формы ее общей активности, направляемой по тому или другому пути, теми или другими причинами, тем или другим способом, при чем общее ее количество не увеличивается и не уменьшается. Правда, во всех сочинениях об элементарных законах движения упоминается о различных степенях движения, теряемого или приобретаемого телами; но эти законы относятся к количеству действия, производимого одними определенными телами на другие, а не к действию материи вообще, ибо лишь определенные количества материи измеряются другими, меньшими количествами, но протяженность целого не подлежит изменению. Математики вычисляют количества и размеры движения, как и наблюдают взаимодействие тел, не заботясь о физическом обосновании того, что допускается всеми. Это обоснование часто их не интересует, и они предоставляют его философам. Но последние успели бы больше в своем деле, если бы предварительно лучше ознакомились с наблюдениями и данными первых, как справедливо замечает г. Ньютон ¹⁾.

10. Нет ни одного неотделимого от материи атрибута, который не обладал бы бесчисленными, свойственными ему модификациями так же, как обладает ими протяжение. Таковы атрибуты плотности и активности, и в то же время все атрибуты должны действовать совместно для произведения особых модусов каждого, ибо все они представляют собою только рассмотрение одной и той же материи с различных точек зрения. И поэтому утверждать, как вы это делаете вслед за толпой философов, что *если нет пустоты, то значит точке С некуда двинуться и точке В некуда толкнуть точку С*, — утверждать так, говорю я, значит не только

¹⁾ «В математике подлежат исследованию те количества и отношения сил, которые вытекают, если предположить некоторые условия. Но когда переходяшь в область физики, надлежит сличить эти отношения с явлениями природы, чтобы выяснилось, какие условия справедливы для каждого рода притягивающихся тел; и лишь после этого будет возможно основательно рассуждать о видах, причинах и физических отношениях сил». — (Philos. Natur. Princip. Math., p. 192.)

уподобляться крестьянину по грубости понятия о пространстве, но это значит также и предполагать, что точки *B* и *C* и все окружающие их точки или большинство из них реально закреплены и пребывают в абсолютном покое. Но вы не захотите следовать за толпой по стезе заблуждений, как вы не станете в подражание ей творить зло, и если мне удастся указать, что активность есть естественное, существенное, внутренне-присущее и необходимое свойство материи, тогда вы легко поймете, что ваши возражения теряют свою силу и что все ваши круги из смежных шаров, ныряющие в воду рыбы и прочие избитые примеры должны быть оставлены для другого случая. Ибо все они уже предполагают как абсолютный покой, так и возникновение движения, а именно это и находится под вопросом, и если бы оба эти предположения могли быть доказаны, то нельзя было бы возразить ничего серьезного против аргументов в пользу пустоты.

11. Выше я бегло коснулся вопроса о злоупотреблении словами в философии. В качестве примера можно особенно указать на некоторые термины, изобретенные чрезвычайно целесообразно математиками, но неправильно понятые и извращенные другими и нередко весьма ложно употребляемые самими же математиками. Это бывает всегда, когда отвлеченные понятия принимаются за реальные сущности и затем кладутся в основу для построения гипотез. Так, математическим линиям, поверхностям и точкам было приписано реальное существование, и отсюда делались разнообразные выводы, весьма впрочем неудачные, вроде того, например, что протяженность составлена из точек, что равносильно утверждению, будто длина, ширина и толщина образованы из того, что само по себе не длинно, не широко и не толсто. Так, слово *бесконечность* повело к удивительной путанице, породившей тысячи недоразумений и ошибок. Число было объявлено бесконечным; как будто из того обстоятельства, что единицы могут быть прибавляемы друг к другу без конца, вытекает актуальное существование бесконечного числа! Сюда относятся бесконечное время, бесконечное мышление человека, асимптотические линии и множество других беспредельных прогрессий, которые бесконечны лишь в отношении наших мыслительных операций,

но не сами по себе. Ибо то, что реально бесконечно, существует реально как бесконечное; но то, что лишь может быть продолжаемо без конца, отнюдь не имеет положительной бесконечности.

12. Но из всех слов наиболее неуместно применялось и породило поэтому наибольшие споры слово *пространство* (space). Последнее есть лишь отвлеченное понятие (как вы вскоре убедитесь) или отношение одной вещи к другим, находящимся от нее на некотором расстоянии, безотносительно к тому, что лежит между ними, при чем все они существуют одновременно. Место (place) есть таким образом либо относительное положение вещи среди окружающих ее тел, либо простор (room), который она заполняет своей собственной массой и из которого она выключает все остальные тела. Но все это только абстракции, ибо емкость не есть что-нибудь отличное от самого тела. И точно так же расстояние есть мера протяжения между двумя какими-либо телами, рассматриваемая безотносительно к тем вещам, протяженность которых при этом измеряется. Но так как математики пришли к необходимости мыслить пространство без материи, как они же мыслят длительность без вещей, точки без количества и т. д., то и философы, не умея другим путем объяснить возникновение движения в материи, которую они считают бездеятельной, вообразили себе реальное пространство, отличное от материи, и объявили его протяженным, бестелесным, неподвижным, однородным, неделимым и бесконечным. Но весь этот вопрос зависит от того, приписывать ли материи активность и бесконечность. Прежде всего, если материя сама по себе существенно активна, то нет надобности для приведения ее в движение прибегать к этому новому понятию. Во-вторых, если она бесконечна, она не может состоять из отдельных частей, движущихся независимо друг от друга по кривым и прямым линиям, каковы бы ни были те ее модификации, которые мы имеем самостоятельными отдельными телами. В-третьих, если самой материи так же присуща активность, как плотность или протяжение, она должна быть однородной и неделимой. И, в-четвертых, если она бесконечна, то вселенная должна быть свободна от всякого пространственного движения, так как вне ее нет закрепленных точек, мимо которых она могла

бы последовательно проходить, и нет места, куда она могла бы двигаться.

13. Соображаясь с порядком ваших замечаний, я постараюсь, сударь, вкратце доказать все эти пункты. Я вполне сознаю, что вступаю в противоречие с общепринятым представлением и что, в частности, в вопросе о пространстве я как будто имею против себя мнение величайшего человека, величие которого не умалится и в том случае, если это его мнение окажется ошибочным, ибо его несравненные открытия все равно останутся непоколебленными. Что до меня, то я не могу поверить в абсолютное пространство, отличное от материи и вмещающее ее в себе, как не могу поверить и тому, что есть абсолютное время, отличное от вещей, о длительности которых идет речь. А между тем принято думать, что г. Ньютон не только утверждает существование того и другого, но и сравнивает их друг с другом. «Времена и пространства,—говорит он,—суть как бы вместительница самих себя и всего остального. Все вещи размещаются во времени в отношении порядка следования и в пространстве в отношении порядка расположения. Для времени и пространства существенно то, что они суть места; и считать эти первичные места подвижными было бы нелепо. Следовательно, это абсолютные места, и переходы с этих мест суть единственные абсолютные движения». Я убежден, что эти слова могут быть истолкованы в смысле, благоприятном для моего понимания; но я предпочитаю ограничиться простой цитатой. Во всяком случае, повторяю, книга г. Ньютона в целом не затрагивается тем или другим толкованием этого места.

14. Что касается вашего замечания (в доказательство бездеятельности материи и наличия *пустоты*), что *одно тело может быть тяжелее или легче другого, равного ему по объему*,—то вы, очевидно, предполагаете, что легкость и тяжесть не просто отношения; не сравнения определенных местоположений и внешних давлений, а существуют реально, как абсолютные внутренние качества. Но такой взгляд отвергается теперь решительно всеми и противоречит всему, что вы сами знаете из механики. Было бы не трудно убедить даже ограниченного человека, что легкости и тяжести не могло бы существовать в гипотетическом хаосе, что эти качества целиком зависят от строения и порядка

вселенной, что, другими словами, они вытекают из фактического бытия мира, будучи необходимыми последствиями его наличного порядка, а не являются существенными атрибутами материи. В самом деле, одно и то же тело бывает то тяжелым, то легким, в зависимости от своего положения среди других тел, и многие вещи, как это хорошо известно, бывают иногда лишены свойства легкости или тяжести. Думать, что всякая частица материи обладает этим свойством сама по себе, потому только, что оно наблюдается в реальном мире, или выводить его из общих законов тяготения,—это все равно, что считать материю одинаково устроенной во всех точках или даже воображать, что колесики, пружины и цепочки часов механизма могут порознь производить все те движения, которые они производят вместе. А между тем, именно исходя из таких ложных предположений, философы выдумали басню о четырех стихиях, расположенных в определенном порядке соответственно различным степеням тяжести и легкости: ниже всего или в центре—земля, над ней—вода, еще выше—область воздуха и на самом верху—огонь. Самые различные лица и секты относились с суеверным благоговением к этому изначальному хаосу, понятие о котором столь же темно и чудовищно, как обозначаемое этим словом состояние, и целиком построено на предположениях не только произвольных, но и совершенно ложных и химерических. Таково грубое представление о числе и чистоте четырех стихий, основанное на наблюдении сложнейших в мире тел; таково же представление о легкости и тяжести витающих частиц и о разделении зародышей вещей (как они выражаются),—разделении, которое не могло бы осуществиться без различия легкости и тяжести, да и при наличии этого различия было бы невозможно без всемогущего строителя. О последнем философы часто совсем забывают или же приписывают ему такие жалкие приемы и цели, которые избличают лишь убожество их собственного разума—единственного образца, по которому они его строили. Словом, нет ничего более несостоятельного, чем это предположение, что материя находилась когда-то в хаотическом состоянии, при чем не указывается, как долго и по какой причине, и допускаются тысячи других подобных нелепостей, которые каждый легко себе представит на основании приведен-

ных мною немногих примеров. Это может также служить показателем того, как мало следует придавать цены общему убеждению или, вернее, эпидемическим заблуждениям, притязающим на это звание.

15. Но не будем отвлекаться в сторону. Вы утверждаете, что «большинство тел фактически находится в движении, но что это отнюдь не доказывает, что они всегда находились в нем и что нет других тел, пребывающих в абсолютном покое». Я согласен, что второе действительно не вытекает с необходимостью из первого, хотя оно и верно само по себе. Но, прежде чем перейти к вопросу о покое, будет полезно рассмотреть, как далеко простирается фактическое движение тел. Хотя мировая материя повсюду одна и та же, однако, в соответствии с ее различными модификациями, она мыслится разделенной на бесчисленное множество отдельных систем или вихрей; эти последние в свою очередь подразделяются на другие системы разной величины, зависящие друг от друга и от целого по положению своих центров, по своей структуре, форме и взаимной связи. Наше солнце, например, является центром одной из более крупных систем, включающей в сферу своей деятельности гораздо меньшие системы, каковы все движущиеся вокруг него планеты; а эти последние подразделены на еще меньшие системы, зависящие от них, каковы спутники Юпитера по отношению к нему или луна по отношению к земле. Земля, в свою очередь, разделена на атмосферу, почву, воду и другие главные части; а эти части—на людей, птиц, животных, деревья, растения, рыб, червей, насекомых, камни, металлы и тысячи других предметов. И так как все они являются звеньями одной общей цепи, то их материя (выражаясь обычным языком) переходит из одного в другое и обратно, ибо земля, вода, воздух и огонь не только теснейшим образом связаны и перемешаны, но они также взаимно переходят друг в друга в процессе непрерывных превращений: земля превращается в воду, вода в воздух, воздух в огонь, и затем обратно, и так без конца. Животные, которых мы уничтожаем, способствуют нашему сохранению до тех пор, пока мы сами не разрушимся и, превратившись в траву, воду, воздух или что-нибудь другое, не послужим для образования других животных, как они сами служат строительным материалом для

друг для друга или для других людей. Образовавшиеся животные превращаются снова в камни, дерево, металлы и в новых животных или же входят составною частью во все эти предметы и многие другие, в животных и в растения, которые ежедневно пожирают друг друга, ибо каждое существо живет разрушением другого. Все части вселенной находятся в этом непрестанном движении разрушения и созидания, созидания и разрушения. Доказано, что крупные системы так же имеют свои непрестанные движения, как и мельчайшие частицы: центральные массы вихрей вращаются вокруг собственной оси, а каждая частица вихря тяготеет к центру. Наши тела, как бы мы себя ни обольщали противным, ничем не отличаются от тел других существ; подобно последним, они увеличиваются и уменьшаются посредством питания и выделения, дыхания и разных других процессов. Отдавая некоторые части нашего тела другим телам и принимая, с другой стороны, их части в свое тело, мы сегодня не совсем то же самое, что были вчера, и завтра будем другими, чем сегодня. Мы находимся в постоянном течении, как река, и с полным разложением нашего тела после смерти войдем частями в тысячу других предметов, когда наши трупы отчасти смешаются с прахом и влагой земли, отчасти испарятся в воздух, где рассеются и соединятся с бесчисленными вещами.

16. Частицы материи не связаны ни с какой определенной фигурой или формой, но постоянно теряют и меняют свои фигуры и формы. Они находятся в непрестанном движении, стираются, изнашиваются, раздробляются. Другие частицы, разлагая их, приобретают их форму, как первые приобретают форму других, и так это происходит непрерывно. Земля, воздух, огонь и вода, железо, дерево и мрамор, растения и животные разрезаются и уплотняются, плавятся и затвердевают, рассеиваются и сгущаются или еще каким-нибудь способом превращаются друг в друга. Весь облик земли ежеминутно являет нашим глазам эти изменения, ибо ничто не остается численно тождественным хотя бы в течение часа. И эти изменения, будучи лишь различными видами движения, являются, тем самым, неоспоримым свидетельством в пользу некоей универсальной активности. Но изменения в частях не влекут за собой никакого изменения вселенной,

ибо ясно, что постоянные перемены, переходы и превращения материи не могут вызвать ни увеличения, ни уменьшения ее общего количества, как ни одна буква не прибавляется к алфавиту и не убавляется от него из-за бесчисленных сочетаний и перестановок букв в великом множестве слов и языков. В самом деле, потеряв одну какую-нибудь форму, вещь тотчас же облекается в другую; она как бы исчезает со сцены в одном костюме, с тем, чтобы тотчас же появиться на ней в другом,—и это обуславливает вечную юность и силу мира, который не знает дряхлости и упадка, как то безрассудно воображали некоторые, вопреки не только разуму, но и опыту; ведь мир, во всех своих частях и видах, пребывает во все времена в одном и том же состоянии. Великие системы мира подразделены на постепенно уменьшающиеся системы материи; и индивидуумы, принадлежащие к этим последним, гибнут, хотя, правда, и не уничтожаются, сохраняясь лишь определенное время в своей особой форме, более или менее долго, смотря по силе или слабости своего общего склада. Мы говорим поэтому о естественной продолжительности жизни данной вещи; когда же ее строение разрушается до срока более сильными внешними движениями, мы обыкновенно называем это насилем или случайностью, как, например, когда молодой человек погибает до срока от руки убийцы. Но благодаря воспроизведению вид продолжает существовать, несмотря на гибель особей, и смерть наших тел ведет лишь к тому, что материя облекается в новые формы; печати меняются, но воск остается тем же. В самом деле, смерть вполне тождественна с рождением; ибо как умереть значит только перестать быть тем, чем был прежде, так родиться значит стать чем-то, чем не был до того. Прежде чем покончить с этим предметом, я позволю себе, сударь, обратить ваше внимание на следующее. Принимая в соображение бесчисленную смену поколений, живших на земле и вернувшихся после смерти в ее недра, где они распылились и смешались с остальными ее частями, и учитывая кроме того непрестанное истечение материи из тел людей при их жизни, а также ее обратный приток путем питания, вдыхания воздуха и другими путями,—принимая все это в соображение, приходишь к выводу, что на протяжении всей земли нет ни одной частицы

материи, которая не была бы в свое время частью человека. И это справедливо не только по отношению к людям, но относится в равной мере ко всем видам животных и растений и вообще ко всякому существу; ибо все они превращались друг в друга в бесконечном и непрерывном круговороте, так что с полной достоверностью можно утверждать, что всякая материальная вещь есть совокупность всех вещей и что совокупность всех вещей есть нечто единое.

17. До сих пор вы согласны со мной: постоянное движение вещей доказывается чувственными явлениями. Вы несколько не отрицаете, что частицы воздуха, воды, огня, эфира, туманов, испарений находятся в постоянном движении. Вы признаете движение невидимых тел, истекающих из всех крупных тел, которые своей величиной, фигурой, числом и движением действуют на наши чувства и производят в нас различные ощущения и представления цветов, вкусов, тепла, холода и т. д. Но вы апеллируете к тем же чувствам в доказательство того, что *как одни тела находятся в абсолютном движении, так другие в абсолютном покое*; вы указываете на скалы, железо, золото, свинец, бревна и другие подобные вещи, которые не меняют своего положения без действия какой-либо внешней силы. На это я возражаю, что ваш разум, а не ваши чувства, истинный судья в этом деле. Впрочем, я думаю, что ваши чувства никогда не обманут вас, если вы только призовете к ним на помощь ваш разум; при этом условии я не побоюсь никаких ссылок на них, как не страшат меня и приведенные вами примеры. Дело в том, что необходимо проводить различие между внутренней энергией, самодвижением или существенной активностью всякой материи, без которой она не могла бы подвергаться никаким отдельным изменениям и разделением, и теми пространственными движениями или перемещениями, которые представляют собою лишь различные модификации существенной активности. Отдельные движения определяются другими более сильными движениями, в зависимости от которых они бывают прямолинейными или круговыми, быстрыми или медленными, непрерывными или прерывными. Никакая часть материи не лишена своей собственной внутренней энергии, хотя всякая часть определяется соседними частями в большей или меньшей

степени, смотря по силе своего сопротивления, а эти соседние части модифицируются, в свою очередь, каким-нибудь другим способом, ближайшими к ним. И таким образом всякая вещь претерпевает бесконечные изменения, т.-е. находится, как я утверждаю, в непрестанном движении. Но признано, что все возможные пространственные движения суть акциденции, которые усиливаются, изменяются, убывают и исчезают без малейшего ущерба для того субъекта, который они видоизменяют или в котором они присутствуют; и, стало быть, этот субъект не может быть только воображаемым, чисто отвлеченным понятием, но должен быть чем-то реальным и положительным. Протяжение не может быть этим субъектом, потому что идея протяжения не заключает в себе необходимо разнообразия, изменения и движения; и поэтому, как я только что сказал, этим субъектом должна быть активность, ибо все эти движения суть только различные модификации активности, как все отдельные тела или величины суть только различные модификации протяжения. О плотности или непроницаемости я скажу в своем месте и покажу, что эти три существенные атрибута или свойства неотделимы и действуют совместно.

18. Но вернемся к вашей ссылке на наши чувства. Разве вы не думали бы вместе с толпой, что звезды не больше обыкновенных свечек и что солнце и луна имеют в диаметре один-два фута, если бы разум не вычислил расстояние между вашими глазами и этими телами и не измерил бы их реального объема на основании их кажущихся образов, а также на основании других соображений, которые я не буду повторять человеку, столь хорошо их знающему? И разве не так же обстоит дело с различием неподвижных звезд и планет и с уразумением истинного движения последних, столь отличного от того, что показывают чувства? Не буду ни опускаться до примера прямой палки, которая кажется изогнутой при погружении в воду, ни воспарять в область рассуждений о том, что тепло, холод, вкус и запахи не существуют в самих вещах, которым мы их приписываем. Вернемся к предмету, который нас сейчас занимает. Разве само пространственное движение не бывает иногда столь медленным, что оно уже не воспринимается нашими чувствами, становится неразличимым для нас, хотя тело все время

продолжает двигаться, в чем мы убеждаемся по несомненным результатам движения (вспомним движение часовой стрелки)? Это же самое относится к слишком быстрым движениям, при которых мы не различаем смены положений (например, полет пули). Если судить о теле человека или другого животного по его внешнему виду, то может показаться, что оно в такой же мере лишено внутреннего пространственного движения (не говоря пока о неотделимой от последнего активности), как свинец, золото, камень; и то же самое пришлось бы сказать о деревьях и растениях. А между тем, не будь каждая частица дерева в движении, оно не могло бы ни увеличиваться в период своего роста, ни уменьшаться в пору своего одряхления. Ваши познания в анатомии, совместно с ежедневным опытом, не позволят вам усомниться, что все частицы животных и растений находятся в непрестанном движении, обуславливая процессы роста, упадка, дыхания, разложения, разрушения, ожирения и похудения, повышения и понижения температуры, хотя бы сам человек сидел на месте, или само животное спало, или само дерево стояло неподвижно. Проникновение крови и соков решительно во все части тела в наши дни уже не тайна для естествознания. И железо, камень, золото, свинец не в меньшей степени обладают этим внутренним движением, чем так называемые жидкие тела: в противном случае они не могли бы подвергаться тем изменениям, которые производятся в них воздухом, огнем, водой или чем бы то ни было. Но хотя их переход в новые формы, их постепенное изнашивание и конечное разрушение с несомненностью доказывают, что их части находятся в постоянном движении, однако они не так легко и быстро изменяют, под влиянием окружающих движений, свою форму или положение в ощутительной для наших чувств степени, и поэтому-то люди воображают, что они вовсе не обладают движением.

19. А между тем самое пребывание таких тел в одном и том же месте есть реальное действие: оно означает, что усилие и сопротивление таких-то частиц равно в течение данного времени движениям внешних тел, действующих на них и не позволяющих им перейти известные границы. Это легко понять из того, что я выше так подробно и ясно

говорил о бесчисленных последовательных состояниях движения, одним из которых является и данное, названное людьми *покоем*—в отличие от видимых для нас пространственных движений. Тело, которое падает вследствие тяжести или сильного импульса со стороны других тел, при чем его собственный импульс преодолевает сопротивление среды, продолжает действовать и тогда, когда более сильное сопротивление земли не дает ему двигаться дальше, а равное по силе давление тел, находящихся над ним, не позволяет ему подняться вверх. Так и корабль не бездействует совершенно, когда ветер дует с такою же силой вверх по реке, с какою вода уносится течением вниз; ибо стоит только одной из этих сил перевесить другую, и корабль приходит в движение. Во время остановки корабль был лишен только одного вида движения, а не всякого усилия и действия, как не лишены их железо, свинец, золото, части которых, благодаря своему собственному внутреннему движению и движениям окружающих тел, все время возрастают и умножаются или же изнашиваются, распадаются, мелятся и гибнут незаметным для нас образом, пока наконец ржавчина на их поверхности, увеличение или уменьшение их количества, изменение их формы или какой-нибудь другой наглядный результат не обнаружит это воочию. Так как, следовательно, покой есть только известное ограничение движения тел, будучи реальным действием взаимного сопротивления двух равных движений, то ясно, что не существует абсолютной бездеятельности тел, а есть только относительный покой по сравнению с другими телами, ощутительно меняющими свои формы.

20. Но большинство людей, принимая пространственные движения (как и все прочие отношения) за нечто реально существующее, вообразили, что покой есть некоторое лишение, что движение есть нечто действительное, а покой—нечто страдательное. А между тем движение в такой же мере страдательно в отношении тела, давшего последний толчок к нему, в какой и действительно в отношении того тела, на которое оно влияет в ближайшую очередь. Употребление этих и подобных слов в абсолютном значении вместо относительного породило большинство заблуждений и споров в этом вопросе. Впрочем, наиболее выдающиеся философы

и математики, хотя они и объявляют движение посторонним, а покой существенным свойством материи, признавали все-таки, что каждая частица находится в постоянном движении; к этому признанию их вынуждала непререкаемая очевидность разума и опыта. Они допускают, что и в подземных телах совершаются те же непрестанные изменения и движения, как и в телах, находящихся на земле; и это подтверждается не только природой различных почвенных слоев в шахтах и каменоломнях, процессом образования металлов и минералов, но также свойствами всех других подземных тел и ископаемых. Они признают, что все явления должны быть объясняемы при помощи движения и всеобщего взаимодействия вещей, в согласии с принципами механики. Так должны быть объяснены все разнообразия в природе, элементарные чувственные качества и все формы, фигуры, сочетания и прочие модификации материи. Таким образом философы, наиболее правильно и стройно мыслящие о движении, рассматривают точки, от которых и к которым движется тело, не как находящиеся в абсолютном покое, а лишь как покоящиеся относительно этого движущегося тела. И хотя г. Ньютон считается защитником протяженного бестелесного пространства, он все-таки заявляет, что, быть может, ни одно тело не находится в абсолютном покое, что, может быть, во всей природе нет никакого неподвижного телесного центра. В одном месте он выражается следующим образом: «Большинство приписывает покоящимся телам сопротивление, а движущимся устремление; но движение и покой, как они обыкновенно понимаются, лишь относительно отличаются друг от друга, и не всегда действительно покоятся те тела, которые обычно считаются покоящимися». Таковы слова этого заслуженно-прославленного писателя, глубже всех своих современников проникшего в подлинную сущность материи; и вся физика должна была бы по справедливости именоваться так, как он озаглавил первую книгу своих «Начал», именно учением о *движении тел*.

21. Мне нет надобности, сударь, просить у вас извинения за все эти подробности, во-первых, потому, что вы сами настаивали на них, а во-вторых, потому, что вы можете показать это письмо или сообщить мои взгляды и

другим лицам, не сведущим во многом, что я считаю для вас известным. После всего сказанного я могу, думается мне, заключить, что *активность есть существенное свойство материи*, ибо она является реальным субъектом всех тех модификаций, которые называются пространственными движениями, изменениями, различиями и разнообразиями, а главное потому, что абсолютный покой, на котором строилось понятие о бездеятельности или мертвенности материи, совершенно разрушен и изобличен как пустой вымысел. Эта распространенная иллюзия абсолютного покоя была порождена видимыми свойствами тяжелых, твердых и массивных тел. Видя, что они изменяют свое устойчивое состояние (которое не считалось действенным) только под влиянием еще более устойчивых тел, действие которых было ощутительно для чувств, люди решили, что, во-первых, существует абсолютный покой и что, во-вторых, все тела пребывали бы в одном и том же состоянии, не будь какого-нибудь постороннего двигателя; а так как все тела материальны, то этого двигателя представили себе нематериальным и то, что казалось естественным для частей, перенесли затем на целое. Философы, по крайней мере, сделали такие выводы из понятия покоя, усвоенного ими из книг и на основании свидетельства чувств. Никто не рождается богословом, философом или политиком, и поэтому всякий человек стоит вначале на той же почве, что и большинство, воспринимая те же предрассудки и впечатления; и пусть он впоследствии избавится от многих заблуждений, но если хотя бы одно останется неисследованным в его сознании, он непременно додумается, исходя из него, до противоречий и нелепостей, хотя бы в других отношениях он и почитался разумным и способным человеком. И поэтому, раз в приведенных вами примерах вовсе нет абсолютного покоя, раз, наоборот, всякая вообще частица материи находится в абсолютном движении, то вам не следует присоединяться к тем философам, которые были наиболее суеверны и наименее проникательны; вы не должны исходить в ваших рассуждениях из распространенной иллюзии. Зная, что доказано постоянное движение всякой частицы материи, вы должны заключить, что движение есть существенное свойство всей материи в целом потому же, почему вы считаете

таким свойством протяжение, т.е. вследствие протяженности всякой частицы. Для всякого, кто хочет мыслить последовательно, опыт устанавливает полную параллельность этих двух выводов; и разум с очевидностью доказывает ее.

22. Я умышленно ничего не говорил об относительных движениях тел, которые считаются покоящимися; и теперь я только намекну о них, чтобы показать вам, что движения эти не перестают в то же время быть абсолютными. Все, что находится на нашей земле (и это относится также ко всем остальным планетам), участвует в ее постоянном движении, ибо движение целого есть лишь совокупность движений частей. Это ясно не только из рассмотрения самого предмета, но также и из того, что нужна одинаковая сила как для сообщения нового состояния любому телу, так и для прекращения состояния, уже приобретенного им, ибо одна из них не может быть меньше другой. Хотя все части движущегося шара находятся в покое относительно друг друга и относительно своих мест в шаре, однако никто не скажет, что все они, как части шара, не находятся в движении по отношению к посторонним вещам. Так, пассажир участвует в движении плывущего корабля, не говоря уже о движениях внутри его собственного организма, хотя он и представляется покоящимся относительно того места, на котором он сидит, и остальных частей корабля, которые, невзирая на движение целого, сохраняют по отношению к нему одни и те же расстояния и положения. Я обмолвился также лишь одним словом (в пятнадцатом параграфе) о центростремительной силе, благодаря которой все находящиеся на земле тела увлекаются к ее центру (как все остальные тела к центрам своих движений); и я даже и не упомянул о центробежной силе, благодаря которой тела стремятся удалиться от центра по прямой линии, если им в том не мешает какая-либо более сильная причина. Так, камень, вращаемый пращей, удерживается в своей орбите веревкой, которая, будучи натянута движением камня, притягивается к нему вследствие его стремления улететь по прямой линии в каждой точке описываемого им круга; и в то же самое время она в равной мере притягивается к руке человека, держащего пращу. Таким образом, центр настолько же приближается к камню, насколько камень к центру, что, однако, бывает не всегда по разным при-

чинам. Действие этих сил обнаруживается тем заметней, чем ближе они к состоянию равенства или, наоборот, чем значительней перевес одной из них. То обстоятельство, что центростремительная сила частей земли (включая и атмосферу) на много превышает их центробежную силу, есть главная причина, почему земля ничего не теряет из своей материи, постоянно сохраняя одни и те же размеры; в самом деле, центростремительная сила тяготения, удерживающая различные тела в их орбитах, значительно превосходит центробежную силу движения, вследствие которой они стремятся улететь по касательной. Каковы бы ни были причины этих сил, они неопровержимо доказывают мою мысль о постоянном движении всех вещей. Но я не буду больше писать о них, чтобы незаметно для себя не ввязаться с вами в спор о природе тяготения, о том, всегда ли вес тел соответствует количеству их материи; другими словами: больше ли заключается материи, согласно его большему весу, в кубическом фунте свинца, чем в кубическом фунте пробки (как это вы, я знаю, утверждаете вслед за вовсе не плохими философами), или же в одинаковых величинах ртути, золота, серебра, железа, земли, воды, пробки и воздуха содержится одинаковое количество материи, несмотря на все различие их удельного веса. В последнем случае это различие объяснялось бы отчасти внешними давлениями, а отчасти тем внутренним строением, которое сообщает их общей материи все эти разнообразные формы, различающиеся между прочим и силой тяжести, как они различаются фигурой, цветом, вкусом, запахом и всеми остальными свойствами, порождаемыми их особой структурой, действием остальных тел и, наконец, нашими органами чувств и нашим воображением. Я сам держусь этого последнего взгляда, но не буду сейчас говорить о своих соображениях. Замечу только, что если бы тяготение было существенным атрибутом, а не особым модусом материи, то одни и те же вещи имели бы одинаковый вес везде и при всяких условиях, как они повсюду имеют одинаковую плотность и протяженность, и они не падали бы с различными скоростями при различных расстояниях от центра. Я думаю поэтому, что тяготение не требует никакой пустоты (как я уже говорил об этом в четырнадцатом параграфе) и есть лишь одно из многих проявлений активности материи. Особенно-

стей этого проявления мы сейчас рассматривать не будем; во всяком случае факт его существования не отрицается никем, и количества движения, порождаемые тяготением, т.-е. этим специальным взаимодействием отдельных тел, должны быть вычисляемы на основании наблюдений, каковы бы ни были их физические причины. Я не буду также говорить о притяжении планет, об их тяготении и других видах взаимодействия между ними. Во всяком случае влияние солнца, вызывающая приливы сила луны и разные другие обстоятельства доказывают, что планеты весьма заметно действуют друг на друга в соответствии со своей величиной, фигурой, расстояниями и положением.

23. Что движение привнесено к материи извне, что материя состоит из отдельных и независимых частей, что существует пустота, или бестелесное пространство, это не единственные ошибочные взгляды, порожденные понятием абсолютного покоя. В самом деле, те из философов, которые были наименее суеверны и наиболее пристально всматривались в природу вещей, учили, что одушевлена вся материя: каждая частица воздуха, воды, дерева, железа, камня так же, как человек или животное и как вся масса материи в целом. К этому взгляду они пришли вполне естественно, ибо, пережив от других учение о существенной бездеятельности материи (от этого предрассудка они не постарались освободиться), а в то же время зная из опыта, что все частицы материи находятся в движении, и считая жизнь чем-то отличным от организованного тела, они сделали тот вывод, что причина движения этого рода есть некая сущность, внутренне связанная с любой материей и неотделимая от нее. Но эта мнимая всеобщая одушевленность совершенно ненужна, ибо материя обладает движением сама по себе, и реального покоя не существует. Философы, стоящие на точке зрения одушевления, делились на разные школы: не мало требуется уловок, чтобы придать заблуждению хоть некоторый вид истины! Одни, как стоики, считали эту всеобщую жизнь душою мира, сопряженною с материей и насквозь проникающею ее всю и каждую ее часть, при чем представляли ее себе телесной, хотя и бесконечно более тонкой, чем все остальные тела. Наоборот, вселенская душа платоников была нематериальна и чисто духовна. Другие, как Стратон Лампсакийский и со-

временные гилозоисты, учат, что частицы материи одарены жизнью и, до некоторой степени, мыслью, т. е. способностью непосредственного восприятия, но без рефлексии. Гераклит в древности и Спиноза в новое время присоединили к этим свойствам разумение, или рефлексию, не подумав, однако, об устранении тех трудностей, которые явным образом воздвигаются против столь произвольной гипотезы. Они не показали даже, как могут (при допущении всеобщей сознательности) все эти мыслящие частицы прийти к взаимному соглашению при образовании какого-нибудь тела или при столь закономерных своих разъединениях и сочетаниях,—никогда не расходясь во взглядах на то, где им лучше быть— в том или в другом месте, в одиночестве или в многочисленном обществе. Они не объяснили, каким образом человек, хотя все его частицы обладают сами по себе сознанием и умом, находит в себе только одно сознание, осуществляющее свои функции только в одном месте. Не менее фантастично представление других философов о пластической жизни, которая (согласно всесторонне ученому Кудворту, возродившему этот взгляд в наши дни) не материальна, а есть низшая форма духа, бессознательная и немыслящая, но одаренная жизненными процессами и энергией. Различие между этими последними философами и гилозоистами сводится, очевидно, к одним словам, хотя первые и настаивают на огромном разногласии,—я думаю для того, чтобы отклонить от себя упреки за нелепые или неприятные выводы, неизбежные для гилозоизма. Так же высказываются друг о друге янсенисты и кальвинисты в вопросе о предопределении, на которое они, конечно, смотрят совершенно одинаково, несмотря на тонкие различия янсенистов. Ясно, что все эти гипотезы не что иное, как попытки объяснить фактическое движение бездеятельной материи, не обращаясь ежеминутно к вмешательству бога, не заставляя его действовать решительно везде и всюду и притом действовать в силу безусловной и неустранимой необходимости. Но довольно о мыслителях, у которых мы находим внешние или посторонние двигатели материи. Что же касается тех, которые тоже считали материю бездеятельной по своей природе, но либо не указали никакой причины, приводящей ее в движение, как Анаксимандр, Анаксимен и некоторые другие древние, либо не объяснили,

чем вызывается ее движение и мышление, как Спиноза среди новых; то они настолько лишены философского смысла, что не заслуживают дальнейшего рассмотрения. Они всегда доставляли повод к торжеству стоиков, спиритуалистов и платоников, или как бы их ни называть и ни подразделять.

24. Но наиболее распространенное заблуждение, порожденное предполагаемой бездеятельностью материи, заключается в понятии бесконечного, протяженного и в то же время бестелесного пространства. Так как на этом понятии строились целые системы и так как его поддерживали своим авторитетом люди с громкими именами и большими заслугами, то я познакомлю вас также с историей и этого взгляда. Впрочем, я имел бы полное право и не делать этого, после того как выше мною доказано, что материя активна по своему существу и что ее общее движение есть непосредственный субъект всех частных двигательных состояний, как протяжение есть непосредственный субъект различных фигур и количеств. Ведь и пространство было измышлено главным образом для того, чтобы объяснить возможность движения пассивной материи (в качестве места, где оно могло бы происходить); но если материя не бездеятельна и не нуждается для своего движения в постоянном влиянии со стороны внешнего агента, то пространство может быть выброшено из философии как ненужная и произвольная фикция. Всеми признается, что протяжение бесконечно, ибо не может быть ограничено непротяженностью; доказательства этого положения столь общеизвестны, что я не стану докучать вам их повторением. Не менее бесконечна и материя, поскольку она мыслится как протяженная вещь, ибо невозможно вообразить себе ее границы, к которым нельзя было бы без конца прибавлять все новую протяженность. И поэтому, если не приписывать материи актуальной бесконечности, конечность ее размеров должна быть обусловлена какой-нибудь другой причиной, помимо ее протяжения. Те, кто утверждали конечность материи на философских основаниях, представляли ее себе бездеятельной и разделенной на независимые и отдельные части, с пустыми промежутками между ними; части эти считались тяжелыми или легкими сами по себе и им приписывались различные фигуры, а также различные степени движения, поскольку внешняя причина насильственно выводила

их из естественного состояния покоя. Все это с необходимостью вело к предположению конечных протяженностей, при чем, однако, те же мыслители принимали и другую протяженность—бесконечную. А в таком случае им поневоле пришлось объявить эти две протяженности существенно различными по своим свойствам: одна была объявлена неподвижной, непроницаемой, неделимой, неизменной, однородной, бестелесной и всеобъемлющей, а другая—подвижной, проницаемой, делимой, изменчивой, разнородной, телесной и объемлемой. Одна означала бесконечное пространство, другая—отдельные тела. Однако все это различие уже предполагает данным то, что составляет предмет спора, и пользуется двусмысленным значением таких слов, как место, целое, части, частицы, делимость и т. д. Приняв за данное, что материя конечна и разделена на части, что она приводится в движение откуда-то извне и имеет в своем распоряжении пустое место, где она может действовать, эти философы установили, таким образом, государство в государстве, или одну протяженность внутри другой, как будто субъект находится внутри своих модусов. Но так как все эти предположения (как я часто повторял) суть только выводы из основного предположения о бездеятельности материи и так как противоположное этому, т.-е. ее исконное движение, уже доказано мною, то нет никаких оснований не считать бесконечной самую материю. А так как не-сущее не имеет никаких свойств, то и признанную всеми бесконечную протяженность следует приписывать этому бесконечному субъекту, бесконечно разнообразному в движении, протяжении и других своих неотделимых атрибутах.

25. На этом я мог бы кончить. Но чтобы выяснить для вас этот вопрос окончательно, я постараюсь еще показать, как все то, что обыкновенно приписывается пространству и телу в качестве их существенных различий, целиком и безусловно принадлежит бесконечной материи. Я принимаю при этом, что указываемые свойства имеют реальное существование и, несмотря на свою видимую противоположность, суть состояния одного и того же субъекта, лишь рассматриваемого с различных сторон. Когда мы мыслим тела как конечные, подвижные, делимые, покоящиеся, тяжелые или легкие, как имеющие различные фигуры и находящиеся в разных поло-

жениях, тогда мы отвлекаем модификации от субъекта, или если угодно, части от целого, и ставим в нашем воображении границы для определенных частей материи, отделяющие и отличающие их от всего остального (отсюда и возникло первоначально понятие пустоты). Но когда мы рассматриваем бесконечное пространство как непроницаемое, неподвижное, неделимое, как вместилище всех тел, в коем они движутся и содержатся, между тем как само оно свободно от всяких изменений и от всякой формы, тогда, наоборот, мы отвлекаем бесконечный субъект от его конечных модификаций, или целое от частей. Применим теперь этот взгляд к отдельным случаям. Так как ничто не может быть ни прибавлено к бесконечности, ни убавлено от нее, то вселенная не может быть ни увеличена, ни уменьшена, ибо нет места, куда можно было бы удалить какие-нибудь ее части или откуда можно было бы взять новые. Следовательно, вселенная неподвижна и неделима, а также лишена всякой фигуры, ибо не имеет границ, и необъятна, ибо никакое конечное количество, сколько бы раз мы его ни повторяли, не может измерить ее протяженность. И поэтому, когда мы говорим, что пространство всеобъемлюще, мы имеем в виду бесконечную материю: мы мысленно отличаем целое от частей, которые, однако, реально не отличаются от целого. Когда мы говорим, что пространство пронизывает все вещи, мы отвлекаем протяженность материи от других ее свойств. И так же мы поступаем, когда называем его бестелесным: мы рассматриваем его тогда, подобно математикам, в виде точек, линий и поверхностей. Когда мы говорим, что пространство едино, мы имеем в виду его бесконечность и неделимость; ибо есть только одна вселенная, хотя и может существовать бесчисленное множество миров. Когда мы говорим, что пространство есть вместилище всех вещей, мы хотим сказать, что оно есть субъект своих собственных модификаций, будь то движение, фигура или что-нибудь другое. Когда мы утверждаем, что оно однообразно, мы имеем в виду, что материя всегда одна и та же, как бы ни были разнообразны ее модификации. И, наконец, когда мы говорим, что конечные тела не могут существовать без бесконечного пространства, мы высказываем только, что они не могут существовать, если их нет; ибо собственная плотность и их отношение к другим вещам и есть их место, отвле-

каемое нами от вселенной, в которую они входят частями и в безграничном движении, плотности и протяженности которой они принимают ограниченное участие. Ибо бесконечная материя и есть реальное пространство и вместительница, а также реальный субъект своих собственных частей и модификаций.

26. Для вас теперь становится понятным, как образовалось это понятие абсолютного пространства. Оно построено отчасти на произвольных предположениях, вроде того, что материя конечна, бездеятельна и делима; отчасти же на том, что мысленно выделяют протяжение, это наиболее очевидное свойство материи, не считаясь с другими ее свойствами или с их абсолютной связью в одном и том же субъекте. Конечно, каждое из этих свойств может быть мысленно отвлечено от остальных, и математики пользуются этим приемом весьма плодотворно; но нельзя принимать эти абстракции за реальности и приписывать им существование вне тех субъектов, от которых они отвлечены, или относить их к какому-нибудь другому, недостоверному и неведомому субъекту. Мы часто отвлекаем материю от движения и движение от материи и поступаем так же с плотностью и материей, с движением и протяжением, с протяжением и плотностью, с плотностью и движением. Каждое из этих свойств может браться и берется само по себе, без всякого отношения к остальным, тогда как в действительности движение материи зависит от ее плотности и протяжения и точно так же все остальные ее свойства неотделимы друг от друга. Но защитники пространства, отвлекши протяжение от материи, различили затем протяжение вообще и частное протяжение материи, протяжение того или другого тела, как будто последнее есть нечто, привнесенное к первой; однако они не могли указать для этой общей протяженности никакого субъекта, говоря о нем то как о какой-то субстанции, которая не есть ни дух, ни тело, то как о каком-то новом виде небытия, одаренном свойствами сущего. А некоторые не боялись даже провозгласить его самым верховным существом или, по крайней мере, несовершенным образом бога, как это можно видеть из книги даровитого Ральфсона о реальном пространстве (его я имел в виду в двух предыдущих параграфах; впрочем, как это видно из его же ссылок, он не был

ни первым изобретателем этого взгляда, ни его единственным защитником в наши дни). Я с удовольствием отмечаю, что большинство этих господ твердо верили в существование божества, и я хочу надеяться, что это можно сказать о каждом из них, но мне думается, что в своем неосмотрительном усердии они свели бога к чистому небытию, превратив природу или вселенную (чего они отнюдь не хотели) в единственно существующего бога. Впрочем, чистота их намерений должна снять с них, в глазах всех благожелательных людей, обвинение в атеизме. Однако их промах был замечен самими атеистами, которым он дал повод к большому веселью. Вот, например, четыре строчки из одного стихотворения, автор которого, осмеяв сначала некоторые другие представления о божестве, издевается затем, с гораздо большим правом, над бесконечным бестелесным пространством:

Тебя с пространством правильно, еф-ей,
Отождествляют те, кто помудрей:
Пространство пусто,—стало быть, и ты
Полнейшее подобье пустоты.

Впрочем фантастическое представление об одной протяженности, проникающей в другую, дало повод для смеха и многим другим лицам, как нельзя более далеким от атеизма и неверия. Из них иные были бы весьма не прочь узнать, где пребывает разум и мудрость протяженного пространства: в целом или в какой-либо из его частей? Я говорю о частях в условном смысле, ибо бесконечное не может иметь их. Но если бы мне ответили вместе с одним из собеседников Цицерона, что целое должно обладать умом, потому что им обладают некоторые его части, то, не говоря уже о том, что ум этих частей не связан непременно с протяженностью, мы можем еще возразить, вместе с другим собеседником Цицерона, что в силу того же рассуждения целое должно бы было быть царедворцем, музыкантом, учителем танцев, философом, потому что таковыми являются многие его части. Но, конечно, все это пустые софизмы, основанные на смелении изменчивых модусов с существенными свойствами и на выведении действительных следствий из мнимых, внешних и не соответствующих причин.

27. Теперь, когда выяснено понятие о существенном движении материи, вы поймете, что аргументы или, вернее, сравнения и аналогии защитников пространства доказывают только одно—их уверенность в своей правоте, т.-е. вы поймете, что они всегда уже предполагают то, что еще требуется доказать. Предположим, вместе с ними, что вся мировая материя разделена богом на две равные сферы. Если последние находятся на некотором расстоянии друг от друга, то между ними есть измеримое пустое пространство; если же они касаются друг друга в одной точке, то должно быть бестелесное пространство между остальными точками их поверхностей. Но разве все это не значит, что уже предполагена конечность материи, предполагено то самое пространство, существование которого они хотят доказать, и предположено, насколько я вижу, на основании одного лишь факта тяготения? Я могу, вместе с г. Локком, мыслить движение одного какого-нибудь тела помимо всякого другого, немедленно заступающего его место; но при этом я мысленно изолирую это единственное тело, отвлекаясь от тел, которые замещают его. Я могу, вместе с тем же философом, представить себе, что два тела приближаются друг к другу, ничего не вытесняя на своем пути; но при этом я отвлекаюсь от всего того, что они фактически вытесняют при своем движении. Ибо, как он сам вполне правильно замечает, из того, что мы можем мыслить вещь в таком-то состоянии, еще вовсе не следует, что она действительно так и существует. Иначе пришлось бы утверждать существование гидр, кентавров, химер и других чудовищ, никогда в действительности не существовавших. Но я согласен с г. Локком, что из приведенных им примеров становится вполне понятным, что именно имеют в виду защитники пустого пространства; и со стороны картезианцев было нелепо отрицать это и тем более нелепо оспаривать то, о чем они, по их собственным словам, не имеют никакого представления. Все, что может быть сказано об этом предмете, сказано г. Локком в его «Опыте о человеческом разуме», особенно в тринадцатой главе второй книги, где он между прочим говорит следующее: «Если не предполагать телесный мир бесконечным, чего, я думаю, никто не станет утверждать, можно представить себе человека у крайней грани материи и мыслить, что

он протянул вперед руку». Г-н Локк не мог не знать, что до него очень многие утверждали бесконечность материи, и я не единственный утверждаю ее среди своих современников. И хотя я могу, конечно, вообразить себе мнимые границы материи, я не могу, однако, найти ни одного веского доказательства в пользу того, что протяженность (которую и Локк признает бесконечной) существует где-нибудь помимо материи,—я не нахожу, говорю я, никаких аргументов в пользу этого взгляда, кроме предположений, уже опровергнутых мною. Не стоит поэтому и говорить о непреодолимых затруднениях, возникающих по поводу этих фиктивных пределов, вроде того, каков их состав и вид, может ли что-нибудь от них отломаться, что происходит с этими обломками, и т. д. Я присоединяюсь, далее, к соображениям г. Локка о частицах, получающихся в результате деления; но я отрицаю, что непрерывность бесконечной материи может быть нарушена отдельными поверхностями с пустыми промежутками между ними. Ведь мы только мысленно отвлекаем (как я говорил об этом в шестом и седьмом параграфах) то, что называем частями, рассматривая отдельно такой вырез из протяженности, какой нам в данный момент нужен; мы отделяем его от остальной протяженности не реально, а на основании модификаций цвета, фигуры, движения и т. д.,—подобно тому как мы можем рассматривать шар солнца отдельно от его света. Далее г. Локк говорит: «Те, кто утверждает, что пространство не может существовать без материи, должны не только считать телесный мир бесконечным, но и отрицать, что бог властен уничтожить какую-либо часть материи». Что они должны считать материю бесконечной, это верно; но заключительное замечание об уничтожении материи совершенно неправильно. Не говоря уже о том, что ни в одном из своих откровений бог не изъявил желания уничтожить какую-либо часть материи, нельзя доказывать реальность пустого пространства ссылкой на то, что бог властен уничтожить материю, как нельзя утверждать, что мир погибнет через три дня, на том лишь основании, что бог может разрушить его в этот короткий срок. Я не понимаю, почему защитники бесконечной материи должны были бы (как утверждает г. Локк в том же месте) *стесняться высказывать свое мнение*—больше, например, чем защитники бесконечного про-

странства или какой-либо другой бесконечности, ибо это определение прилагается не к одному или двум, а ко многим предметам. И если Декарт побоялся прямо утверждать бесконечность (*infinite*) материи и ограничился утверждением ее неопределенности (*indefinite*), то это потому, что, с одной стороны, он был уверен, что протяженность бесконечна, а с другой— считая материю по природе своей бездеятельной и реально разделенной, не мог как следует доказать ее бесконечность (хотя иногда определенно утверждал ее, как вы, его усердный читатель, прекрасно знаете сами). Что касается богословских возражений против этого взгляда, то они мало чего стоят и доказывают только, что философское глубокомыслие иных людей обратно пропорционально их ревности о вере; и я не думаю, чтобы умеренные и просвещенные богословы наших дней захотели воскресить разоблаченные софизмы своих невежественных предшественников. Впрочем, я хотел бы особенно подчеркнуть, что, несмотря на мое разногласие с г. Локком в вопросе о пространстве, я считаю его «Опыт о человеческом разуме» наиболее полезной книгой в философской литературе всех народов как со стороны сообщаемых ею общих знаний, так и в том смысле, что она приучает дельно, понятно и точно говорить обо всех предметах. И я вовсе не хотел выступать здесь противником этого великого человека; но зная, как высок его авторитет в ваших глазах, благодаря моим же собственным внушениям, я постарался рассеять предрассудки, которые он мог бы поселить в вас против бесконечности материи, ее существенного движения и всего, что может быть построено на этих исходных началах.

28. А теперь, сударь, после того как вы заставили меня проделать эту утомительную работу,—теми вопросами, которые вы поставили мне в вашем кратком, но весьма содержательном письме,—теперь вы, я не сомневаюсь, согласитесь, что движение должно войти в определение материи на таких же правах, как протяжение и плотность. Если же вы попросите меня, чтобы я определил само движение, я отвечу, что не могу этого сделать, как не может ни один человек, хотя бы и самый способный; не потому, что мы плохо знаем движение, а потому, наоборот, что мы знаем его лучше всего того, что доступно определению. Такие простые представле-

ния, как движение, протяжение, цвет, звук—самоочевидны, и термины эти ни в коем случае не могут быть определены; только отдельные слова, обозначающие сложные представления, т.-е. комплексы представлений самоочевидных, могут быть объектами определений, ибо различные термины, обозначающие эти простые представления, будучи соединены вместе, вскрывают связь, возможность и характер целого. Так, никакими словами в мире нельзя объяснить, что такое синева, и дать о ней ясное представление человеку, никогда не видавшему этого цвета. Но предположите, что тот же человек никогда не видал золота, хотя хорошо знаком с другими металлами: он, конечно, сможет составить себе о нем отчетливое понятие на основании сообщений о его желтизне и весе, ковкости, плавкости, твердости и т. д. Поэтому, когда определяются названия простых представлений, не должно думать, что определяются самые представления; ибо равносильные термины не объясняют природу вещи, а только передают значение слова в других, более понятных выражениях. Так слова «переход», «перенос», «удаление», «последовательное приложение»—только синонимы слова «движение», а не определение самого предмета, и то же самое следует сказать об аристотелевой «актуализации потенциального, как такового». Но всякое частное пространственное движение может быть определено указанием на те линии, которые оно описывает, и на те причины, которые определяют его направление и скорость. То же самое относится к общей протяженности материи, с одной стороны, и к частным определениям этой протяженности—с другой. Плотность материи есть также наглядное и, следовательно, неопределимое представление. Впрочем, я понимаю здесь плотность не в геометрическом смысле, как определение всякой величины, имеющей три измерения, а употребляю, вслед за г. Локком, этот положительный термин, вместо отрицательного «непроницаемость», для обозначения сопротивления, которое любое тело оказывает вторжению всякого другого в занимаемое им место: так, капля воды, равномерно сжатая со всех сторон, составляет неодолимое препятствие для сильнейших в мире тел, стремящихся занять ее место, и кусочек дерева не позволяет вам соединить вплотную ваши ладони, несмотря на все ваши усилия. Это относится в такой же мере ко всем жидким и

мягким телам, как к самым твердым, к тяжелым в такой же, как к легким; это так же верно относительно воздуха и мякоти плодов, как относительно золота и алмазов. Так отличается, по замечанию того же основательнейшего г-на Локка, употребление слова «плотность», когда оно служит для обозначения некоторого неотделимого свойства материи, от его обычного употребления, при котором плотность обозначает твердость, т.-е. определенное сцепление частиц, с трудом поддающихся разъединению, тогда как в философском смысле она означает заполненность или безусловное вытеснение всех остальных тел. В этом последнем смысле я и понимал слово «плотность» на протяжении всего настоящего письма, за исключением третьего параграфа.

29. Я не хочу сказать, что материя не имеет других существенных свойств, кроме эти трех—протяжения, плотности и активности; но я убежден, что при надлежащем совместном рассмотрении их одних мир материальных явлений может быть объяснен гораздо лучше, чем это было сделано до сих пор. Но едва ли можно ждать каких-либо открытий в области естественной философии со стороны того, кто отвлекает одно из этих свойств от двух остальных, превращая его в единственную сущность материи; ибо совершенно ясно, что в материи эти атрибуты могут быть отделены друг от друга только мысленно. Так, например, протяжение не может исчерпывать собою все представление о материи, ибо оно не включает в себя плотность и движение; но вполне возможно, что все протяженное есть материя, хотя материи свойственно не только протяжение, но также активность и плотность. Хотя при отвлеченном рассмотрении этих представлений одно не предполагает другого и каждое из них обладает определенными модусами, принадлежащими непосредственно ему самому, однако в природе они связаны так крепко, что одно не может существовать без другого и все должны пребывать вместе, чтобы произвести модусы, свойственные каждому в отдельности. Протяженность есть непосредственный субъект всех разделений, фигур и частей материи; но порождает все эти модификации активность, и они не могли бы выявиться без плотности. Активность есть непосредственная причина всех пространственных движений, изменений и многообразия в материи; но носителем и мерой возникающих при этом

расстояний является протяженность. От плотности зависят сопротивление, импульс и продвижение тел, но они проявляются в протяженности лишь благодаря активности. Плотность, протяженность и активность суть поэтому три отличные представления, но не три различные вещи; это только разные способы рассмотрения одной и той же материи. Но вернемся к нашей специальной теме. Теперь вы легко поймете, что *vis motrix*, истинная движущая сила, и есть эта существенная активность материи; а *vis impressa*, — сила, сообщаемая отдельным телам, — есть некое определение общей активности, ибо совершенно бесспорно, что ничто не может двигать, т.-е. определять, само себя, пока оно не определяется к тому чем-нибудь другим. Поэтому направление, полученное присущей материи активностью в какой-либо части, само по себе всегда оставалось бы одним и тем же, ибо без причины не может быть никакого действия; и, следовательно, это направление должно быть изменено какой-нибудь большей силой, эту последнюю должна сменить другая и так далее, при чем одна перестает действовать только для того, чтобы начала действовать другая, как ни одна фигура не разрушается в материи, не уступив место другой. Так одно движение всегда сменяется другим движением, но никогда не сменяется абсолютным покоем, как исчезновение одной фигуры в какой-либо части материи не есть исчезновение всякой фигуры, что было бы невозможно. Эти состояния движения в частях плотной протяженной материи и образуют то, что мы называем явлениями природы и чему даем разные имена и приписываем вред или пользу, совершенство и несовершенство, смотря по тому, как они действуют на наши чувства, причиняют ли нам удовольствие или страдание, способствуют ли нашему сохранению или разрушению. Но мы не всегда называем их по их реальным причинам или по тем способам, какими они производят друг друга и каковыми являются упругость, твердость, мягкость, жидкость, количество, фигуры и отношения отдельных тел. Более того, мы часто считаем многие состояния движения вообще лишенными всякой причины, например, самопроизвольные движения животных. А между тем, хотя эти движения и сопровождаются мыслью, однако, как движения, они имели свои физические причины. Когда, например, со-

бака гонится за зайцем, масса внешних объектов действует со всею силою импульса или притяжения на ее нервы, которые так переплетены с мускулами, суставами и другими частями тела, что производят разные движения ее членов. Кто хоть сколько-нибудь отдает себе отчет в действии тел друг на друга через прямое соприкосновение или через посредство мельчайших частиц, непрестанно истекающих из них, и кто кроме того знает механику, гидростатику и анатомию, тот не станет сомневаться, что все движения, выполняемые нами, когда мы сидим, стоим, лежим, встаем, ходим, бегаем и т. д., имеют соответственные внешние и материальные определения. Г-н Ньютон, сказав, в предисловии к своим «Математическим началам естественной философии», о тяготении, упругости, сопротивлении, импульсе и притяжении и о своем объяснении системы мира из этих начал, прибавляет: «Было бы хорошо, если бы мы могли тем же методом рассуждения объяснить и остальные явления природы из механических начал! Ибо многое заставляет меня подозревать, что все они зависят от некоторых сил, которыми частицы тел по неоткрытым еще причинам либо притягиваются друг к другу и сцепляются в определенные фигуры, либо отталкиваются и удаляются друг от друга. Не зная этих сил, философы тщетно пытались до сих пор понять природу». Каковы бы ни были эти особенные силы и фигуры, никто в мире не способен в такой мере открыть их и привести в разумную систему, как превосходнейший автор только что приведенных слов. Но что касается общей движущей силы всякой материи, то я льщу себя надеждой, что в этом отношении кое-что сделано мною в настоящем письме.

30. Таким образом я ответил, думается мне, на все ваши вопросы в отдельности, кроме вашего последнего возражения, которое (если можно говорить о степенях истинности и ложности) слабее всех остальных. Именно: вы говорите, что *раз допущена активность материи, то, повидимому, исчезает необходимость в верховном уме*. Позвольте же вам сказать, что это—наиболее необдуманное и легковесное замечание, какое я когда-либо слышал из ваших уст, ибо вы никогда не согласитесь делать одиозные выводы, противные вашему собственному убеждению, как это делают слишком многие.

Не говоря уже о том, что бог так же мог создать материю активной, как и протяженной, что он одинаково мог дать ей как одно, так и другое свойство, что нельзя указать никаких оснований, почему бы он не мог наделить ее первым свойством в такой же мере, как вторым,—не говоря обо всем этом, разве нет необходимости, чтобы он в известные моменты, или, вернее, всегда, направлял ее движения? Разве образование животных и растений может быть объяснено одной активностью материи в большей мере, чем одной ее протяженностью? И разве вы можете представить себе, что действие и противодействие тел, что взаимодействие всех частиц материи могло в самом себе заключать столько разума, чтобы создать хотя бы одну из этих изумительных растительных или животных машин? При всех ваших познаниях в механике, вы не сумеете, как не сумел и Декарт, изобрести правила и средства для построения человека или мыши. Никакие столкновения атомов, ни при каких даже самых благоприятных условиях, не могли бы объединить части вселенной в существующий порядок и сохранить их в нем, не могли бы создать организацию цветка или мухи, как нельзя себе представить, чтобы типографские знаки, миллионы раз смешиваемые в кучу, расположились наконец в таком порядке, при котором получилась бы «Энеида» Виргилия, или «Илиада» Гомера, или вообще какая бы то ни была книга. Что же касается бесконечности материи, то с нею несовместимо только то, чего и так не может признать ни один разумный и благомыслящий человек,—несовместим протяженный телесный бог, но вполне совместим чистый дух, нематериальное существо. Я уверен, что от многих обычных возражений вы избавили меня сознательно, понимая, что нет конца нелепостям, вытекающим из ложных и голословных систем. Некоторые картезианцы (чтобы не называть других) дошли до такой чудовищной гипотезы: не отдавая себе отчета в сущности движущей силы и желая избежать перехода акциденций от одного субъекта к другому, они не постеснялись утверждать, что бог отнимает, например, движение у катящегося шара и передает его другому шару, на который наталкивается первый, так что бог и сохраняет движение своим непосредственным вмешательством, и отнимает его с такою

постепенностью, какая соответствует элементарным законам движения. Неужели это значит объяснять вещи? И это говорят те самые люди, которые смеются над симпатией, антипатией, скрытыми качествами и т. д.! Я знаю, с кем говорю, и поэтому выражаюсь так кратко; я знаю, что для вас достаточно малейшего намека, чтобы самому развить из него все выводы. К тому же обычные решения едва ли удовлетворяют человека, отрицающего обычные предпосылки.

31. Когда вы будете писать мне в следующий раз, обратите, прошу вас, внимание на то, что математики (которые обыкновенно мыслят наиболее правильно и строго, хотя иногда и исходят из произвольных предпосылок и часто превращают отвлеченные представления в реальные сущности), что математики, говорю я, констатировали, сами того не сознавая, необходимость внутренней и существенной активности материи в своем *conatus ad motum*. Я умышленно не остановился на этом пункте, когда говорил о том, как системы стоиков, платоников, гилосоистов и других возникли из усмотрения все той же постоянной и универсальной активности; ибо я поставил себе целью написать об этом предмете не все, что я мог бы сказать о нем, а только то, что я считал необходимым для отвода ваших возражений и для привлечения вас на сторону моих взглядов. Я не стану также останавливаться на том, какую дальнейшую пользу могла бы еще извлечь философия из понятия о движении, как существенном свойстве материи, помимо более ясного уразумения природы вообще и разрешения частных вопросов о движущей силе, о пространственном движении с пустотой или без нее, о природе пространства, о бесконечности материи. Я уверен, что еще прежде, чем вы успели дойти до этого места моего письма, вы уже применили излагаемое мною учение для разрешения разных трудных вопросов, беспристрастно обозревая в своем уме не столько объяснения, сколько неудачные догадки и жалкие софизмы школьных теорий, и при этом вы наверное обратили внимание на то, какие бесчисленные заблуждения могут проистечь для всей философии в целом из какого-нибудь одного неверного принципа, принятого за непреложную истину без критики и проверки. Моими собственными наблюдениями, относящимися к этому

предмету, я охотно поделюсь с вами и с нашим общим другом, который одиноко философствует при дворе, где он превосходит всех как изысканностью обращения, так и просвещенностью и начитанностью и где, благодаря своим высоким дарованиям и удивительному уму, он выделяется и на очередных церемониях, и при обсуждении самых тонких и трудных вопросов государственного управления. Но не буду больше утомлять вас, сударь, пока вы не соблаговолите обратиться ко мне с вашими пожеланиями в другой раз.

ПАНТЕИСТИКОН,
ИЛИ
ЧИН ПРОСЛАВЛЕНИЯ
СОКРАТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА,

РАЗДЕЛЕННЫЙ
НА ТРИ ЧАСТИ,

А И М Е Н Н О:

- I. ОБЫЧАИ И ПРАВИЛА ЧЛЕНОВ СОДРУЖЕСТВА,
- II. СВЯТЫНЯ И ФИЛОСОФИЯ,
- III. СВОБОДА И НЕПОГРЕШИМЫЙ И НЕНАРУШИМЫЙ ЗАКОН ПАНТЕИСТОВ, ИЛИ ЧЛЕНОВ СОДРУЖЕСТВА.

СЕМУ ПРЕПОСЫЛАЕТСЯ

РАССУЖДЕНИЕ О ДРЕВНИХ И НОВЫХ СОДРУЖЕСТВАХ УЧЕНЫХ, А ТАКЖЕ О БЕСКОНЕЧНОЙ И ВЕЧНОЙ ВСЕЛЕННОЙ.

ПРИЛАГАЕТСЯ

КРАТКОЕ РАССУЖДЕНИЕ О НЕОБХОДИМОСТИ ДВОЙСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПАНТЕИСТОВ И ОБ ИДЕЕ ЛУЧШЕГО И СЛАВНЕЙШЕГО МУЖА.

ЧИТАТЕЛЯ, ДРУГА МУЗ И ИСТИНЫ,

ПРИВЕТСТВУЕТ

ЯН ЮНИЙ ЭОГАНЕЗИЙ

Помышляя о благе рода человеческого и от всей души любя вечную истину, я представляю тебе, благородный читатель, *новое содружество* и его новый *чин*, чтобы ты стал лучше и мудрее и всегда чувствовал радость и довольство. Я не буду говорить, — да тебе и не к чему это знать, — по какому случаю или чьим иждивением сочинение это выходит ныне в свет. Суждение о предметах такого рода должно быть основано на них самих, так как извне они не заимствуют никакой ценности и им нельзя приписывать никакого авторитета. Толпа враждебна науке и преследует тех, кто предан ей. Но — как отлично говорит Сенека — «нет ничего лучше, как не следовать — подобно скоту — за толпой предшественников, идя не туда, куда надо идти, а туда, куда проторена дорога» ¹⁾; и немного дальше: «Так как каждый предпочитает верить, а не рассуждать, жизнь обычно является предметом не рассуждения, а веры; заблуждение, переданное нам другими, совращает нас и ивергает в бездну; мы гибнем, следуя чужим примерам». Что же остается делать? «Мы исцелимся, — говорит он, — стоит нам лишь отделиться от черни». «Ведь, — прибавляет он немного ниже, — лишь для невежды чернь — авторитет» ²⁾, а, по словам Марка Туллия, «ничто так не свойственно толпе, как невежество» ³⁾. «Дело в том, что философия, — цитирую все того же автора, — удовлетворяется немногими судьями; она сознательно избегает толпы, и последняя ненавидит ее и относится к ней с опаской. Таким образом, если кто вздумает хулить фило-

---

1) De vita beata, cap. 1.

2) Ibid., cap. 2.

3) De Divinat., lib 2, cap. 39.

софию вообще, он сможет это сделать в согласии с чернью; а если он пожелает напасть на ту, которой мы следуем, он сможет найти большую поддержку в учениях остальных философов»¹⁾. Ты же, читатель, если избереешь себе в вожди не привычку, а разум, то будешь считать все человеческие дела ниже себя; с полным спокойствием будешь ты нести свой жребий, каков бы он ни был; будешь избегать глупого честолюбия и сверлящей зависти; будешь презирать преходящие почести, ибо и вся твоя жизнь преходяща; будешь вести приятную и спокойную жизнь, ничему не удивляясь и ничего не страшась, и благоразумно усвоишь правило Вергилия:

Счастлив, кому удалось постичь причины явлений
И пятый раздавить все страхи пред темною силой
Неумолимой Судьбы и пред рокотом жадного Стикса²⁾.

Таким ты станешь, прочитав этот Пантеистикон; а теперь, когда ты узнал, что в этой книге дается философское, а не теологическое описание *содружества* (ибо одно дело—объяснять природу, а другое—передавать вероучение), желаю тебе быть здоровым и мудрым.

В 1720 год общепринятой эры.

---

1) Tusc. Disput., lib 2, cap. 1.

2) Georg., lib. 2, v. 490.

О древних и новых содружествах ученых, а также о бесконечной и вечной вселенной

Рассуждение

I

Так как человек—животное общественное, которое не может ни хорошо, ни счастливо, ни даже вообще жить без помощи и содействия других, то по необходимости возникают различные,—больше того, бесчисленные общества. Таковы, например, союзы между мужьями и женами, родителями и детьми, господами и слугами, властями и подчиненными, а также все остальные семейные и общественные союзы, из которых, в свою очередь, образуется государство. Из этих обществ одни более добровольны, другие менее. Первые, о которых здесь и идет речь, назывались древними греками и римлянами фратриями, гетериями, товариществами, содружествами—названия, которыми и впоследствии нередко пользовались. Здесь мы не будем рассуждать ни о компаниях купцов и ремесленников, ни о содружествах, заключенных из религиозных или политических соображений, каковыми, между прочим, были Арвальские братья, жрецы Тита, Августа, Флавия, Антонина. Мы будем говорить о таких содружествах, которые часто образовывались у тех же греков и римлян для услаждения сердца или для духовного поучения. Даже религиозные содружества, особенно те, собрания которых происходили по ночам, и все другие, имеющие в виду общественные или государственные задачи, часто подвергались стеснению и запрещению со стороны законов. То же относится и к торжественным трапезам, обыкновенно происходившим в определенные дни года, не говоря уже о союзах ремесленников, столь отличных от наших. Но такого рода неудача или позор никогда не приключались, или приключались очень редко, с учеными со-

дружествами, товарищескими собраниями, веселыми пирами. Такие пиры греки называли симпозиями, или пирушками, синдейпнами, или общественными обедами, не всегда отличавшимися от сисситий лакедемонян. Каждый из товарищей приносил что-либо для общего обеда, что у греков называлось *symbolum*, или *symbola*, а у римлян—пользуясь выражением Туллия—*collecta*. Поэтому и самый пир назывался обедом в складчину, а те, которые ничего не приносили, назывались *asymboli* и *immunes*. Сверх того, *symbolum* у греков назывался *eranum*, обед—*eranus*, пирующие—*eranistae*, а глава пира—*eranarcha*.

II

Так как в природе вещей нет ничего лучше разумного порядка, то на всяком таком пиру сотрапезники (которых обычно бывало не более числа муз и не менее числа граций, а лучше всего столько, сколько единиц в числе планет) по жребию избирали из своей среды начальника, который должен был устанавливать, как пить и как спорить, и назывался также симпозиархом, верховным судьей, царем, вождем, отцом обеда, владыкой пира, магистром (откуда *magisteria* Цицерона) и, согласно Варрону, *modiperator*. Поэтому Юпитер почитался, под именем *Sodalitius*, как толкователь товарищеского права и справедливейший судья. Кто хочет познакомиться с тем, какими талантами должен обладать хороший симпозиарх, пусть прочтет на досуге четвертый вопрос первой книги «Гостей» Плутарха, где речь идет больше о законах пира, чем о законах рассуждения. Пиры эти были урочными или внеурочными, роскошными и более скромными, но пальму первенства завоевали те, которые у Гермогена носят название сократических пиров и описания которых оставили нам два знаменитейших ученика божественного Сократа — Платон и Ксенофонт.

III

И в наше время многие, желая за обедом не скучать, а свободно беседовать о том или другом вопросе, учредили пиры, подобные сократическим, и даже прямо назвали их *сократическими содружествами*. Это—большей частью фило-

софы или люди, ближе всего примыкающие к философам, которые, не признавая никаких авторитетов, не поддаваясь воспитанию или привычке, не чувствуя себя связанными религией, отечеством или законами, рассуждают обо всех предметах — о священных, как их называют, и мирских — в высшей степени свободно и без предрассудков, с полнейшим душевным спокойствием. Их обычно называют *пантеистами* вследствие свойственного им воззрения на *бога* и *вселенную*, — воззрения, диаметрально противоположного миросозерцанию эпикурейцев, верящих в хаос (*chaologis*) и сны (*oneiropolis*). Ибо *пантеисты* не признают никакого первобытного хаоса, никакого рока или случая в качестве творца мира, но, вместе с Лином, древнейшим и славнейшим жрецом тайной науки, говорят о причине и происхождении вещей: «Все возникло из целого, и целое — из всего».

Объяснение этого стиха, который у них всегда на устах, довольно сложно; мы дадим его здесь в кратких, но точно выражающих мысль, словах. Итак, они утверждают, что *«вселенная* (ничтожную часть которой представляет видимый нами мир) бесконечна как по протяжению, так и по силе; едина непрерывностью целого и смежностью частей; неподвижна в целом, ибо вне ее нет ни места, ни пространства, но подвижна в частях или в бесчисленных промежутках; одновременно неразрушима и необходима, и притом в обоих смыслах — в смысле вечного существования в прошлом и вечного пребывания в будущем; разумна в некоем высшем смысле, так что может быть названа таковой лишь в силу слабой аналогии с нашей способностью разумения; наконец, ее составные части всегда одни и те же, а образующие части находятся всегда в движении». В кратких словах я не могу изложить яснее и выразить точнее их учение.

IV

Из этого движения, а также разума (являющегося силой и гармонией бесконечного целого) возникают бесчисленные виды вещей, каждая из которых в отдельности является для себя формой не меньше, чем материей, так как форма есть не что иное, как расположение частей в каком-либо

теле. Поэтому во *вселенной*, в которой пребывают бесконечные миры, все управляется правильнейшим образом и совершеннейшим порядком. Как остальные части, эти миры отличаются друг от друга особенными свойствами, хотя на самом деле в отношении целого нет отдельных частей. Совершенство *вселенной* отнюдь не умаляется тем, что вещи движутся по частям, так как отсюда непрерывной чередой возникают новые совершенства. Совершенство вселенной нисколько не умаляется и тем, что многое, образовавшись из этих частей, ежедневно разрушается, ибо на этом разрушении лежит печать совершенства: ничто не погибает целиком, но гибель чего-нибудь одного есть рождение чего-нибудь другого, и наоборот; и все, путем постоянной смены форм, прекраснейшего разнообразия и превращения вещей, работает на укрепление и сохранение целого и как бы вечно вращается во вселенной. Точно так же и славнейший Мусей полагал, что все создано из единого и, разрушаясь, обращается в него же. И вот, сила и энергия целого, все создавшая и уравновесившая и постоянно устремленная к наилучшей цели, есть *бог*, которого можно назвать, если угодно, *разумом* и *духом вселенной*. Поэтому-то сократические товарищи, как я уже сказал, называются *пантеистами*, ибо, по их мнению, силу эту можно отделить от *вселенной* разве только с помощью разума. Григорий Ариминский, Оккам, Каэтан, даже Фома Аквинский, причисленный к лику святых (я опускаю других), не считали, что противоречат космогонии Моисея, — как и я не думаю этого о себе, — когда учили, что *бог есть вечная причина вечного мира, и все извечно проистекло непосредственно от бога*. Но поистине прекрасна мысль Иеронима ¹⁾, что *бог разлит внутри мира и объемлет его извне*; так выражались более древние философы, особенно пифагорейцы.

V

Чтобы дать более подробное понятие о том, как рассуждают *пантеисты*, я скажу, что для них первоначальные тела, или, так сказать, элементы элементов, наиболее просты по своему составу, фактически неделимы и бесконечны по

¹⁾ In Isa, 66.

виду и числу. От их сложения, разъединения и разнообразного смешения происходят все вещи, каждая со своим размером, весом и движением. Тут действуют взаимное механическое согласие и разногласие подвижных по своей природе частей и взаимодействие встречающихся друг с другом и сталкивающихся тел, деление которых на свои элементы не оставляет пустоты. И ряд воздействий не прерывается, так как нет пустого промежутка и нет последней преграды,—ведь общепринятая в школах аксиома, что *движение не может длиться бесконечно*, есть софизм и крупное заблуждение, так как отдельным вещам нет числа, и нельзя указать ни первой, ни последней. Мы охотно признаем, что нет бесконечного определения или особого вида движения, но не можем допустить первого телесного двигателя, или неподвижный центр—да и вообще какой бы то ни было центр—вселенной. Поэтому мы отвергаем вымысел Эпикура об образующих предметы *грубых, гладких, изогнутых и крючковатых телах с пустыми промежутками между ними* вместе с его теорией случайных, не обусловленных извне, сцеплений и отклонений их атомов, так как он имеет, может быть, в виду междумировые пространства. Не будем также останавливаться на вечном перпендикулярном нисхождении атомов и тому подобных паралогизмах, так как в бесконечном пространстве нельзя представить себе ни верха, ни низа, ни начала, ни конца. Нет предела для внутреннего и всеобщего действия (представляющего собой сумму всех движений), ибо сама *вселенная* беспредельна. Поэтому мы считаем правильным признать действие бесконечным; однако все частные движения взаимно ограничивают, сдерживают, замедляют или ускоряют друг друга в зависимости от направления и силы сопротивления или импульса каждого из них. В наши намерения не входит обсуждение вопроса о взаимодействии мировых тел или о доказательствах пустоты, выдвинутых некоторыми небезызвестными философами. Тот, кто интересуется этим, лучше всего пусть обратится к Ньютону. В сложных делах, как мы сказали, содержатся неделимые частицы различной конфигурации с преобладанием того или иного вида. *В большинстве случаев вещь получает название по преобладающему в ее составе материалу* (так гласит изречение древних). Таким образом, в мире не воз-

никает ничего нового, кроме лишь перемены места, из которой происходит появление и исчезновение всех вещей,— путем зарождения, роста, превращения и тому подобных движений,—ибо, как уже замечено, все находится в движении, и все различия суть только имена разных движений, так как в природе нет ни одной точки, которая бы находилась в абсолютном покое. Принимая все это в соображение, мы даже самый покой должны рассматривать как движение сопротивления.

VI

Мышление (которое здесь нельзя обойти молчанием) есть особенное движение мозга, специального органа этой способности; вернее сказать, оно — некая часть мозга, переходящая в спинной мозг и нервы с их разветвлениями. Здесь средоточие души, здесь происходит движение мыслей и ощущений, которые, в зависимости от различного устройства мозга, весьма различны у отдельных видов животных. Мы не будем останавливаться на остальных движениях тела, выполняемых действием нервов. Эфирный огонь, все окружающий и потому наивысший, во все проникающий и потому внутренний, для которого огонь очага представляет некоторую аналогию и является его несовершенным подобием,— этот эфир, говорю я,—(благодаря изумительному устройству мозга и действию внешних предметов на чувствующие нервы, порождающему различные представления) правильно выполняет всю механику восприятия, воображения, воспоминания, расширения и сокращения понятий. Только этот огонь, более подвижный, чем даже мысль, и гораздо более тонкий, чем всякое другое вещество, может столь быстро пробегать по натянутым струнам нервов и действовать так или иначе в зависимости от различных воздействий предметов на нервы; эфир этот действует животворным и нежно сотрясающим образом; он не жжет, подобно обыкновенному огню, не рассеивает и не разрушает; «он господствует над всем (говорит автор книги «О диете»), все приводя в естественный порядок, не поражая ни зрения, ни осязания; в нем заключены душа, ум, благо-разумие, рост, движение, уменьшение, перемена, сон, бодр-

ствование; он управляет всем и никогда не оставляет в покое ни небесного, ни земного». Этот огонь—«частица божественного дыхания» Горагия, «изнутри питающий дух, небесное начало, огненная сила» Виргилия и как бы мы еще его ни называли. Животные духи, как их называют наши современники, и нервная жидкость—слова без содержания, если они не имеют в виду этот огонь. О том, каким образом возбуждаются фантастические представления или образуются истинные представления в мозгу (этот орган, будучи телесным и очень сложным, может производить только телесное),—глубокомысленно обсуждается во второй книге «Эзотерик», где доказывается, что все представления телесны. Итак, отвергнув вымыслы некоторых о диафрагме, как о седалище человеческого ума, о сердце, печени и других частях тела, «людям полезно знать (говорит Гиппократ или, скорее, Демокрит в драгоценной книге о священной болезни), что наслаждение, радость, смех и утеха, так же как и печаль, тоска, горе и плач, имеют своим источником лишь одно место—наш мозг. С помощью мозга мы отлично знаем и понимаем, видим, слышим и познаем позорное и честное, дурное и хорошее, приятное и неприятное, отчасти руководясь законом, отчасти — пользой. Им же распознаем мы, когда нужно, наслаждения и неприятности, и не все нам нравится одинаково. Из-за него мы теряем рассудок и бредим, нами то ночью, то днем овладевают страхи, бессонница, неуместные заблуждения, необоснованные заботы, неспособность узнавать окружающих, невычка и неопытность. Источник всего этого—мозг, когда он нездоров, когда он жарче, чем свойственно ему по природе, или холоднее, влажнее или суше, или еще как-нибудь наперекор природе или обыкновению». Язык—не более орган вкуса, чем мозг—орган мышления. Но вернемся к тому, от чего отвлеклись.

VII

Из этих первоначальных тел, или простейших начал (ибо четыре общепринятых элемента не просты и их недостаточно), произошли сложные семена всех вещей, зачатые от вечности. Ибо в бесконечности все бесконечно, даже вечно, так как из нечего ничто не может произойти; не

могло также органическое строение семян образоваться путем скопления телец или благодаря какому-нибудь виду движения. Поэтому—чтобы пояснить это учение каким-либо примером—семя дерева не есть дерево только в потенции, как думал Аристотель; нет, оно настоящее дерево, в котором находятся все составные части дерева, хотя и столь малые, что могут быть восприняты чувствами лишь при помощи микроскопа, и то только в общих чертах. Такому деревцу недостает только более полного различия и роста частей, которые приобретаются постепенно путем усвоения простых тел, отличных по виду, и которые являются составляющими частями, необходимыми для питания и роста сложного тела. Таким образом, ни один вид деревьев не умирает, потому что семена, в которых он живет, всегда остаются живы: помещенные в надлежащее место, они получают более отчетливую форму, питаются, увеличиваются и постепенно достигают должного совершенства. То же следует думать об остальных видах *вселенной*,— не только о животных и растениях, но и о камнях, минералах и металлах, которые не менее органичны, обладают своими семенами, образуются в свойственной им среде и вырастают, при особенном питании, как и люди, четвероногие, пресмыкающиеся, крылатые и водяные животные или растения.

VIII

Если большинство философов считает золото, хрусталь и т. п. телами однородными, или состоящими из подобных частей, составленными простым сложением или как-нибудь иначе, на том основании, что они представляются таковыми чувствам, то *пантеисты* считают их состоящими из несходных частей, из сочетания которых (с преобладанием той или другой или по принципу сложения) и возникает тело, называемое *гомеомерным*. Однородное тело никогда не бывает смешанным: поэтому не однородны ни металлы, ни камни. Химики доказывают, что такие тела образуются из многообразных сочетаний различных веществ; даже из золота, столь однородного на первый взгляд, они извлекают серу, ртуть, землю и многое другое, из чего состоит этот благородный металл, но не все, так как это превосхо-

дит человеческое умение. В камнях и металлах следует различать сложные сплетения жилок, указывающих как будто на то, что в рудниках имеются разветвления и далеко расходящиеся корни. Поэтому свойственная им пища (пользуясь словами одного философа) всасывается по путям сначала более широким, затем все более узким, в зависимости от того, насколько чистой выходит пища. По тончайшим и скрытым ходам происходит дыхание. Как кровь проходит и проталкивается вверх и вниз до крайних жилок тела, так через узкие отверстия камней и металлов стекает питательное вещество, соответствующее крови. Поэтому отдельные части извлекают через особые пути то, что подходит их природе. Если эта пища менее заметна, чем в желудке и жилах животных, то пусть тот, кто требует этого от природы, вспомнит, что в деревьях она кажется не многим более отличной от частей, подвергнутых уже не одному исследованию. Если кто-нибудь скажет, что в растениях имеются определенные формы ствола, ветвей, листьев, цветов, плодов, семян, то в металлах и камнях также можно найти все это или аналогичное этому, хотя и видоизмененным. Если сами растения не все развиваются одинаково, то не удивительно, что тела, находящиеся под землей, ведут иной образ жизни. Кто когда-либо наблюдал, как бесчисленные камни различнойших очертаний там и сям увеличиваются, тот не может считать их чем-то менее одушевленным, чем зубы и кости животных. Как не всякая почва производит все растения, так не все камни образуются везде, ибо не повсюду имеется свойственная им пища. Вот почему в одном месте образуется мрамор, в другом— алмаз; один камень приобретает надлежащую форму скорее, другой медленнее; из одного зерна образуется известняк, из другого—гранит. Камни увеличиваются и уменьшаются, обладают большей или меньшей долговечностью, подобно растениям. Правда, многих смущает то, что через столь твердые тела и столь тонкие проходы не может, по видимому, происходить ни питание, ни рост. Кто поверит,— говорят они,— что громадные глыбы камней и металлов питаются наподобие костей и увеличиваются путем роста? Какая питающая сила смогла бы проложить себе путь сквозь эту неодолимую твердость? Но что тут удивитель-

ного (ответим мы на вопрос вопросом), если мы то же наблюдаем на зубах животных? Они тверже многих камней и металлов, и тем не менее черпают пищу через тонкие и незаметные каналы и растут по всем направлениям. Ведь для того, чтобы зубы принимали новое вещество, необходимо разъединяться столь прочно скрепленным частям и раздвигаться в большую массу; то же происходило бы, если бы зуб был равен горе или острову. Если мы не удивляемся этому в твердых костях и стволах деревьев, то почему, спрашиваю я, это кажется похожим на чудо в металлах и камнях? Как растущие деревья отличаются от тех, которые срублены топором, так и камни, находящиеся в рудниках, отличаются от тех, которые оттуда извлечены. Одни живут, а другие мертвы, одни полны сока, идущего из почвы, а другие лишены влаги, пусты и распадаются в прах. Одним словом, в недрах земли нет ничего неорганического, и нет самопроизвольного зарождения чего бы то ни было; все возникает из соответствующих зародышей. Поэтому не без основания земля зовется *всеродящей* матерью (*panspermia*), никогда не стареющий супруг которой—*животворящее* (*pammestor*) солнце. И вот мой ответ тому надоедливому незнакомцу, который на одном постоялом дворе в Германии спрашивал меня, откуда я родом: солнце—мне отец, земля—мать, мир—отечество, все люди—родные. Я отвечаю ему, как если бы этот совершенно невежественный и пошлый человек обратился ко мне с гомеровым стихом:

Кто ты? Кого земляками зовешь? Откуда ты родом?

IX

Пантеисты признают пифагорейскую, или, вернее, египетскую, или же, как ее теперь называют, коперниковскую астрономию, помещая солнце в центре вращающихся планет, среди которых наша земля не является наименьшей и самой отдаленной. Ей подобны бесчисленные другие земные шары, совершающие свои пути вокруг собственных солнц (или так называемых неподвижных звезд) в установленные сроки, пропорциональные отстоянию каждой. Непоколебимо убеждены они в том же самом относительно комет, описывающих наибольшие круги. О боги! Какое

наслаждение доставляет погруженным в измерение неба и земли вечный бег странствующих светил! Вычисляя быстроту меньших и медленность больших светил в одном и том же движении природы, они без труда приходят к заключению, что планеты не подвержены никаким действительным ошибкам, что ни одна из них не идет назад, ни одна не стоит на месте, ни одна не выходит из своей орбиты, как бы это ни представлялось человеческому взору. Им отлично известно, что понимали ученые древности под музыкой сфер: «Эти звуки,— говорит Цицерон,— образуются от вращения и движения самих кругов, которые, будучи размещены в неравном, но соразмерном между собою расстоянии, производят более или менее высокие или низкие тоны и создают различные правильные гармонии» ¹⁾. И здравомыслящие философы древности говорили это не о низких и высоких тонах и не о диссонансах и консонансах в пределах семи звуков, но о чудной гармонии небесных движений, в то время как поэты, не желая изменить своему искусству, упивались вымыслом, а сумасбродные авторы бредней о твердых сферах в наказание за свое тупоумие не могли расслышать этих чудесных звуков.

Сколько различные и увлекательные загадки разрешаются без труда учениками пантеистов! Вот один пример из многих: каким образом наиболее медленная звезда оказывается в ближайшем соседстве с быстрейшей? Привожу этот пример не в качестве особенно замысловатого и трудного для объяснения, но для того, чтобы вкратце указать на их учение о *совпадении крайностей* (если можно так выразиться) и их согласии; подробно останавливаться на этом вопросе здесь не место.

X

Из этого совпадения крайностей пантеисты выводят некое третье, весьма замечательное, движение земли, которое можно вычислить из передвижения точек равноденствия (неизменность их положительно доказывает это), а также из медленного, но непрерывного склонения меридиана. Ось земли, говорю я, непрерывно вращается, оставаясь параллельной самой себе, вокруг полюса эклиптики, от

¹⁾ Somn. Scip., cap. 5.

которого она повсюду отстоит на двадцать три с половиною градуса, наклоняясь к плоскости эклиптики; при этом равноденствия понемногу проходят к южным частям без всякого отношения к эклиптике. Яснее этого доказательства, основанного на наблюдениях Аристарха, Евдокса, Гиппарха, Птолемея, Коперника, Галлея и других древних и новых астрономов, ничего не может быть. Таким образом, когда равноденствия дойдут до тропика Козерога, они необходимо пойдут дальше до антарктического полюса, снова возвращаясь к арктическому. Мы, британцы, теперь гораздо дальше от арктического полюса, чем были во время Питея Марсельского, хотя восьмая сфера находится на таком расстоянии от земли, что особенности, размеры и противостояния небесных тел, описанные древними астрономами, кажется, не так уже сильно изменились на протяжении двух тысяч с лишком лет. То, что мы действительно подошли ближе к антарктическому полюсу, показывают не только времена года, несколько измененные предварением равноденствий, но также более мягкая благодаря этому температура, что явствует из истории и достоверных наблюдений. Это третье движение (называемое мною равноденственным, в отличие от суточного и годового движения земли), постепенно передвигаясь от востока к западу, имеет следствием то, что, хотя так называемая восьмая сфера, или область видимых неподвижных звезд, и неподвижна, все же — так нам представляется — стремится от запада к востоку. Таким образом, как в том случае, когда движение восьмой сферы через полюсы эклиптики предшествует предварению равноденствий, так и в том, когда оно следует за ним, — явления будут одинаковы, и все будет в том же виде представляться нашему зрению. Это явление следует объяснить так же, как остальные движения земли, которые некогда приписывались солнцу и планетам, и защитить от нелепостей софистов, что мы подробно сделали в третьей книге «Эзотерик».

XI

Следствием этого равноденственного движения является то, что в течение веков всякая частица нашего шара — и то же самое относится к остальным планетам — испытывает

одну и ту же участь. «Это наклонение меридиана,— говорит один из крупных пантеистов,— показывает, что земная ось не всегда проходит через противоположные части. Поэтому для наших чувств и независимо от них под осью оказываются все новые и новые области, и народы пояса, ныне холодного, переносятся к равноденственному: в конце концов место арктического полюса переходит к антарктическому и восток к западу. Это, как свидетельствует Геродот на основании священного учения египетских жрецов и сокровенных памятников, произошло дважды», т.-е. дважды солнце зашло там, где ныне восходит, и столько же раз взошло там, где ныне заходит. Несомненно, однако, что это произошло не дважды, а несчетное число раз и несчетное же число раз повторится, хотя такое обращение звезд и возвращение всех частей к исходному положению требует цикла приблизительно в 36.000 лет. Коперник, повидимому, хочет свести этот срок к 25.000 лет. О, как заслужили осмеяние те, которые смеялись над египтянами, чьих правдивых слов они не поняли, будучи невеждами в чистой астрономии,—эти шарлатаны, развлекающие невежественную толпу баснями. «Это наблюдение (продолжает глубокомысленный муж), которое со стороны математиков заслуживало бы большего внимания и изучения, раскрывает нам удивительную заботливость природы, направленную к тому, чтобы ни одна часть земли не была осуждена на слишком долгий холод и чтобы каждая область в свое время могла видеть солнце; только вследствие медленности этого движения и краткости человеческой жизни это не познается. На основании перемещения оси мы можем заключить, что та сила, которою земля направляется к известной части восьмой сферы, переходит понемногу от одного места земли к другому. Вот почему должны меняться климаты областей, широты городов, положения часов, которые ставятся по меридиану. Даже экватор земли меняется с осью и переходит в другую часть земли, но так как он всегда перпендикулярен оси, то, не произойди других перемен, он до сих пор находился бы под звездой Овна, как это было при жизни Евдокса, и экваториальные точки не передвигались бы назад». Но это, несомненно, происходит, так как ныне

наибольшая звезда, находящаяся в роге Овна (в котором при Евдоксе имело место весеннее равноденствие), имеет относительно эклиптики широту, по крайней мере, в три градуса по направлению к Рыбам, а относительно экватора—такое склонение, что почти касается тропика Рака. Отсюда необходимо следует, что эклиптика изменилась со времен Евдокса.

XII

То же изменение и почти по тем же причинам имеет силу и в отношении твердого и жидкого, влажного и сухого. Ибо то, что теперь море, было некогда землей, как и все, что ныне составляет землю, некогда будет морем, при неизменной массе и неизменном облике земного шара. Учение это, правда, ново, но, тем не менее, оно истинно. Впрочем, если не ошибаюсь, среди других учеников египтян этого же мнения держался Анаксагор Клазоменский, который на вопрос, будут ли когда-нибудь горы Лампсака морем, ответил: «конечно, если хватит времени». Он думал, что горы частью обнажены отступлением моря, частью созданы им (мы объясним это иначе), а его наступлением они будут разрушены и уничтожены; поэтому океан не без основания назывался древними Амфитритой, так как он со всех сторон окружает землю, стирает и разрушает ее. Медленность этих превращений крайне затрудняет наблюдение для некоторых ученых, отличающихся умственной неподвижностью; те же ученые, которые обладают быстрым умом, этим наблюдением пренебрегают и даже забывают о нем. Поэтому Теофраст «на одре смерти (как рассказывает Туллий) обвинил природу в том, что она дает долголетие оленям и воронам, которым оно ни к чему не нужно, а людям, которые в этом так заинтересованы, дает краткую жизнь; если бы человеческая жизнь могла быть продолжительнее, то современем люди обучались бы всем искусствам и всем наукам. Поэтому он жаловался на то, что умирает тогда, когда только начал все понимать» ¹⁾. Мы не задаем себе вопроса, насколько справедлива эта жалоба, и не отрицаем истинности изречения Гиппократа: *жизнь*

¹⁾ Tusc. Disput., lib. 3, cap. 28.

коротка, а наука дома. Однако мы далеки от того, чтобы отказаться от всякого суждения о предварении равенств, ибо сведущим лицам представляется бесспорным, что относительно Большой и Малой Медведицы и других неподвижных звезд одни и те же точки земли не отступают больше, чем во времена Гиппарха или даже Птолемея. Не стану говорить здесь о заметных изменениях берегов, островов и других частей нашей планеты. Не стану ссылаться на то, что не подтверждено опытом и разумом; мне не нужны шаткие гипотезы и необоснованные догадки, которые с большим правом опровергаются, чем выдвигаются. Держась того же взгляда на разного рода допущения, которые принимаются в логических доказательствах, я решительно отвергаю также и их.

XIII

Единственно отступлением моря (о котором я говорил и которое—я допускаю—нам легче доказать, чем наблюдать) должно быть объяснено существование некоторых тел, особенно морских, находимых повсюду на земле, которые не только выкапывают из недр земли, но нередко извлекают из огромных скал и твердого мрамора. Что это—настоящие кости рыб и других животных, их оболочки и остатки, весьма убедительно, после предварительных работ других ученых, доказал Вудворт, поистине Линкей в этой области, вполне заслуживший такое прозвище в ученом мире. Он показал, что это не игра природы, не своеобразные камни, не земляные рыбы или улитки, как многие другие неосновательно полагали. Не иначе следует думать и о кусочках растений, погребенных подобным же образом. Конечно, все виды камней (как мы выше указывали) растут подобно остальным растениям, питаюсь растворенным, жидким, подходящим им веществом, которое иногда содержит в себе случайные твердые тела небольшого размера или, если они пусты, проникает в них, постепенно превращается там, как в утробе, в камень и облекается в их форму. Так, несомненно, надо объяснить происхождение пестрых камней, вроде эхинитов, конхитов и т. п., как мы и объясняем это в «Эзотериках», а вовсе не всемирным потоком,

которого, раз остался земной шар, никогда не было (между прочим, это ясно доказывает в «Священных началах» знаменитый Стиллингфлит, недавно еще бывший епископом Вигорнским), да и невозможно, чтобы он когда-нибудь произошел от разделения частей, как бы мы ни объясняли этого явления. Я говорю это, сохраняя должное уважение к учению и славе Бернета, Вудворта, Уистона и других ученых, которые превратно поняли рассказ Моисея ¹⁾, мудрейшего из законодателей, о происхождении вещей и катастрофе или не приняли его объяснение. Не буду останавливаться на том, что учение это многими суеверно и лживо извращено и что рассказ того же философа из египетской школы о происхождении вещей, их конце и промежуточных состояниях бессовестно искажен злонамеренными современниками, а потомками передан в сокращенном виде. Наши единомышленники понимают, что изображения растений и других вещей отпечатаны на камнях таким же образом, как произошли пестрые камни; но деревья, извлеченные из глубоких шахт или сырых мест, они правильно приписывают прежде всего бурям, наводнениям, землетрясениям и работе людей (мне самому приходилось видеть обрубленные и обожженные стволы). В пользу этого приводят убедительные доказательства, которых я не буду перечислять. На этих прочно заложенных (описанных нами выше) основаниях неизмеримой и вечной вселенной пантеисты строят свою философию и всячески украшают свое здание. Более подробного объяснения вещей, а также разъяснения явлений, надо искать в наших эзотерических учениях, так как сейчас мы даем исторический очерк, а не систему физики.

XIV

Тем не менее я хотел бы попутно отметить, что вышеупомянутый выдающийся автор «Диэты» (полагаю, что это — не Гиппократ, а кто-нибудь из более древних) передал, по примеру оракулов, немногим лицам учение о переворотах, происходящих во всех вещах, при кажущемся сохранении их форм. Ибо, подробно рассказав о первичных эле-

¹⁾ Act. Apost., cap. 7, ver. 22.

ментах природы и их бесконечных соединениях и разложениях и правильно выведя отсюда теорему о том, что «отношение отдельного элемента ко всем и отношение всех к отдельному—тождественны», он, далее, изрек как бы с треножника: «Очевидно, что каждое отдельное, божественное и человеческое, вверху и внизу меняется: день и ночь доходят до своего высшего и низшего предела, как есть высший и низший предел луны; есть крайние границы для проникновения огня и воды; а солнце доходит до самого долгого и до самого краткого дня. Вновь и вновь то же — и не то же: свет для Юпитера—мрак для Плутона, свет для Плутона—мрак для Юпитера. То и дело переходит, передвигается то, что находится здесь, туда, а то, что находится там,—сюда. Дела этих исполняются теми, а дела тех—этими; но что они делают, они не знают, хотя думают что знают; то, что ясно видят, не понимают. Все, чего они хотят и чего не хотят, происходит по божественной необходимости. Когда одни переходят туда, а другие—сюда, и все друг с другом смешиваются, каждый элемент выполняет то, что ему назначено равно в большом и малом». Как уже было указано, в этом глубокомысленном рассуждении под *божественными* понимаются небесные тела, а под *человеческими* — земные; Плутон обозначает центр земли или любого иного шара, а Юпитер—поверхность и окружающий воздух. Правильно поняв это, легко поймет все остальное тот, кто вместе с попеременным наступлением и отступлением *влажного и сухого* (или моря и земли) понимает то, что мы сказали о постоянном отклонении полуденной линии и, следовательно, не менее постоянном, хотя почти незаметном, изменении земной оси. Имея все это в виду (как разнообразие всегда меняющих свое место частиц, так и постоянство никогда не изменяющихся форм), мы поймем, почему положение всех тел в бесконечном эфире сходно. Такой взгляд на мир есть поистине благороднейшая из всех теорий истинной философии.

XV

Но чтобы защитники всемирного потопа и конечного пожара вселенной не жаловались на то, что им не сделано никакой уступки, мы, ссылаясь на антитезу Гераклита

(«в одну и ту же реку мы входим и не входим»), соглашаемся с тем, чего они хотят, и в то же время не соглашаемся. А именно, мы говорим, что вся земля была покрыта водою и не была покрыта; что вся вода будет побеждена огнем и не будет побеждена. Но, чтобы нас не поняли превратно, — как это случилось с великим философом, — поясним наши слова. Итак, мы утверждаем, что нет такого участка суши, который не был бы когда-нибудь покрыт морем; нет такой части моря, которая не будет современем занята суши: ибо суша, или сухое, часто в писаниях древних значит то же, что огонь, свойством и следствием которого она является. В уже не раз упомянутом нами сочинении «О диэте» часто встречается *огонь*, вместо *сухого* или *твердого*, да и другие писатели нередко говорят о следствии, имея в виду причину. Древние евреи называли землю просто *сушей*, как древние греки под словом *влаги* понимали море. Таково словоупотребление Моисея и Гомера. И вот, когда идет вперед суша, то отступает море, и наоборот: это — как в макрокосме, так и в микрокосме. Вся земля, говорю я, была некогда залита водою, и все море с течением времени высохнет или — что то же — сгорит. Из этих мест, превратно понятых, и на основании еще менее понятых священных слов халдейцев произошло чудо всемирного и конечного пожара. Но, с другой стороны, мы отрицаем и считаем совершенно невозможным, что некогда над всей суши была или будет безраздельна власть влаги или, наоборот, над всей влагой — безраздельна власть суши. Мы не настолько легковжны, чтобы принимать басни о Девкалионе или сны стоиков; не допускаем мы также вымышленных перипатетиками качеств, которые, производя подобные себе качества, будто бы могут свести к себе или, вернее, превратить в себя все другие. Мало отличается от этих теорий та, которая говорит о четырех элементах; ведь они, будучи смешаны, уже перестают быть элементами; если же они до последней степени просты, то они не пригодны для объяснения разнообразия вещей (как мы ранее сказали), как не пригодна и материя Декарта первого, второго и третьего элемента. Путь природы изобретательней. Бесчисленные простые и несходные друг с другом субстанции, или первичные тела бесчисленных видов, подвижные и неделимые, образуют

все вместе смешения всех тел, вечной материей которых, неисчерпаемой и неизменной, они являются. Но, подобно тому, как происходящие отсюда соединения не имеют иного источника, кроме различных сочетаний этих тел, так они не имеют и другого конца, кроме их же разложения, от каких бы причин оно ни происходило. Поэтому нечего опасаться, что некогда исчезнут зарождения, так как первичные субстанции остаются несокрушимыми, и всегда происходит согласие и разногласие частей; не больше оснований опасаться, что что-нибудь противоположное (чем бы оно ни было) превратит в себя или поглотит остальные части вселенной, так как первичные тела не подлежат ни разделению, ни изменению. Поэтому алхимикам—увь!—не остается никакой надежды на то, чтобы добыть золото. Отсюда следует также постоянное и непрерывное взаимодействие всевозможных смесей, благодаря которому ничто не погибает в мире, но, как мы сказали выше, меняет только место. Поэтому, если даже каббалисты евреев или философы других народов не признают ни на словах, ни на деле творения из ничего, однако все может быть справедливо названо сотворенным, ибо, как мы показали, все так приводится в движение, что до бесконечности одно идет вперед, а другое—назад; но, хотя ряд движений, ряд каких-либо вещей вечен, ни одно движение, ни одна вещь не вечны; все возникает вновь и вновь, все поистине творится. Но об этом—в другом месте.

XVI

Но вернемся к нашей теме. Так как философия у пантеистов, как у мудрейших из древних, делится на экзотерическую, или народную и искаженную, и эзотерическую, или чистую и подлинную, то у них не вызывает никакого возражения, если кто-нибудь из товарищей исповедует унаследованную от отцов ересь (лишь бы она была не совсем ложна) или же ту, которая принята всюду. Они никогда не спорят о схоластических пустяках, полагая, что при разногласиях нет ничего благороднее древнего изречения: говори вместе с толпой, а мысли с философами. Если же случится, что унаследованная или установленная законами религия целиком или в какой-нибудь своей части пре-

ступна, — например, кровожадна, порочна или нетерпима к свободе других, — то товарищи имеют право немедленно перейти к религии более кроткой, чистой и терпимой. Они стойко охраняют не только свободу мышления, но и свободу действия, питая ненависть ко всякому произволу, ко всем тиранам (будь то деспотические монархи, или вельможи-олигархи, или демагоги-анархисты). Их можно встретить больше всего в Париже, но они живут и в Венеции, во всех городах Голландии, особенно в Амстердаме, а некоторые (не странно ли?) в самом Ватикане; но город, в котором их особенно много, это — Лондон, где у них центр, как бы крепость партии. Ясно, что я говорю не о Британском королевском обществе, не о Французской академии и не о других подобных собраниях. Как мы сказали, *пантеисты* устраивают скромные трапезы, а не роскошные оргии, не ради чревоугодия, а ради дружеской беседы. Они не знают попоек или игр в кости; у них нет флейтистов или танцовщиц, гусярлов или арфисток; не увеселяют их обычные на пирах скоморохи. Утехой и приправой служат им ученые разговоры, а не неуместные шутки. Одним словом, трапезы эти не отличаются пышностью; они просты и умеренны, но вкусно приготовленные блюда изящно сервируются, и лица присутствующих никогда не бывают угрюмы, а часто озаряются улыбкой. Наконец, удалив слуг и челядь (как непосвященных и неученых) и, по обычаю древних, закрыв двери, они ведут за столом беседы о различных предметах. Как вино, так и речь одинаковы для всех. Какой-нибудь вопрос, вызвавший разногласие, предлагается на разрешение собрания; как в «Пире» Платона или же как у Ксенофонта, все решают какую-нибудь задачу, предложенную ими самими или другими. Важные и значительные вопросы обсуждаются без задора, веселые и забавные — без легкомыслия; о познании важнейших вещей возникают серьезные споры, а вопросы, не имеющие большого значения, порождают приятное отдохновение.

XVII

Что касается порядка, который соблюдается в этих содружествах, то, прежде всего, избирается старшина, который пользуется почти теми же правами, как некогда у греков

и римлян. Присутствуют, по возможности, все товарищи данной местности, за исключением тех, кого задерживает болезнь, дорога или другая уважительная причина. У них установлен—мы считаем особенно важным остановиться на этом—особый *чин прославления Сократического содружества*. *Чин* этот состоит из трех частей, содержащих законы, правила и постановления общества, которые мы сейчас изложим. На каждом собрании читается всегда одна часть, обыкновенно первая или последняя; старшина возглашает, а другие отвечают, иногда хором. Строго соблюдается очередь, согласно стиху Виргилия, внушенному ему Гомером ¹⁾:

В пеньи чреду соблюдайте: ее взлюбилл Камены ²⁾.

Но весь *чин* целиком читается в дни солнцестояний и равноденствий, которые, возвращаясь, производят смену времен года и все другие перемены на нашей планете (при посредстве и под влиянием солнца).

Весь *чин* читается также и в иных случаях,—главным образом когда принимается новый товарищ, для чего требуется всеобщее согласие, хотя исключение происходит по постановлению большинства. Чтобы устранить всякое соперничество при выборах, старшины следуют определенному порядку приема в содружество, и на собраниях сначала говорит прежний старшина, а новый распоряжается во время трапезы. Они часто объясняют *философский канон*, заключенный во второй части *чина*, и выводят из него глубокие теоремы физики в духе древних сократиков; надо заметить, что он исправлен в соответствии с взглядами новых сократиков, т.-е. *пантеистов*, или *товарищей*, как это видно из цитат, приведенных на полях, во избежание недоразумений. Обходя молчанием (ради краткости) другие их прения о возвышенных предметах, скажу только, что они в установленные часы рассуждают о *законе природы*, т.-е. об истинном и непогрешимом *разуме* (как он излагается в последней части *чина*), светом лучей его разгоняют всякий мрак,

1) II., 1, ver. 604.

2) Eclog. 3, ver. 59.

устраняют необоснованные страхи и разрушают веру в мнимые откровения (ибо кто, будучи в здравом уме, усомнится в истинных); точно так же они разоблачают вымышленные чудеса, нелепые тайны, двусмысленные предсказания; наконец, раскрывают все обманы, хитрости, уловки, козни, нелепые басни, которые вносят в религию мутный туман и наносят величайший ущерб истине. Теперь мы переходим к тексту *чина*.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

чина прославления Сократического содружества, содержащая обы-
чай и правила содружества

Распорядитель возглашает:

В добрый час!

Хор отвечает:

Образовали мы *Сократическое содружество*.

Распорядитель:

Да здравствует философия!

Хор:

Вместе с благородными искусствами!

Распорядитель:

Храните благоговейное молчание.

Истине, свободе, здравомыслию, тройному завету мудрецов
да будет посвящено это собрание (и все, что в нем обсуж-
дается, говорится и делается).

Хор:

Ныне и присно.

Распорядитель:

Будем называться *равными* и *братьями*.

Хор:

Товарищами и *друзьями*.

Распорядитель:

Да не будет споров, зависти, упрямства.

Хор:

Да воцарятся послушание, знание, учтивость.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Да будут дозволены шутки и смех.

Хор:

Да будут благосклонны музы и грации.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Не будем на слово верить никому.

Хор:

Даже самому *Сократу*,
И откажемся от всяких лживых обрядов.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Но, чтобы, отнюдь не поступаясь своей свободой, воздать по заслугам великим авторам и достойнейшим из мужей, выслушайте, дорогие товарищи, слова Марка Порция Катона, сурового цензора, в передаче Марка Туллия Цицерона, славного отца отечества, в тринадцатой главе книги «О старости».

Хор:

Мы так преданы *истине* и *свободе*, что можем быть свободны от *тирании* и *суеверия*.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

«Я всегда (говорит Катон) приглашал к столу товарищей. Этот обычай распространился, когда я был квестором, в то время, когда был учрежден культ Кибелы. Наши трапезы носили скромный характер, но их согревал огонь молодости. С годами они становятся все менее и менее оживленными. В этих трапезах я ценил не столько великолепие блюд, сколько беседу с друзьями. Наши предки удачно называли товарищескую трапезу *convivium*, ибо в ней соединяются жизни друзей; греки называли ее пирушкой или общим обедом; эти названия менее удачны, так как подчеркивают то, что имеет меньшее значение» ¹⁾.

Хор:

Слава Сократу и Платону,
Марку Катону и Марку Цицерону.

¹⁾ Cic. de Senect., cap. 13.

Распорядитель:

О любом предмете будем вести серьезное
рассуждение,
Часто прерывая его легкой беседой.

Хор:

Просвещенной, скромной, остроумной.

Распорядитель:

Будем исследовать причины вещей,
Чтобы весело вести жизнь,
Чтобы спокойно встретить смерть.

Хор:

Чтобы, свободные от всякого страха,
Не ошеломленные радостью, не удрученные горем,
Мы не теряли разума.

Распорядитель:

Презрим пустые страхи толпы
И вымыслы стариков,
И будем петь песнь Энния.

Распорядитель и Хор:

«Ни в грош не ставлю я авгуров марсовских,
Пророков сельских, звездочетов, знахарей,
Жрецов Изиды, снов истолкователей.
Дано им не наукой посвящение:
Они—плуты, невежды суеверные,
Рабы безумья, лени или бедности.
Слепцы, они нам путь хотят указывать!
Тому, кто драхму даст, сулят сокровища!
Пусть, драхму удержав, посул свой выполнят»¹⁾.

Распорядитель:

Послушайте еще, дорогие друзья, того же мудрейшего Катона, подающего нам божественный пример в четырнадцатой главе книги того же автора «О старости».

¹⁾ Idem de Divinat., lib. II, cap. ult.

Хор:

Да будем мы здоровы, веселы и счастливы.

Распорядитель:

«Я (говорит он) прежде всего горячий сторонник того, чтобы, по обычаю наших предков, за столом распоряжался старшина и произносил свою речь с кубком в руке; я люблю малые и медленно точащие влагу кубки, подобные тем, о которых говорится в «Шпре» Ксенофонта; я люблю пировать летом на свежем воздухе, а зимой—под лучами солнца или у жаркого очага. Этих же правил придерживаюсь я в своем сабинском имении; ежедневно созываю я соседей к столу, и, приправляя трапезу речами, мы не расходимся до поздней ночи» ¹⁾.

Хор:

Воздадим славу Ксенофону
И будем подражать сабинским поселянам.

✕ Распорядитель:

Будем питать ум хорошо,
А желудок умеренно. ↓

Хор:

Это справедливо и хорошо.

Распорядитель:

Выпьем в честь *Граций*.

Хор:

Будем пить малыми кубками.

Конец первой части.

---

¹⁾ Idem de Senect., cap. 14.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ,
содержащая святиню и философию содружества

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Пусть изыдут *непосвященные*.

ХОР:

И двери пусть будут на запоре.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

В мире все едино,
И это единое есть все во всем.

ХОР:

Это все во всем есть *бог*,
Вечный и неизмеримый,
Он не рожден и не прейдет.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

В нем мы живем, движемся и существуем.

ХОР:

От него все произошло
И снова в него возвратится;
Он—начало и конец всего.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Споем гимн
О сущности *вселенной*.

Распорядитель и Хор:

«Чем бы ни был сей источник,—
Из него проистекают
Жизнь и рост всего на свете.
Все созидет и хоронит
Он, родитель мирозданья.

ней всего его собственный обман, собственный ужас; преступника преследует совершенное им преступление; оно терзает его совесть. Злые мысли и угрызения совести—вот те фурии, от которых нет спасения» ¹).

Хор:

Для счастливой жизни довольно одной *добродетели*,
Она сама себе служит достаточной наградой.

Распорядитель:

Лишь то хорошо, что честно.

Хор:

И нет полезного, кроме того, что похвально.

Распорядитель:

Теперь надлежит прочесть *философский канон*, и вам (возлюбленные братья) внимательно выслушать и обсудить его.

Хор:

Сколь приятно созерцание *природы*,
Столь же полезно знание.
Поэтому выслушаем, обдумаем и обсудим.

Распорядитель:

1. Сила есть некоторое движение. Ибо, как нет силы без движения, так сила всякой материи проявляется в движении. Иногда вместо «материя» мы говорим «тело», но это слово обозначает скорее некоторую часть материи, состоящую из разных простых веществ. Отсюда происходит, что материя и тело часто смешиваются ²).

«В природе древние философы различали два начала, из которых одно было действующей причиной, а другое, как бы подчиняясь первому, получало от него свою определенную форму. По их мнению, активное начало содержало силу, а пассивное начало—материю. Но при этом оба начала заключали в себе друг друга, ибо материя не могла бы иметь внутреннего сцепления, если бы не удерживалась никакой силой, а сила не могла бы существовать без материи, так как нет ничего, что могло бы не занимать определенного места. То, что со-

¹) Cic. in Orat. pro S. Roscio Amerino, cap. 24.

²) Cic. in Academ. Quaest., lib. 1, cap. 6, 7.

стоит из силы и материи, они называли телом или, также, определенным качеством.

2. Воздух, огонь, вода и земля ошибочно считаются элементами, как показано в предварительном рассуждении. Нельзя сказать также, что вода и земля только страдают; они не находятся в абсолютном покое, но движение их не так очевидно чувствам, как движение огня и воздуха.

3. Первичная материя, это—все те неделимые частицы всякого рода, соединением и разъединением которых создаются все сложные тела. Последние, наоборот, непрерывно разлагаются в себе, сохраняя, однако, всегда свои составные части, которые не могут ни делиться, ни обрататься в ничто.

4. Промежутки между определениями происходят от того, что хотя все находится в непрерывном движении и во вселенной нет ни одной точки в абсолютном покое, тем не менее ни один вид движения

«Среди этих качеств одни — первичные, а другие — производные. Первичные качества однородны и просты. Производные, напротив, — различны и многообразны. Так, воздух, огонь, вода и земля — первичные качества; из них произошли животные виды и все те, которые рождаются из земли. Поэтому они называются началами, или элементами; из них воздух и огонь обладают двигательной и действенной силой; остальные, т.-е. вода и земля, обладают способностью восприятия и переживания.

«Но они считают, что в основе всех существ лежит некая материя, бесформенная и лишенная какого бы то ни было качества, но которая может принимать различные определения и изменяться всеми способами и во всех своих частях, а также уничтожаться, не превращаясь в ничто, а распадаясь на свои части, которые могут бесконечно делиться, так как в природе нет ничего, что вследствие своей малости не могло бы делиться.

«Все, что движется, движется в пространстве, которое также может делиться бесконечно. Так как та сила, которую мы назвали качеством, движется и со всех сторон проникает материю, то они считают всю материю изменчивой внутри и производящей то, что называется отдельными телами. Из них во всей их

не бесконечен, хотя все движения, вместе взятые, правильно могут называться бесконечным действием.

5. Части вселенной являются либо составными, либо составляющими элементами, без всякой промежуточной пустоты; из движения и аффективных происходит божественная гармония, которая не может быть уничтожена никакой более сильной причиной, так как вне бесконечного целого такой причины нет.

6. Сила и энергия целого иногда обозначается именем провидения, которым все, что есть на вебе и на земле, располагается согласно законам разума, так что не остается места случаю или року, но все действует произвольно, а не по принуждению.

связности и непрерывности произошел *мир*, вне которого нет ни одной части материи и никакого тела.

«Частями мира является все то, что в нем заключено и объемлется чувствующей природой, обладающей совершенным *разумом*, который вечен, ибо нет ничего более сильного, что могло бы его уничтожить. Эту живую силу они считают *душой мира*, *умом* и совершенной *мудростью*, которую называют также *богом*.

«Они считают его как бы мудростью вселенной, подчиненной ей,—мудростью, управляющей прежде всего небесными телами, а затем—на земле—тем, что касается людей. Иногда его называют *необходимостью*, ибо ничто не может произойти иначе, чем так, как установлено им и как того требует роковой и неизменный порядок вещей. Иногда же называют его *судьбой*, так как он производит много неожиданного, не предвиденного нами вследствие нашего неведения причин, которые и сами по себе неясны».

Хор:

Сомневаться в природе создающего более, чем в природе созданного, у нас нет основания.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Слава небесному источнику душ,
Который кипит как в величайшем, так и в
ничтожнейшем.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ И ХОР:

«Будто и пчелам не чужд божественный разум и дышат
 Легким эфиром они, ибо бог насквозь проникает
 Все—и сушу, и море, и неба лазурную бездну.
 Вот откуда и скот, и звери, и люди черпают
 Краткие жизни свои и куда, растворившись, вернуться
 Все живое должно; и будто нет места для смерти:
 К звездам каждая тварь улетает живой и на небе
 Вечную жизнь обретает» ¹⁾.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Теперь почтим память древних мужей и жен как за их
 здравые учения, так и за их деяния.

ХОР:

Чтобы, как своим примером, так и учением, они были
 полезны нам.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

ХОР:

	}	Соломон	Благословите нас! (Сократ, Платон, Ксенофонт, Катон и Цицерон — просла- влены в первой части <i>чина</i>).
		Фалес	
		Анаксимандр	
		Ксенофан	
Достопочтенный		Мелисс	
		Оцелл	
		Демокрит	
		Парменид	
		Дикеарх	
		Конфуций	
Достопочтенная	}	Клеобулина	
		Теано	
		Памфила	
		Цереллия	
		Гипатия	

¹⁾ Virg., Georg., lib. 4, ver. 220.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Слава остальному кругулюбодухрых мужей,
Вспомним о служителях и служительницах истины.

Хор:

Слава и честь достойным славы!

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Выпьем в честь *Муз*.

Хор:

Будем пить из средних кубков.

Конец второй части.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ,

излагающая свободу общества и непогрешимый и нерушимый закон

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Всегда желательно,
Чтобы здравый ум был в здоровом теле,
И как не следует легкомысленно проводить жизнь,
Так отнюдь не надо бояться смерти.

Хор:

Ничто не желательно более этого,
И к этому всегда надо стремиться.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Поэтому будем петь весело и созвучно.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ И ХОР:

«Тому, кто стоек в праведных помыслах,
Ни клич мятежный граждан злокозненных,
Ни грозный взор тирана душу
Не поколеблет; ему не страшен

Валы крутящий смерч в Адриатике,
Не страшен гром в деснице Юпитера;
Пусть рухнет свод небес на землю,—
Он сохранит безмятежность духа» ¹⁾.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Для мудрецов радость выше выгоды. ✓

Хор:

Радость присуща свободному; печаль признак раба.

---

1) Horat., lib. 3, Od. 3, vers. 1.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Лучше никем не повелевать, чем кому-либо служить.

Хор:

Ибо можно честно жить без *рабов*;
Жить с *господином* нет никакой возможности.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Но необходимо подчиняться *законам*,
Ибо без них нет ни собственности, ни безопасности.

Хор:

✂ Мы рабы законов для того,
Чтобы быть свободными. ✂

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Свобода настолько же далека от *произвола*...

Хор:

Насколько *рабство* далеко от *свободы*.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Слушайте же, дорогие сотоварищи, примите к сердцу и к постоянному руководству вернейшее правило добродетельной жизни, блаженной смерти и во всех отношениях достойного поведения; это—нерушимое правило, это—непогрешимый закон. Я сейчас изложу его вам неподражаемыми словами, принадлежащими Марку Туллию.

Хор:

Мы слушаем с напряженным вниманием
И с великим благоговением.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

«Правый разум есть истинный закон; он согласен с природой, разлит во всем, нерушим, вечен, он побуждает к добру велениями, отвращает от обмана запретами; но если он всегда кстати повелевает или запрещает добродетельным, то по отношению к дурным людям он часто бессилен.

уважать учреждения предков, сохранять их святыни и обряды. И красота мира, и порядок, царящий в небесах, заставляет признать некое высшее и вечное существо, заслуживающее преклонения со стороны человеческого рода. Поэтому мы должны, с одной стороны, распространять религию, соединенную с познанием природы, а с другой—с корнем вырывать суеверие».

Хор:

✧ *Суеверный* не бодрствует,
 Не спит спокойно,
 Не живет счастливо,
 Не умирает в мире.
 Живой ли, мертвый ли, он
 Добыча ханжей-обманщиков. ✧

Распорядитель:

Какое время каждому дается природою для жизни...

Хор:

Тем он должен быть доволен.

Распорядитель:

Кто боится того, чего не может избежать,
 Тот никогда не может жить спокойно.

Хор:

А кто не боится неизбежной смерти,
 Тот готовит себе путь к счастью.

Распорядитель:

✧ Как рождение принесло нам начало
 Всех вещей, так смерть принесет конец. ✧

Хор:

Как ничто не касалось нас до рождения,
 Так ничто не будет касаться нас после смерти.

Распорядитель:

✧ Одинаково глуп как тот, кто плачет,
 Что не будет жить через тысячу лет...

Хор:

Так и тот, кто стал бы плакать,
Что не жил за тысячу лет раньше, ✓

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Только молве и привычке надо приписать
Похоронные торжества и траурные обряды.

Хор:

Поэтому сами будем презирать их,
Но не пренебрегать ими в нашей среде.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Выпьем, друзья!

Хор:

Да будет так.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

Пью в честь содружества!

Хор:

Будем пить из больших кубков.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ:

В остальном пусть приказывает новый распорядитель.

Хор:

Да будет все это так.

Затем переходят к умеренной трапезе—*учащие погрешенно с учащимися*, что знаменует символ и последнюю цель содружества.

Конец третьей части.

Не всегда поются те две строфы, извлеченные из Горация, которые вошли в последнюю часть *чина*; поются также целиком другие оды того же поэта, приспособленные к различным обстоятельствам, по усмотрению распорядителя. Особенно способствуют достижению мудрости, душевному равновесию, радости и душевной чистоте следующие оды.

Ты видишь, как стоит весь бел в глубоком снеге

(Lib. 1, Od. 9).

Что требует посвященный Аполлону храм (Ibid., Od. 31).
Нет цвета в серебре; скупцам (Lib. 2, Od. 2).
Помни о правде ты в трудных делах (Ibid., Od. 3).
Правдивее живи, Лициний, не высокий (Ibid., Od. 10).
Увы скоротечные, Постум, о Постум (Ibid., Od. 14.).
Уж несколько плугов земли дворца (Ibid., Od. 15).
Досуг вопрошает богов на открытом (Ibid., Od. 16).
Ни кость слоновая, ни золотое (Ibid., Od. 18).
Непосвященную толпу с презреньем избегаю
(Lib. 3, Od. 1).
Друзья, лучше крайнюю бедность терпеть (Ibid., Od. 2).
Когда ты протянешь открытые руки (Ibid., Od. 23),
Богаче нетронутых (Ibid., Od. 24).
Стаял снег, на полях уже всходят посевы (Lib. 4,
Od. 7).
Уж спутники весны, смиряющие море (Ibid., Od. 12).
Счастлив, кто вдалеке от дел (Ерод., 2.).
Ужасная буря стянула все небо и дождь (Ibid., 12).

КРАТКОЕ РАССУЖДЕНИЕ

О НЕОБХОДИМОСТИ ДВОЙСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПАНТЕИСТОВ И ОБ ИДЕЕ ЛУЧШЕГО И СЛАВНЕЙШЕГО МУЖА

I

В предварительном рассуждении мы кратко, но ясно изложили сущность, учреждение и наименования частных содружеств, или ученых собраний, у греков и римлян и не скрыли состояния и происхождения нынешнего *Сократического содружества*, так как это последнее является главной темой нашей работы. Из торжественного *чина* этого содружества, ныне впервые опубликованного, каждый может удостовериться, что нравы *товарищей* не только не угрюмы, но скорее отличаются приветливостью и изяществом и ни с какой стороны не заслуживают нарекания. Текст *чина* дает также возможность познакомиться с царящими в их собраниях законами, не менее справедливыми, чем разумными, и с прелестями свободы, далекой от всякого произвола. Ибо издревле *товарищам* свойственно не только самим соблюдать скромность, воздержанность, справедливость и всякие иные добродетели, но и побуждать к этому других как словом, так и примером. Но этой человеческой цели они добиваются человеческими средствами.

✂ Вольностям, шуткам привет,—но таким, чтобы утром испуга
Не испытать иль стыда, вспомнив внезапно о них 1). ✂

Обратите внимание на их религию, простую, ясную доступную, свободную от всяких нелепостей и никем не навязанную. Она не лицемерна, не запутана, не трудна для понимания, не продажна; она не питает ум пустыми баснями, не давит душу мраком суеверий, жестокостью, пустой об-

---

1) Marcial., lib. 10, Epigram. 48.

рядностью. Она не служит частным интересам какой-либо семьи или партии наперекор общей пользе; не поносит и не позорит инакомыслящих (если только они честные и миролюбивые люди) и уж, конечно, не подвергает их пыткам и казням. Нет надобности подробнее останавливаться на том, какое просветительное значение имеет такая религия. *Пантеисты* по заслугам могут называться служителями и пророками природы. Ибо, как некогда был учрежден класс возвышенных духом друидов, организованных в товарищеские союзы (согласно воле Пифагора) и преданных вопросам о сокровенных вещах и алтарях,—так тем же занятиям с великим усердием отдаются *сократические товарищи*, которых наиболее просветили друиды и пифагорейцы ¹⁾. Как и те, они учредили содружество. Однако наши признают не все их изречения или поступки, ибо где они отступают от истины, мы отступаем от них, одобряя лишь то, что нами проверено, и принося им благодарность за все то, чем мы воспользовались.

II

Но, быть может, *пантеистам* поставят в вину, что у них двойственное учение, т.-е. внешнее (экзотерическое), или народное, как бы приспособленное к предрассудкам толпы или к догматам, публично признанным за истину, и внутреннее (эзотерическое), или философское, вполне согласное с природой вещей и самой истиной; и что эту тайную философию, всю целиком и без всякой личины и двусмысленности, они сообщают (при закрытых дверях) только друзьям, честность и благоразумие которых испытаны. Но кто, кроме тех, кто не сведущ в человеческой природе и истории, усомнится, что, поступая так, они поступают мудро? Основание для этого ясно. Ни одна религия, ни одна секта не допускает, чтобы ей противоречили, считали ее догматы заблуждениями, ее обряды — нелепостями. Все это они получили прямо с неба, хотя им отлично известны земные порядки. Все это—божественного происхождения (если вам угодно верить) и крайне необходимо для руководства в жизни.

¹⁾ Ammian. Marcellin lib. 15, cap. 9.

Между тем, совершенно ясно, что все это вымыслы людей, бессмысленные, а нередко отвратительные, обычно вредные общественному благу и правопорядку, как показывает ежедневный опыт. Среди этой массы не согласных друг с другом мнений не может быть истинным более одного, если только не все они ложны, что остроумно заметил Туллий, рассуждая о природе богов ¹⁾. Поэтому *пантеисты*, при всей своей скромности, поступают с безумными и упрямыми людьми так, как няньки со своими лепечущими питомцами, которые воображают себя королями и королевами и думают, что они одни дороги своим родителям, а чужие находят их удивительно красивыми. Кто не делает поблажки детям в этом самомнении, тот вызывает в них чувство неприязни. Кто не разделяет мнения взрослых невежд, того они считают отвратительным и невоспитанным человеком. Дело доходит до того, что тех, кто с ними не согласен, они объявляют недостойными всякого общения, всякой услуги, подвергают опале при жизни, а по смерти осуждают на вечные муки. А так как *суеверие* всегда остается в той же силе, выступая то с большей, то с меньшей нетерпимостью, и никто, обладающий разумом, не пытался вырвать его с корнем из умов,—что никоим образом не осуществимо,—то пусть каждый в меру своих сил делает то, что только и остается делать: пусть вышибает зубы и обрезает ногти этому злейшему и самому отвратительному из чудовищ, чтобы оно не кидалось на всех и на вся. Тем из государственных мужей, которые были исполнены такого умонастроения, мы обязаны всем тем, что ныне осталось от религиозной свободы, к высшему благу наук, человеческого общения и гражданского согласия. Суеверным и лицемерным служителям богов, людям, исполняющим мелочные требования благочестия, мы обязаны раздорами, несогласиями, поборами, заключениями, ссылками и смертными казнями. Отсюда необходимо следует, что одно должно быть в сердце и в частном собрании а другое—на площади и в общественном сборище. И этого правила придерживались не только древние; говоря по правде, гораздо чаще следуют ему современники, хотя не любят в этом признаваться.

¹⁾ Cic., de naturâ Deorum, lib. 1, cap. 6.

III

После этого краткого изложения двойственной философии древних не трудно понять, что *пантеисты* остаются невредимыми среди раздирающих секты разногласий и их взаимных чуть ли не кровавых побоищ. Не увлекаемые ненавистью к одним и любовью к другим, они служат интересам государства и общему благу человеческого рода, а не партиям и раздорам. Тем, кто заблуждается, они, если их попросят, охотно укажут дорогу; с теми же, кто от этого откажется, они обойдутся дружественно и согласно требованиям житейского общения. Ибо они знают и считают правилом, что не следует презирать или ненавидеть человека за безразличные и безвредные мнения; но, какого бы происхождения он ни был, к какой бы религии ни принадлежал, следует ценить его за таланты и добродетель, а избегать только порочных и беспутных людей. Таким образом, *пантеист* никого не будет преследовать, наказывая или позоря за чистое суждение ума, за речи или дела, никому не приносящие вреда, и не будет побуждать или поощрять других запятнать себя этим преступлением. Только коварным жрецам и кликушам к лицу призывать власти против тех, которые грешны только в том, что возражения их неопровержимы, а жизнь построена на началах правды. Но никто из тех, кто занимает общественный пост, не станет слушать этих сумасбродных бесноватых, если только он не раб суеверия, не предан честолюбию и корысти и ни во что не ценит добродетель и заслуги. Наконец, *сократические товарищи* стремятся к тому, чтобы жить, презирая хвалу и хулу других, довольствуясь своей судьбой, руководствуясь своим, а не чужим, разумом; чтобы украшать душу добродетелью, ум—наукой и с тем большей пользой служить всем—себе, друзьям, отечеству; чтобы приблизиться к тому совершенству (если достичь его нельзя), которое ученый и нравственный человек всегда имеет в своих помыслах для сравнения с ним себя самого или для сообщения его другим. Образ такого отличного и славнейшего мужа великолепно изображен в конце первой книги «О законах» Цицероном ¹⁾, которому *Сократическое*

¹⁾ De Legibus, cap. 22, 23, 24,

содружество столь многим обязано. Пусть ученые люди прочтут этот отрывок и сообразуют с ним свое поведение.

IV

Познание себя.—Способности духа.—Представления и понятия.—Этика.—Религия.—Физика.—Всемирное гражданство.—Диалектика.—Политика и красноречие.—Забота о государстве.—История.—Высшая мудрость.

«Кто сам себя познает,—говорит Туллий,—сначала почувствует в себе нечто божественное, а разум свой сочтет священным, как некий кумир; он всегда будет действовать и чувствовать так, чтобы быть достойным такой награды богов.

«А когда он рассмотрит самого себя и, так сказать, испытает до основания, то поймет, чем вооружила его природа при его вступлении в жизнь и какими он располагает средствами для достижения и сохранения *мудрости*. Ведь он с самого начала духом и разумом воспринял очертания всех вещей, чтобы благодаря им понять, что, руководствуясь *мудростью*, он достигнет добродетели, а следовательно и счастья.

«В самом деле, когда дух, познав и восприняв добродетели, откажется от служения телу и снисхождения к нему, подавит страсть как некое позорное пятно, освободится от всякого страха смерти и боли, вступит на путь милосердия по отношению к своим ближним и будет смотреть на людей как на своих естественных союзников, поклонится богам и воспримет чистую религию, изощрит пронизательность глаз и ума для усвоения того, что прекрасно, и отвержения противного ему (эту пронизательность называют *благоразумием*),—тогда никто не сможет сравниться с ним (духом) в блаженстве.

«Когда этот же дух исследует небо, землю, океан и всю природу; когда он узнает, откуда они произошли, во что превращаются, каким образом гибнут, что в них смертно и тленно, что божественно и вечно; когда он почти поймет, кто всем этим управляет; когда он почувствует себя не жителем тесной темницы, а гражданином всего мира, как бы одного города,—тогда при виде всего великолепия, которое откроется ему при созерцании природы

(боги бессмертные!), как он, согласно велению Аполлона Пифийского, познает самого себя и как будет презирать и почитать ничтожным все то, что толпа называет великим!

«И все это он защитит, как бы оградой, умением рассуждать, способностью отличать истину от лжи, наконец искусством разбираться в следствиях и противоречиях.

«А когда он почувствует себя рожденным для гражданского общества, он сочтет нужным пользоваться не только тонким рассуждением, но также и частными выразительными беседами, с помощью которых он сможет управлять народами, устанавливать законы, наказывать злых, защищать добрых, превозносить великих мужей; с помощью этого языка он сможет, распространяя среди граждан спасительные правила, ведущие к славе, подвигать на великие дела, вырывать из когтей порока, утешать побежденных и, наконец, в бессмертных памятниках, к позору злодеев, передавать потомству дела и замыслы героев и мудрецов.

«Вот какое величие, присущее человеку, открывается тем, которые хотят познать сами себя! Матерью и воспитательницей всех этих великих дел является *мудрость*».

V

И кто хотел бы быть мудрее или лучше? Кто смог бы? Да и какую цель имеет любая наука, как не создание добродетельных и мудрых людей? Та наука, которая не стремится к этому, кажется мне почти бесполезной, хотя я не думаю, что ею следует совершенно пренебрегать, так как она служит к украшению. Итак, *пантеист*, достигший мудрости или приблизившийся к ней, прежде всего не будет во вред себе идти наперекор общепринятой теологии, заблуждающейся в философских вопросах; он не станет и молчать, если представится удобный случай, но рисковать жизнью он будет лишь за родину и друзей. Разумеется, речь идет не о священнейших изречениях мессии, которыми надо пользоваться без нелепых добавлений и ложных толкований. Что касается всех истин, которые он может распространять, сохраняя собственную безопасность (в области политики, астрономии, механики, экономии и т. п.), то он не только не будет молчать о них, но будет сообщать

их другим, опираясь при этом на авторитеты, так как толпа ценит обыкновенно не истину, а людское мнение. Наконец, священные догматы, касающиеся, например, природы бога или души, *пантеист* будет созерцать молча и взвешивать по их основаниям. Он не откроет доступа в эзотерическое учение людям бесчестным или невежественным; учение это—только для *товарищей* или других проникательных, честных, богатых знаниями людей. Не всем (я отлично знаю это) понравится такая сдержанность, такое благоразумное недоверие; однако *пантеисты* до тех пор не будут вполне открытвенны, пока им самим не будет разрешено мыслить так, как они хотят, и высказывать то, что они мыслят.

VI

Но, может быть, кто-либо, — более любопытный, чем благоразумный и осторожный,—спросит, существует ли в действительности такое содружество, читается ли на его собраниях приведенный нами *чип*? Или же, подобно тому как одни придумали образцовых государей и государства ¹⁾, так ныне все вымышлено о *пантеистах* для изображения изысканного и ученого содружества? Возможно, о простодушный человек! Но разве это меняет дело? Пусть даже это—вымысел; ты должен признать его правдоподобным. В нем все, как в действительности. А если ты предпочитаешь переплетение вымысла с истиной, ты сочтешь эту книгу о сократическом собрании не менее заслуживающей внимания, чем горациев хор, который поощряет добродетель и порицает порок.

Пусть поощряет он добрых, к друзьям будет полн снисхожденья,
Сдержке разгневанных учит, а грех набегающих любит;
Хвалит умеренный стол, превозносит благие законы
И наслаждение миром при настезь открытых воротах;
Тайны людские хранит и молит богов, чтобы счастье
К бедным лицо обратило, спиной повернувшись к надменным ²⁾.

Если кто в поэзии или живописи изобразит Амазию наделенной всеми чарами красоты и грации, хотя в дей-

¹⁾ Xenophon (Cyropaedia) и Plato (Republica).

²⁾ De Arte Poetica, ver. 196.

ствительности не знает такой, никто не сочтет его несведущим в любви или ненавистником красоты. Между тем несомненно, что во многих местах имеется не мало пантеистов, которые, по примеру других, имеют свои частные собрания и содружества, где они пируют и, — что является приятнейшей приправой, — сверх того, философствуют. Но читается ли у них приведенный нами *чин* или какая-либо часть его всегда и везде, я не решаюсь утверждать. Ты же, кто бы ты ни был, можешь воспользоваться наставлениями этой книги, и я желаю, чтобы они принесли тебе пользу.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТОЛАНДА

1. Tribe of Levi. 1691.
2. Christianity not mysterious. London, 1696. [Первое издание вышло анонимно. Второе в 1696 г. — с именем автора. В 1702 г. вышло 3-е изд. В 1908 г. — немецкий перевод W. Lunde, с введением Zscharnack.]
3. A defence of Mr. Toland, in a letter to himself. London, 1697.
4. The Militia Reformed. 1698.
5. Amyntor, or a Defence of Milton's Life. London, 1699. [Анонимно.]
6. Cito; a Poem on the Force of Eloquence. 1700.
7. The Art of Governing by Partys, particularly in Religion, in Politics, in Parliament, on the Bench, and in the Ministry. London, 1701.
8. Anglia libera, or the Limitation and Succession of the Crown of England. London, Lintott, 1701. [Голландский перевод 1701 г.]
9. Propositions for uniting the two East India Companies. 1701.
10. Paradoxes of State. 1702.
11. Vindicius liberius, or M. Toland's Defence of himself, against the late Lower House of Convocation, and others. London, 1702.
12. Reasons for addressing his Majesty to invite into England the Electress Dowager... and for attaining the pretended Prince of Wales. 1703.
13. Letters to Serena. London, 1704.
- 13a. Lettres philosophiques sur l'origine des préjugés du dogme de l'immortalité de l'âme, trad. de l'anglais de Toland. (Paris), 1768. [Перевод предыдущего номера.]
14. Socinianism truly stated. 1705.
15. The Memorial of the State of England. 1705.
16. An account of the courts of Prussia and Hanover... London, 1705. 2 ed. 1706.
17. Origines judaicae, sive Strabonis de Moysae et religione judaica Historia... 1709.
18. Aedisidaemon, sive Titus Livius a superstitione vindicatus. Autore J. Tolando. Annexae sunt ejusdem Origines judaicae. 1709.
19. An appeal to honest people against wicked priests... London, 1710 [Анонимно.]
20. The description of Epsom, with the humors and politicks of the place, in a letter to Eudoxa... [Подписано: Britto-Batavus.] London, 1711.
21. Her Majesty's reasons for creating the electoral Prince of Hanover; a peer of this realm... London, 1712. [Анонимно.]
22. Cicero illustratus, Dissertatio Philologico-Critica. 1712.
23. A Letter against Popery. 1712.

24. Dunkirk or Dover; or the Queen's honour, the nation's safety... London, 1713. [Анонимно.]
25. The art of restoring; or, the piety and probity of General Monk in bringing about the last restoration, evidenc'd from his own authentick letters... London, 1714. [Анонимно].
26. The funeral Elegy... of the Princess Sophia. 1714.
27. The Great Mystery laid open. 1714.
28. Reasons for naturalising the Jews. 1714.
29. The state-anatomy of Great Britain... 4-th edition. London. [1717.]
30. The Destiny of Rome. 1718.
31. Nazarenus, or Jewish, Gentile and Mahometan Christianity. London, 1718.
- 31a. Le Nazaréen ou le christianisme des juifs, des gentils et des mahométans. Traduit de l'anglais. De Jean Toland. Londres, 1777. [Перевод предыдущего номера.]
32. Pantheisticon, sive formula celebrandae Sodalitatis Socraticae, in Tres Particulas Divisa; Cosmopoli, 1720.
- 32a. Das Pantheistikon des John Toland. Uebersetzt und mit Einleitung versehen von Dr. Ludwig Fensch. Leipzig, Findel, 1897. [Перевод предыдущего номера.]
33. Tetradymus. London, 1720.
34. Hodegus confuted... London, 1721.
35. The danger of mercenary Parliaments... London, 1722. [Анонимно.]
36. A collection of several pieces of Mr. John. Toland. Now first published from his original manuscripts with some Memoirs of his Life and Writings. London, 1726. 2 vol. [Второе изд.—1747 г.]

ПЕРЕВОДЫ И ИЗДАНИЯ ДРУГИХ АВТОРОВ, ВЫПУЩЕННЫЕ ТОЛАНДОМ

1. A Discourse upon Coins by Signor Davanzani Bottiche... and translated out of Italian by John Toland. 1696.
2. The Life of John Milton, containing, besides the History of his Works, several extraordinary characters of Men and Books, Sects, Parties and Opinions. 1608. [Второе изд.—1761 г.]
3. The Memoirs of Denzil, Lord Holles, Baron of Ifield in Sussex, from 1641 to 1648. (Edited with a preface.) 1699.
4. The «Oceana» of James Harrington (edited with his Life). 1700.
5. Oratio philippica ad excitandos contra Galliam Britannos... n. pr. publica luce, diatriba praelim. et annotat. don. Joa. Tolandus. London, 1707. [2 изд. — 1709 г.]
6. Letters from... the late Earl of Shaftesbury (Anthony Ashley Cooper)... To which is prefix'd a large introduction by the editor. [J. Toland.] 1721.
7. An account of Jordano Bruno's Book of the infinite universe and innumerable worlds. 1747.

ЛИТЕРАТУРА О ТОЛАНДЕ

А) Произведения современников Толанда, направленные против него

1. Synge, Edward. A Gentleman's Religion. London, 1689.
2. Rabsakeh Vapulans, or an Answer to the Tribe of Levi, in vindication of the clergy. London, 1691.
3. Elys, Edm. Letter to Sir Rob. Howard, with Animadversions upon a Book: Chr. n. m. London, 1696.
4. Beconshall (or Beckensal). The Christian Belief—in Answer to a Book entitled Chr. n. m. London, 1696.
5. Stillingfleet, Edward. Vindication of the Doctrine of the Trinity, with an Answer to the late Socinian Objections against it. London, 1697.
6. Norris, John. Account of Reason and Faith, in relation to the Mysteries of Christianity. London, 1697.
7. Clarke, Samuel. Some Reflections on that part of the book called Amyntor... London, 1699.
8. Browne, Peter. A Letter in Answer to a Book entitled Christianity not mysterious, as also to all those who set up for Reason and Evidence, in opposition to Revelation and Mysteries. 1699.
9. Richardson, John. The Canon of the New Testament Vindicated. London, 1701.
10. An answer to Mr. Toland's reasons for addressing his Majesty to invite into England their highnesses the Electress Dowager and the electoral Prince of Hanover... London, 1704.
11. Letter to the autor of the memorial of the state of England. 1705 [Rawlins.]
12. Molyneux, William. Familiar Letters of Locke. London, 1708.
13. Toland's invitation to Dismal to dine with the Calveshead Club. 1711. [Автор—Свифт.]
14. Brett, Thomas. Tradition necessary to explain and interpret the Holy Scripture. 1718.
15. Paterson, James. Anti-Nazarene by way of answer to Mr. Toland, and also against a late pamphlet entitled The Difficulties and Discouragements which attend the Study of the Scriptures. London, 1718.

В) Позднейшие произведения

16. Mélanges de remarques crit., hist., philos, théol. sur les deux dissert. de M. Toland intit. l'une: L'homme sans superstition et l'autre: Les Origines judaïques, avec une dissert. tenant lieu de préface, où l'on examine l'argument tiré du consentement de tous les peuples, par Elie Benoist. Delft, 1712.
17. Mosheim, Laurentius, Joh. De vita, factis et scriptis Johannis Tolandi. «Vindiciae antiquae Christianorum disciplinae». 2 ed. Hamb.) 1722.

18. Des Maizeaux. Memoirs of the Life and Writings of Mr. John Toland. Prefixed to «A collection of several Pieces...» 1726.
19. Niceron, Jean-Pierre. Mémoires pour servir à l'histoire des hommes illustres de la république des lettres, avec un catalogue raisonné de leurs ouvrages. Paris, 1727 — 1745.
20. Lardner, Nathanael. The Credibility of the Gospel History.. London, 1727. 2 vol.
21. Baumgarten, Siegmund. Nachrichten von einer hallischen Bibliothek. 1748 — 1751. Toland.
22. Thorschmid, Urban Gottlob. Vollständige engländische Freydenker-Bibliothek... Cassel, 1766 [Toland.— B. III., pp. 1—472.]
23. Naigeon. Philosophie ancienne et moderne. Paris, an II de la République. 3 vol. [О Толанде в III томе.]
24. Toland's History of the Druids; with a life of Toland, notes etc. by R. Hudleston. Montrose, 1814.
25. Leland, John. View of the Principal Deistical Writers. 1837.
26. Lechler, G. V. Geschichte des englischen Deismus. Stuttgart, Cotta, 1841. [Глава третья: John Toland, pp. 180 — 209.]
27. Hunt, J. в «Contemporary Review». No. 6, 1868, pp. 178 — 198.
28. Farrar's Crit. Hist. of Free Thought, 1862. Lect. IV.
29. Hettner. Literatur d. 18. Jahrhunderts. Braunschweig, 1864. B. III.
30. «The English Freethinkers» в «Theological Review». No. 5 (November 1864).
31. Hunt, J. Religions Thought in England. 1870—1873. [Toland — vol. II, pp. 237 — 262.]
32. Berthold, Gerhard. John Toland und der Monismus der Gegenwart. Heidelberg, 1876.
33. Patrick, D. в «Theological Review». No. 59, Oktober, 1877.
34. Cairns, J. Unbelief in the Eighteenth Century. 1881.
35. Stephen, Leslie. History of English Thought in the Eighteenth Century. Vol. I. 1881.
36. Disraeli, Isaac. Calamities of Authors. [Нов. изд. 1881.]
37. Stöckl, Albert. Geschichte der neueren Philosophie. Mainz, 1883. 2. Bd. [Toland.— B. I., p. 259 — 262.]
38. Nourisson, Jean. Philosophies de la nature: Bacon. Boyle. Toland. Buffon. Paris, Perrin, 1887. [Toland — p. 85 — 196.]
39. Виноградов, Н. Д. Джон Толанд и его философско-религиозные взгляды. («Вопросы философии и психологии». Кн. 120 — 121).
40. Robertson, John M. A short history of Freethought ancient and modern. 2 vol. London, Watts, 1915. [Toland — vol. II, pp. 147 — 154.]
41. Sorley, W. R. A History of English Philosophy. Cambridge, 1920. Toland — pp. 145 — 149.]
42. Mauthner, Fritz. Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande. Bd. 1 — 4. Berlin, 1921. [Toland — B. II., pp. 409 — 449.]
43. Lange, Fr. Albert. Geschichte des Materialismus. Lpz., Brandstetter, 1921. [Toland — Bd. I., p. 270 — 274; 289 — 290.]
44. Тьямянский, Г. С. Джон Толанд. («Под Знаменем Марксизма». 1924, № 10 — 11, стр. 32 — 55.)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

(Не вошли имена библейские и мифологические)

- Август** (63 г. до нашей эры)—римский император. 64, 139.
- Александр Великий** (356—323 гг. до нашей эры)—македонский царь. 40, 41.
- Аммиан Марцеллин** (ок. 330 г. до нашей эры)—римский историк. 37, 52.
- Анаксагор** (500—428 гг. до нашей эры)—греческий философ. 33—37, 71, 84, 152.
- Анаксимадр** (611—546 гг. до нашей эры)—ионийский философ. 33, 119, 170.
- Анаксимен** (ок. 556 г. до нашей эры)—ионийский философ. 33—34, 37, 119.
- Анна** (1164—1714)—королева английская. 84.
- Антонин Марк** (121—180 гг.)—римский император. 139.
- Аппий Клавдий**—децимвир в 451 г. до нашей эры. 58.
- Аристарх Самосский** (310—250 гг. до нашей эры)—астроном. 150.
- Аристон** (ок. 275 г. до нашей эры)—философ-стоик. 38.
- Аристотель** (384—322 гг. до нашей эры)—греческий философ. 33, 35, 128, 146.
- Арнобий** (ок. 300 г. нашей эры)—латинский писатель. 72.
- Артабан**—лмя нескольких парфянских царей. 64.
- Бернет** (1643—1715)—английский богослов и историк. 36, 154.
- Бэйль, Пьер** (1647—1706)—французский философ. 80.
- Вандаль, Антоний** (1638—1708)—голландский врач и богослов. 16—17, 67.
- Варрон, Марк Теренций** (116—27 г. до нашей эры)—римский ученый. 140.
- Вильгельм III** (1650—1702)—король Англии. 9, 22.
- Виргилий** (70—19 гг. до нашей эры)—римский поэт. 49, 59, 132, 138, 145, 159.
- Вудворт** (1665—1722)—медик и естествовед. 153—154.
- Галлей** (1656—1742)—астроном. 150.
- Гезиод** (VIII век до нашей эры)—греческий поэт. 59.
- Геродот** (484—425 гг. до нашей эры)—греческий историк. 38—39, 41, 52, 151.
- Гераклит** (540—470 гг. до нашей эры)—греческий философ. 119, 155.
- Гермоген** (ок. 160 г. нашей эры)—греческий ритор. 140.
- Гиппарх** (ок. 190—125 гг. до нашей эры)—астроном. 150, 152.
- Гипатия** (ум. в 415 г. до нашей эры)—последовательница неоплатоновской философии. 170.
- Гиппократ** (460—356 гг. до нашей эры)—греческий врач.
- Гомер**—предполагаемый автор греческого эпоса «Илиада». 37, 41, 58, 132, 156, 159.
- Григорий Ариминский**—августинский монах, читал лекции в Париже, был генералом ордена в Римини, умер в 1358 г. 142.
- Дарий Гистасп** (550—486 гг. до нашей эры)—персидский царь. 40.
- Декарт** (1596—1650)—французский философ. 81, 86, 88—90, 127, 132, 156.
- Демокрит** (ок. 460 г. до нашей эры)—греческий философ. 41, 50, 145, 170.
- Дикеарх** (IV век до нашей эры)—греческий философ-перипатетик. 170.
- Диоген Лаэртций** (III век нашей эры)—греческий писатель. 7.
- Диодор Сицилийский**, современник Юлиа Цезаря—греческий писатель. 37, 39, 41, 43, 45, 52.
- Дион Кассий** (155—229 гг. нашей эры)—римский историк. 39, 52.
- Евдокс** (409—356 гг. до нашей эры)—математик и астроном. 41, 150, 151, 152.

- Елизавета (1533—1603)—королева английская. 8.
- Зенон** (ок. 334 г. до нашей эры)—греческий философ. 73.
- Иероним** (330—419)—отец церкви. 142.
- Ириней** (род. ок. 130 г.)—отец церкви, 35.
- Катон** (234—149 гг. до нашей эры)—римский государственный деятель. 13, 27, 162—163, 170.
- Клеанф** (III век до нашей эры)—стоик. 73.
- Климент Александрийский** (ум. в 210 г.)—богослов. 35.
- Коперник** (1473—1543)—астроном. 150—151.
- Коуард** (1656—1725)—английский философ-материалист. 14, 17.
- Ксенофан** (570—466 гг. до нашей эры)—греческий философ. 170.
- Ксенофонт** (434—359 гг. до нашей эры)—греческий историк и философ. 140, 158, 164, 170.
- Ксеркс** (485—465 гг. до нашей эры)—персидский царь. 37.
- Кудворт** (1617—1688)—философ. 119.
- Леклерк** (1707—1788)—естествоиспытатель. 54.
- Ликург** (390—324 гг. до нашей эры)—афинский государственный деятель. 41.
- Локк**, Джон (1632—1704)—английский философ. 8, 96, 125—129.
- Лукиан** (125 г. до нашей эры)—греческий поэт. 39, 42, 70.
- Лукреций** (ок. 99 г. до нашей эры)—римский поэт. 80, 95.
- Макробий** (V век нашей эры)—латинский писатель. 38, 52.
- Максим Тирский** (II век нашей эры)—платоник. 36.
- Маргарита** (1480—1530)—правительница Испанских Нидерландов. 8.
- Мейер, Л.**—врач, друг Спинозы. Первый издатель его сочинений. 86.
- Мелисс** (V век нашей эры)—греческий философ. 170.
- Менаж** (1613—1692)—французский филолог. 7.
- Минуций Феликс** (ум. ок. 210 г.)—христианский апологет. 72.
- Ньютон** (1642—1727)—физик и математик. 102, 105, 114, 131, 143.
- Оккам** (1270—1347)—философ-номиналист. 142.
- Ольденбург Г.** (1626—1678)—секретарь Королевского общества, друг Спинозы. 86.
- Павзаний** (II век нашей эры)—греческий писатель. 38—39.
- Парменид** (ок. 480 г. до нашей эры)—греческий философ. 170.
- Перикл** (V век нашей эры)—афинский государственный деятель. 35—36.
- Питей Марсельский** (IV век до нашей эры)—греческий путешественник. 150.
- Пифагор** (570 г. до нашей эры)—греческий философ. 36—37, 41, 47—48, 179.
- Платон** (428—347 гг. до нашей эры)—греческий философ. 7, 13, 35—38, 41, 140, 162, 170.
- Плиний Старший** (23—79)—римский писатель. 50—51, 54, 56.
- Плутарх** (50—125)—греческий историк. 59, 61, 64, 71, 140.
- Порфирий** (233—304)—философ. 40, 61.
- Прокл** (410—485)—философ-неоплатоник. 63.
- Птолемей** (II век нашей эры)—греческий астроном. 150, 152.
- Сальмазист** (1588—1653)—французский полигистор. 10.
- Север Корнелий** (63—14 гг. до нашей эры)—римский эпический поэт. 49.
- Сельден** (1584—1654)—английск. юрист и государственный деятель. 10.
- Сенека** (1—65)—римский стоик. 48, 137.
- Сократ** (469—399 гг. до нашей эры)—греческий философ. 13, 35, 62—64, 71, 81—82, 140, 162, 170.
- Солон** (VI век до нашей эры)—римский законодатель. 41.
- Спиноза** (1632—1674)—философ. 1, 17, 79—83, 85—87, 89—90, 93, 95, 119—120.
- Страбон** (60—20 гг. до нашей эры)—греческий географ. 59.
- Стиллингфлит** (1635—1699)—английский богослов. 154.
- Стратон Лампсакский** (240 г. до нашей эры)—греческий философ. 118.
- Теофраст** (371—286 гг. до нашей эры)—греческий ботаник. 152.
- Тертуллиан** (160 г. нашей эры)—богослов.
- Тимей Локрийский** (400 г. до нашей эры)—греческий философ пифагореец. 48.
- Унстон Вильям** (1667—1752)—английский богослов и математик. 154.
- Фабер Такакиль** (Таннегю-Лефевр)—(1615—1672)—филолог и гуманист.

- Фалес (624—548 гг. до нашей эры)—греческий философ. 33--34, 36--37, 170.
- Фемистокл (525 г. до нашей эры)—афинский военачальник. 64.
- Феодорит (ок. 386— '57 гг. нашей эры)—епископ Кирский. 37.
- Ферекид (V век до нашей эры)—греческий писатель. 36.
- Фома Аквинский (1225—1274)—философ. 142.
- Фонтенелль, де (1657—1757)—французский философ, 11.
- Х**ризипп (280—209 гг. до нашей эры)—греческий философ. 73.
- Ц**езарь (100—44 гг. до нашей эры)—римский император. 13, 42, 64.
- Цереллия—образованная римлянка, друг Цицерона. 170.
- Цицерон (106—43 до нашей эры)—римский оратор, государственный деятель и философ. 1, 10, 12—13, 36, 43, 57—61, 65, 72—74, 82, 91, 124, 137, 140, 149, 152, 162, 170, 173—174, 181—182.
- Э**вгемер (IV—III век. до нашей эры)—греческий писатель. 59, 70.
- Энний (239—169 гг. до нашей эры)—римский поэт. 63, 163.
- Эпикур (342—271 гг. до нашей эры)—греческий философ. 7, 47, 49, 80, 100, 143.
- Эратосфен (276—194 гг. до нашей эры)—греческий математик, астроном и географ. 54.
- Ю**венал (56 г. до нашей эры)—римский поэт. 49, 75.
- Я**п Юний Эганий — псевдоним Голанда. 137.
-

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА.
БИБЛИОТЕКА МАТЕРИАЛИЗМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. ДЕБОРИНА и Д. РЯЗАНОВА.

Людвиг Фейербах. Сочинения.

ТОМ I. Со вступительной статьей А. Деборина и с примечаниями
Л. Аксельрод-Ортодокс. М.—П. 1923, Стр. IV + 336. Ц. 90 к.

Содержание: Первая часть. „Фейербах как человек и мыслитель“. Вступительный очерк А. М. Деборина. 1. К критике гегелевской философии. 2. О „начале философии“. 3. Необходимость реформы философии. 4. Предварительные тезисы к реформе философии. 5. Основы философии будущего. 6. Критические замечания к „Основам философии“. 7. Против дуализма тела и души, духа и тела. Вторая часть. I. О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли. II. Эвдемонизм. III. Право и государство (из посмертных афоризмов). IV. Примечания Л. И. Аксельрод-Ортодокс.

ТОМ II. С предисловием А. Деборина. М.—Л. 1926. Стр. XVI + 445. Ц. 3 р.

Содержание: Предисловие редактора. Сущность христианства. Предисловие к первому изданию. Предисловие ко второму изданию. Предисловие к третьему изданию. Введение. Часть I. Истинная, т. е. антропологическая сущность религии. Часть II. Ложная, т. е. богословская сущность религии. Приложение: объяснения, примечания и цитаты. Сущность религии. О „Сущности христианства“ в связи с „Единственным и его достоинством“.

ТОМ III. Перевод А. П. С предисловием А. Деборина. М. 1924.
Стр. VII + 400. Ц. 2 р. 75 к., в папке 3 р.

Содержание: Предисловие редактора. Лекции о сущности религии. Приложения и примечания.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Спиноза.—Сочинения.
Пристли.—Избранные сочинения. 2 тома.
Лукреций.—О природе вещей.
Гассенди.—Избранные произведения.
Робинз.—О природе.

Дидген.—Сочинения. 2 тома.
Герден.—Философские работы.
Чернышевский.—Философские работы.
Лавров.—Избранные философские статьи.

26856

2 р. 50 к.

